

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СТАВРОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ»

На правах рукописи

ГАГЛОЕВА БЭЛА БОТАЗОВНА

**КРАСНЫЕ ПАРТИЗАНЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
В 1920–1930-Х ГГ.: ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ
И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ОРГАНАМИ ВЛАСТИ
(НА МАТЕРИАЛАХ СЕВЕРНОЙ И ЮЖНОЙ ОСЕТИИ)**

Специальность 5.6.1. – Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, доцент
Туфанов Евгений Васильевич

Ставрополь 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1. ПРИЧИНЫ, НАПРАВЛЕННОСТЬ И МЕТОДЫ ДВИЖЕНИЯ КРАСНЫХ ПАРТИЗАН В СЕВЕРНОЙ И ЮЖНОЙ ОСЕТИИ В 1917– 1920 ГГ.	43
1.1. Социально-экономические причины вовлечения крестьянства Осетии в Гражданскую войну.....	43
1.2. Цели и социальный состав движения красных партизан в Северной и Южной Осетии в 1918–1921 гг.....	55
1.3. Социальная адаптация красных партизан Северной и Южной Осетии в условиях преобразований 1920–1930-х гг.....	85
2. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ В ОСЕТИНСКОМ СЕЛЕ 1920–1930- Х ГГ.	109
2.1. Основные проявления общественных настроений и активности бывших красных партизан Северной и Южной Осетии в 1920–1930-х гг.....	109
2.2. Формирование системы политического контроля над красными партиза- нами в 1920–1930-х гг. в Северной и Южной Осетии	128
2.3. Репрессии в отношении бывших красных партизан Северной и Южной Осетии в 1930-х гг.....	152
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	183
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	189
ПРИЛОЖЕНИЯ	232

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Историческая наука генерирует новые принципы и подходы к прошлому. Для всестороннего познания прошлого активно используется комплекс таких научных направлений, как социальная антропология, история повседневности, локальная история, социальная психология; их методы успешно применяются при анализе исторических процессов, событий и фактов. Они позволяют обратиться к индивиду с его личностным мировоззрением, жизненными практиками, психологией; понять движущие мотивы его поступков и отказаться от обезличивания истории, включить в научное поле проблемы, оказавшиеся за границами исследовательского поиска.

Термин «красные партизаны» возник в ходе Гражданской войны и связан с вооруженной борьбой за социально-экономические и политические преобразования, заявленные большевиками. Партизанское движение велось на территории, занятой антисоветскими силами. Не входившие в состав регулярной армии красные партизаны, организованные в отряды, в деле сопротивления антисоветским силам опирались на поддержку народа. На лиц, входивших в состав вооруженных сил воюющих сторон и непосредственно ведущих боевые действия против неприятеля с оружием в руках и на личный состав добровольческих отрядов и ополчений, участвующих в военном конфликте, с 1907 г. согласно Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны¹, распространился также термин «комбатант», что позволяет далее применять оба обозначения как синонимы. В данной конвенции были также изложены признаки комбатанта, отличавшие его от гражданского населения.

Окончание Гражданской войны стало прологом серьезных изменений, коснувшихся не только экономики, политики, но и социальной сферы российского общества. Сформировалось принципиально новое устройство об-

---

¹ Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны (Гаага, 18 октября 1907 г.). URL: <https://base.garant.ru/254026/> (дата обращения: 21.01.2023).

щества. Прежняя социальная структура была разрушена, в результате чего российское общество разделилось на «бывших» и «советских» людей. В числе последних сложилась группа участников Гражданской войны, проявивших себя, сражаясь в краснопартизанских отрядах. Красные партизаны в регионах нередко составляли единственную политическую силу, вставшую на сторону большевиков и сыгравшую исключительную роль в борьбе с Белым движением. Красные партизаны – это группа лиц, возникшая в ходе Гражданской войны и объединенная жизненным опытом участия в ней. Гетерогенная социальная база партизанского движения не мешала сплоченности новой группы. Именно осознание своей исключительности вселяло в красных партизан уверенность в морально-психологическом и статусном превосходстве над остальными слоями послевоенного советского общества.

Изучение общественных настроений и поведения бывших красных партизан даёт возможность по-новому взглянуть на взаимоотношения власти и общества в 1920–1930-х гг., всесторонне исследовать механизмы интеграции в мирную жизнь людей, для которых война стала основным занятием.

Анализ опыта повседневности красных партизан в 1920–1930-х гг. представляет большой научный интерес. Во-первых, малоизученной темой являются общественные настроения комбатантов; во-вторых, не исследована активность этой социальной группы на Северном Кавказе, в которую входили представители, прежде всего, крестьянства, т.е. в подавляющем большинстве сельское население со своим видением новой жизни.

Феномен данной социальной общности оказался довольно живучим. На её примере отчётливо просматривается скрытый потенциал межэтнических противоречий внутри крестьянства, которые подпитывались нерешёнными в ходе Гражданской войны проблемами. Можно утверждать, что красные партизаны оказались во власти разновекторных политических течений. Они могли с одинаковым рвением направлять своё недовольство против забывших их органов правящей власти, но вместе с тем защищать власть от врагов.

В результате социальных катаклизмов коллективизации большинство красных партизан поддерживали и (или) приспосабливались к мероприятиям власти в деревне. Но часть их, наиболее активная и бескомпромиссная, выражала недовольство открытыми выступлениями и стихийными протестами. Данные обстоятельства вызвали наш интерес к изучению послевоенной жизни красных партизан на материалах Северной и Южной Осетии.

Наряду с теоретической, тема имеет прикладную актуальность. По мнению специалистов в области военного дела, вооруженные конфликты, рост терроризма и этнонационализма приведут к тому, что традиционные войны уступят место партизанским формам борьбы¹. Подтверждением этому стали войны в Афганистане и Сирии, конфликты на постсоветском пространстве, к примеру, на Кавказе и в Центральной Азии, на Украине. Но рано или поздно открытое противостояние заканчивается, и важно понять общественные настроения бывших комбатантов, организовать процесс их приспособления к мирной жизни. Поэтому исторический опыт краснопартизанского сообщества в Осетии 1920–1930-х гг. может стать востребованным и ценным.

Объект диссертационного исследования – красные партизаны – ветераны Гражданской войны как социально-исторический феномен.

Предмет диссертационного исследования – изменения общественных настроений и активности красных партизан – ветеранов Гражданской войны в Северной и Южной Осетии (1920–1930-е гг.), особенности их взаимоотношений с советской властью.

Территориальные рамки исследования включают зону компактного проживания осетин в 1920–1930-х гг., разделённую по политическим соображениям между двумя субъектами СССР – РСФСР (Северо-Осетинской автономной областью) и Грузинской ССР (Юго-Осетинской автономной областью). Этническое единство народа позволяет в ряде случаев употреблять термин «Осетия» без указания её частей.

---

¹ Боярский В.И. Партизанство вчера, сегодня, завтра. М., 2003.

Хронологические рамки исследования охватывают 1920–1930-е гг. – период наиболее активных трансформаций общества, применения органами власти двух различных стратегий строительства социализма: нэпа и индустриализации, что сопровождалось кризисом традиционных ценностей и созданием новых, коммунистических идеалов. Начальная граница исследования связана с установлением в обозначенном регионе Советской власти, а конечная – с периодом до начала Великой Отечественной войны.

Степень научной разработанности проблемы. В историографии исследуемой проблемы можно выделить следующие периоды: 1) 1917 г. – начало 1930-х гг.; 2) первую половину 1930-х – середину 1950-х гг.; 3) вторую половину 1950-х – 1980-е гг.; 4) 1990-е гг. – по настоящее время.

В годы первого периода публиковалось большое количество статей и выступлений партийных и государственных руководителей страны. Основы советской историографии были заложены в их работах¹.

Работы 1917–1920-х гг. имели двойственную природу: во-первых, их авторы были современниками описываемых событий, во-вторых, уже в то время они демонстрировали крайнюю предвзятость в отношении тех, кто имел своё видение проводимых реформ. Поэтому красных партизан, примкнувших к повстанцам, они характеризовали как попутчиков, а иногда и врагов советской власти. Авторы могли анализировать экономические и политические процессы 1920-х гг., лишь поделив советское общество на «красных» и «белых», что не давало возможности объективно и беспристрастно изучать механизмы, приведшие в движение многомиллионное население. Не были

---

¹ Ленин В.И. Успехи и трудности Советской власти // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 39–73; Его же. Государство и революция // Полн. собр. соч. Т. 33. С. 1–109; Его же. К вопросу о задачах Рабкрин, их понимании и их исполнении // Полн. собр. соч. Т. 44. С. 127–132; Бухарин Н.И. Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз. М., 1925; Каменев Л.Б. Статьи и речи. 1905–1925. М., 1925; Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1935; Ларин Ю. Советская деревня. М., 1925.

обойдены вниманием и крестьянские выступления, которые большевистскими лидерами трактовались как кулацкие восстания¹.

1920-е гг. для советской исторической науки – это период, когда историки, внедряя партийные директивы и политические оценки в сознание народа, старались свою тематику исследований и выводы сверять с утвердившимися в большевистской партии направлениями, основу которым составили труды В.И. Ленина. Как известно, причинами «крестьянских выступлений» на подконтрольной большевиками территории, отрицая их массовость, В.И. Ленин называл подрывную деятельность партии эсеров и белогвардейцев. Состав участников восстаний огульно обозначался как «кулацкий»².

Если о революционных подвигах красных партизан в 1920-х гг. было написано достаточно много и обстоятельно, то о мирной их жизни известно куда меньше. Особенностью первого периода является и то, что публикации одновременно являлись как частью историографии проблемы, так и её источниками (воспоминаниями участников событий). В 1920-х гг. ещё была возможность вести методологические дискуссии. Менялись векторы исследований: на первое место вышел вопрос классовой борьбы и советской экономики.

К теме обращались представители лагеря победителей³ и лагеря побежденных, оказавшихся в эмиграции участников событий⁴. Многие из эмигрантов отмечали, что революция – большая национальная трагедия. Однако и у них отмечаются ошибочные суждения о сути крестьянского движения, его причинах и формах. Анализируя крестьянство лишь как средство борьбы с

---

¹ Тухачевский М.Н. Борьба с контрреволюционными восстаниями // Война и революция. 1926. № 7; Лацис М.И. Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920; Козаков А.С. Общие причины возникновения бандитизма и крестьянских восстаний // Красная армия. 1921. № 9. С. 21–39.

² Ленин В.И. Телеграмма С.П. Серее. 19 августа 1919 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 154.

³ Какурин Н.Е., Вацетис И.И. Гражданская война. 1918–1921 / под ред. А.С. Бубнова и др. СПб., 2002; Гражданская война 1918–1921: в 3 т. М., 1928–1930; Кин Д. Деникинщина. Л., 1927; Ратгаузер Я.А. К истории гражданской войны на Тереке. Баку, 1928.

⁴ Коцев П.Т. Свобода не дается без жертв. Из истории Горской республики // Наш Дагестан. Махачкала, 1994. № 172–173. С. 122–134.

большевиками, а не как автономную, самостоятельную силу, способную повлиять на исход Гражданской войны, «белые» авторы замалчивали собственные просчёты в исполнении аграрной политики как одну из возможных причин недовольства. Более того, корни крестьянских восстаний они усматривали и в подрывной деятельности «красных». Смеем предположить, что такое изложение событий было вызвано спецификой положения, профессиональными качествами, убеждениями, также отсутствием под рукой источников, что не позволяло составить цельное представление о ситуации в России в 1918–1922 гг.

На региональном уровне истории Гражданской войны также контролировалась партийно-государственными структурами. В 1920–1930-е гг. появились работы известных историков: Н.Л. Янчевского, И.П. Борисенко, И.Г. Буркина, которые впервые обобщили большой фактический материал и постарались дать целостную картину событий¹.

В тот же период вышли труды К.С. Бутаева, который являлся активным сторонником большевиков и возглавлял народные массы в годы Гражданской войны в Осетии, а потом занимал ответственные партийно-государственные посты. Он написал ряд статей, представляющих научный интерес и сегодня². Послевоенная жизнь бывших партизан Осетии рассматривалась лишь через призму аграрных преобразований³.

В исследованиях историков 1920-х гг. не было реального отображения социальной истории, тем более – предметного исследования повседневной жизни сельских жителей. Внимание акцентировалось на материальных во-

---

¹ Янчевский Н.Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе: в 2 т. Ростов н/Д, 1927; Борисенко И.П. Советские республики на Северном Кавказе в 1918 году. В 2-х т. Ростов н/Д, 1930; Буркин И.Г. Октябрьская революция и гражданская война в горских областях Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1933.

² Бутаев К.С. Избранное. Владикавказ, 2003.

³ Датиев И.М. Земельный вопрос в Горской Советской Социалистической Республике. Владикавказ, 1921; Хасиев А.И. Хозяйственное и социокультурное строительство Северной Осетии. Владикавказ, 1926; Авсарагов М. Промышленность и сельское хозяйство Северной Осетии за 10 лет советской власти (1920–1930) // Революция и горец. Ростов н/Д, 1930. № 8; Ванети З.И. Народное хозяйство Юго-Осетии за 10 лет и перспективы его развития // Известия ЮОНИИ. 1933. Вып. 1. С. 56.

просах, касающихся крестьянства, развития сфер культуры, образования, здравоохранения на селе и т.п., которые в большинстве случаев воспринимались через призму достижений новой власти под чутким руководством партии большевиков. Исходя из этого, про накаленную атмосферу в деревне, вызванную последствиями преобразований советской власти умалчивалось. Однако и в таких «приглаженных» исследованиях находилось место некоторым сюжетам повседневности крестьянства.

Отчасти свет на проблему проливают работы, в которых рассматривались некоторые девиации в обществе, но и они трактовались как отступление от идей социализма и влияние противников советской власти на отсталые слои населения. Авторы исследований, указывая на социальный состав преступников, называли имена ряда бывших красных партизан, попавших позже в ряды повстанцев, преступников, казнокрадов и т.д.¹

Таким образом, первый период отечественной историографии темы в 1920-х гг. развивался в условиях относительной свободы мнений. Исследователями было сделано немало для изучения экономических и социально-политических процессов в деревне. Но многие наработки не нашли своего применения и позже были отвергнуты советской исторической наукой.

В первой половине 1930-х гг. направленность отечественной историографии стала сверяться с постулатами «Краткого курса истории ВКП(б)», в котором жёстко определялись методология научного исследования, тематика и выводы об изучении истории страны конца XIX – первой трети XX вв. Относительно свободная в 1920-е гг. историческая мысль оказалась полностью подчинена государственному запросу в плане мифологизации ряда этапов и аспектов отечественной истории².

---

¹ Стройло И.С. Повстанческое движение на территории Северо-Кавказского военного округа // Красная Армия. 1921. № 9. С. 55–65; Б. и С. Бандитизм на Тереке // Коммунистический путь. Пятигорск. 1923. № 22–24. С. 134–139.

² Ярославский Е.М. Краткая энциклопедия большевизма. К выходу «Краткого курса» истории ВКП(б) под редакцией Комиссии ЦК ВКП(б), одобренного ЦК ВКП(б) // Историк-марксист. 1938. № 5. С. 3–31.

Основной темой в историографии этого периода становится проблема столкновения революционных и контрреволюционных сил. Внимание уделялось тем регионам, где Гражданская война достигла невероятного накала. К таким регионам авторы справедливо относили Дон, Терек и Кубань¹. Крестьянские выступления по-прежнему трактовались как кулацкие. Данные выступления сводились к тезису о классовой борьбе, авторов мало смущал социальный состав повстанцев, их лозунги и проч.² Под запрет попали проблемы, связанные с настроениями крестьян по отношению к экономической политике в деревне; принудительная коллективизация; недовольство городских жителей; партийно-государственный диктат и др. Эти тенденции нашли отражение и в региональных исследованиях. Военная история стала своего рода идеологическим ресурсом, а содержание Гражданской войны и её последствий оказалось забытым и не востребованным³. Те авторы, которые пытались дать иную интерпретацию происходивших процессов, объявлялись ярыми антисоветчиками, и их работы не доходили до читателей. Поэтому невозможно, за исключением ряда ярких представителей партизанского движения, проследить, как складывались взаимоотношения власти и этой социальной группы. Таким образом, историографическая ситуация в указанный период определялась жёстко заданными идеологическими оценками.

В работах второго историографического периода, несмотря на введенный в научный оборот обширный архивный материал, отчётливо ощущается избирательность подходов к изучению многих тем. В этот период советская историография находилась в жёстких цензурных тисках. Так, схема исследования коллективизации и отношения к ней крестьянства была тривиальна,

---

¹ История гражданской войны в СССР в 5 т. М., 1935–1960; Разгон И.С. Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе. М., 1941.

² Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927–1937 гг.). Краснодар, 1937; Аграрная политика Коммунистической партии на Дону и на Северном Кавказе (1920–1937). Ростов н/Д, 1948.

³ Дзокаев К.Х. Материалы по истории коллективизации крестьянских хозяйств Северо-Осетинской АССР // Известия СОНИИ. Дзауджикау, 1945. Т. X. Вып. 2; Узнародов М.Т. Борьба коммунистов Северного Кавказа за укрепление Советской власти и разрешение аграрного вопроса (1920–1921 гг.) // Ученые записки РГПИ. Ростов н/Д, 1954. Вып. 2.

так как колхозная жизнь обязательно представлялась как величайшее благо для сельских жителей.

В рамках третьего историографического периода, который совпал с реформами «оттепели», советские исследователи получают некоторую свободу. В исторической науке стали возможны дискуссии, свободный обмен мнениями. С середины 1950-х гг. такие дискуссии о периодизации советского этапа истории страны, отличавшейся от начертанной «Кратким курсом истории ВКП(б)», стали проводиться в научных журналах¹.

Учёным рекомендовалось издавать работы, в которых с новых позиций рассматривались репрессированные партийно-советские лидеры. Благодаря этому многие выходцы из краснопартизанской среды были реабилитированы. После снятия некоторых ограничений стало возможным оживление тематики, связанной с повстанческим крестьянским движением, с социальной политикой 1920–1930-х гг.²

Расширение источниковой базы стало основой для новых глубоких исследований, которые позволяли заполнить существовавшие научные лакуны, дать новое видение некоторым темам раннесоветского общества и т.д. Некоторое развитие получила история краснопартизанских отрядов в период Гражданской войны³. Но их послевоенная жизнь в очередной раз оказалась за пределами научного поиска.

Однако, официальная идеология диктовала необходимость всю созидательную энергию масс сводить к целенаправленной работе большевиков, которые, якобы, пользовались непререкаемым авторитетом в народной среде. По этой же схеме считалось, что партизанское движение было не результатом политической активности самого народа, а результатом целенаправлен-

---

¹ О периодизации истории советского общества // Вопросы истории. 1954. № 1; 1955. № 3–5; 1956. № 6.

² Поляков Ю.А. О политических настроениях крестьянства к концу гражданской войны // Октябрь и гражданская война в СССР. М., 1966.

³ Трифонов И.Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921–1923 гг.). Л., 1964.

ной работы местных деятелей РКП(б). В работах этого периода по-прежнему акцент делался на социально-экономические и политические процессы¹.

История красных партизан нашла своих исследователей и в Северной Осетии². Как следовало из направленности данного историографического периода, в региональных публикациях вся раннесоветская история сводилась к победе большевиков в Гражданской войне, славной роли красных партизан³. О послевоенном устройстве комбатантов революции также ничего не сообщалось. О социалистическом преобразовании народного хозяйства Южной Осетии написано гораздо меньше работ; эта тема не привлекала такого повышенного внимания, как революционные события⁴.

Середина 1950-х гг. стала новой вехой в исследовании истории Южной Осетии. Справедливости ради отметим, что революционная тематика оказалась в приоритете, так как события 1918–1921 гг. остались трагической раной в исторической памяти народа. Реабилитация многих видных деятелей красных партизан дала возможность привлечь новый архивный материал и расширить фронт поиска причин, оценки, специфики Гражданской войны и социалистических преобразований в Южной Осетии⁵.

Этому периоду посвящены статьи, монографии, произведения непосредственных участников событий. Так, С.Д. Кулов достаточно полно освещал вопросы помощи повстанческим отрядам юга Осетии трудящимися Терека в

---

¹ Петрова М.П. Партизанское движение на Ставрополье в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны // Ученые записки Пятигорского государственного педагогического института. Пятигорск, 1958. Т. XVI. Вып. 5. С. 109–142.

² Тотоев М.С. Очерки истории революционного движения в Северной Осетии (1917–1920 гг.). Владикавказ, 1957. С. 54–60.

³ Марзоев М.Е. Борьба Коммунистической партии за укрепление союза рабочего класса и крестьянства в первые годы восстановительного периода (1921–1922) // Ученые записки СОГПИ. 1958. Т. 23. Вып. 3. С. 3–25.

⁴ Абаев В.Д. Экономическое развитие Юго-Осетии. Цхинвал, 1956. Ч. 3.

⁵ Никонов И.Д. Крестьянские восстания в Юго-Осетии в 1917–1920 гг. Сталинир, 1956; Ванеев З.Н., Догузов П.В. Из истории борьбы трудящихся Юго-Осетии за Советскую власть Сталинир, 1957; Плиев Б.З. О культурном строительстве в Юго-Осетии в восстановительный период (1921–1925 гг.) // Известия ЮОНИИ. Сталинир, 1960. Вып. X; Его же. Промышленность Юго-Осетии в довоенный период // Известия ЮОНИИ. Цхинвал. 1964. Вып. XIII.

борьбе за советскую власть, а также боевую деятельность Второй Юго-Осетинской добровольной бригады¹.

Появляются статьи И.Н. Цховребова и Б.З. Плиева, которые впервые вводят материал о руководстве большевистским движением на юге Осетии коммунистами Грузии и Кавказского краевого комитета РКП(б)². На этом этапе историки специально разрабатывают тему, посвященную роли окружкома РКП(б) и ревкома в период национально-освободительной борьбы юго-осетинского крестьянства; большая часть обнародованного архивного материала была включена в издание «Очерки истории Юго-Осетинской организации Компартии Грузии»³.

Итак, «оттепель» стала своеобразной историографической революцией, толчком для дальнейшего развития исторической науки. В этот непродолжительный, но ёмкий период публиковались секретные документы, создавалась источниковая база исследований, связанных с историей революции и Гражданской войны. Учёные стали более свободны в своих выводах, пополняли отечественную историографию достойными работами. Но, несмотря на это, продолжал существовать политический заказ на восхваление партии и большой ее роли на всех этапах советской истории. Это вело к конъюнктурной деформации, так что многие аспекты темы были идеологически «неудобными», и, прежде всего, история революции и Гражданской войны.

В течение указанного периода происходило сосуществование нескольких тенденций: в одних исследованиях повторялись традиционные постулаты, дополненные новыми источниками; в других шёл активный поиск в рамках старой методологии новых подходов и методов, которые позволяли интерпретировать историю Гражданской войны отлично от предшественников. Были и новаторские работы, авторы которых указывали на то, что проводи-

---

¹ Кулов С.Д. Повстанцы Юго-Осетии в Терской Советской Республике // Известия ЮОНИИ. Цхинвал, 1962. Вып. 11.

² Цховребов И.Н., Плиев Б.З. Борьба трудящихся Юго-Осетии за установление Советской власти (1917–1921 гг.) // Известия Юго-Осетинского НИИ. Цхинвал, 1957. Вып. 8.

³ Цховребов Н.З. Очерки истории Юго-Осетинской организации Компартии Грузии. 1905–1921 гг. Сталинир, 1961. Ч. 1.

мые в 1929–1930-х гг. реформы разрушали не только традиционные формы хозяйствования в деревне, но и весь уклад жизни крестьянства, не всегда согласного с новациями. В Южной Осетии осуществление новаций полностью легло на плечи населения, не окрепшего от грузинских военных нападений 1920 г., что приводило к напряжению в отношениях с государством и выливалось в открытые или латентные формы противодействия¹.

В середине 1960 – конце 1980-х гг. увидели свет академические издания² – работы известных историков, специалистов по межвоенной истории, которые предполагали современные по тем временам методологические подходы к уже известным фактам и вводили в научный оборот большое количество новых документов и материалов³. В таком ключе написаны работы И.И. Минца, Ю.А. Полякова, В.П. Данилова⁴. Авторы определили методологические горизонты изучения истории 1920–1930-х гг.; обновили понятийный аппарат; заложили хорошую научную базу для последующих исследователей. В конце 1970-х гг. были признаны новые направления изучения истории крестьянства 1920–1930-х гг., в научный оборот введены интересные архивные документы, позволившие расширить круг исследовательских вопросов⁵. Но поступательному развитию историографии по-прежнему мешали идеологические установки, которые требовали от историков устоявшихся

---

¹ Козлов В.А. Культурная революция и крестьянство. 1921–1927 гг. М., 1983.

² История СССР с древнейших времен до наших дней. В 12 т. / под общ. ред. А.В. Фадеева. М., 1966. Т. 6; Россия в период империализма 1900–1917 гг. / ред. кол.: А.Л. Сидоров и др. М., 1968. Т. 7; Великая Октябрьская революция и гражданская война в СССР / под ред. И.И. Минца, Л.С. Гапоненко. 1967. Т. 8; Борьба советского народа за построение фундамента социализма в СССР 1933–1941 гг. / под ред. Ю.А. Полякова. 1967. Т. 9; Построение социализма в СССР 1921–1941 гг. / под. ред. А.П. Кучкина. М., 1971.

³ Трифонов И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975; Банкротство мелкобуржуазных партий в России в Октябрьской революции и гражданской войне, 1917–1922 гг.: сб. науч. тр.: в 2 ч. М., 1977.

⁴ Минц И.И. История Великого Октября: в 3 т. М., 1967–1973; Поляков Ю.А. О политических настроениях крестьянства к концу гражданской войны // Октябрь и гражданская война в СССР. М., 1966; Данилов В.П. К характеристике общественно-политической обстановки в советской деревне накануне коллективизации // Исторические записки. М., 1966. Т. 79.

⁵ Куликов В.М. К вопросу о содержании идеологии советского крестьянства в доколхозный период // Проблемы истории советского крестьянства: сб. статей. М., 1981. С. 114–122.

трактовок процессов в деревне; тематика исследований также находилась под контролем цензуры.

В 1980-е гг. увидела свет двухтомная работа «Гражданская война в СССР»¹, в которой была предпринята попытка в условиях сохранившегося идеологического контроля дать некоторые новые оценки происходившим в 1917–1920-х гг. процессам, по возможности объективно и всесторонне рассмотреть политические силы, противостоящие в Гражданской войне и избежать однозначных оценок.

Так как в советской историографии «очеловечивание» истории отводилось крайне мало места, то объектом изучения могли быть рабочий класс и колхозное крестьянство; остальные социальные группы и слои оказывались на периферии научного интереса².

Региональная историография имела те же, если не более явные недостатки, чем общесоюзная. Упор делался не на всестороннее изучение постреволюционных процессов, а на создание героического образа борца – красного партизана как в историографии, так и в исторической памяти³. Это приводило к определенным перегибам: дореволюционную национальную интеллигенцию зачастую пытались представить, как аморфную массу, которая не имеет политических ориентиров, так как не придерживается большевистских взглядов (хотя такое утверждение не соответствовало действительности).

Таким образом, в данный период изучение истории Гражданской войны и послевоенного устройства общества обогатилось за счет введения в науч-

---

¹ Гражданская война в СССР: в 2 т. / под общ. ред. Н.Н. Азовцева. М., 1980, 1986.

² Трифонов И.Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921–1925 гг.). Л., 1964. Ч. 1; 1969. Ч. 2; Его же. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975.

³ Очерки истории Юго-Осетии. Цхинвал, 1969. Т. 1; Плиев Б.З. Борьба трудящихся Южной Осетии за Советскую власть (1917–1921 гг.). Цхинвал, 1977; Плиев Б.З., Цховребов И.Н. Образование Юго-Осетинской автономной области. Цхинвал, 1972; Кесаев А.К. Из истории борьбы трудящихся Северной Осетии за власть Советов. Орджоникидзе, 1979; Тотоев М.С. Солдат революции (Краткий исторический очерк о жизни и революционной деятельности С. Такоева). Орджоникидзе, 1967; Цховребов В.Д., Санакоев М.П. Южная Осетия в период трех революций (1900–1921). Тбилиси, 1981; Кулов С.Д. Керменисты в борьбе за Советскую власть. Орджоникидзе, 1973; Борцы революционного движения в Юго-Осетии / сост. И.Н. Цховребов. 2-е изд., доп. Цхинвал, 1987.

ный оборот новых источников. Но вместе с тем, оказавшись в тесных рамках государственного подхода к изучению истории, специалисты не могли давать объективные оценки происходившим в 1920–1930-х гг. процессам, что нередко приводило к ошибкам в освещении этих явлений. Главной слабостью литературы указанного периода было то, что некоторые новации в проблематике не могли изменить в целом направленность идеологических векторов исторической науки.

Советская историография данного периода несла в себе противоречивые постулаты. Исследователи были правы в том, что революционные процессы нельзя рассматривать лишь через призму пробольшевистских сил, объективный анализ из оппонентов даст возможность реконструировать всю картину¹.

Состояние исторической науки зависит от состояния общества. Это со всей очевидностью проявилось в ходе «перестройки». Научный интерес к изучению вопроса о взаимоотношениях власти и участников Гражданской войны – красных партизан (1920–1930-х гг.) в аспекте общественных настроений и активности социальных групп проявился в начале 1990-х гг., что было связано со становлением политического плюрализма и открытием доступа к новым источникам.

В конце 1980-х гг. исследователи пришли к выводу о том, что их предшественники сделали много для изучения Гражданской войны, ранних десятилетий советской власти, хотя имелись некоторые неверные выводы (например, о правильности курса на коллективизацию без учета традиционных ценностей сельских тружеников). Авторы попытались обозначить достижения и недостатки предшественников, наметить пути дальнейшего научного поиска. Литература последнего советского историографического

---

¹ Козлов А.И., Хмелевский К.А., Этенко Л.А. Изучение истории борьбы за власть Советов на Дону и Северном Кавказе // Вопросы истории. 1981. № 10. С.32–46.

периода представляет ценность тем, что авторами дан глубокий анализ теоретико-методологической базы работ по раннесоветской истории¹.

На рубеже 1980–1990-х гг. в отечественной историографии произошел антропологический поворот, который способствовал расширению научных горизонтов, признанию новых исследовательских направлений (истории повседневности, локальная история, историческая антропология и др.). Это позволило заложить основы более современных методологических принципов, в рамках пока ещё сохранявшейся марксистско-ленинской методологии. Как указывает О.М. Морозова, «целью антропологической историографии является исследование влияния структур и объективных процессов на индивида, установление степени его рефлексирования на них»². Так постепенно в ракурс исследований стал попадать обычный человек со своими представлениями, поведением, установками³.

Работы авторов стали ориентиром для региональных специалистов которые сверяли с ними основные направления исследовательской работы⁴. Региональная историография несколько отставала от новых историографических тенденций. Историки по-прежнему занимали традиционную позицию в отношении всего советского периода⁵.

Таким образом, работы указанного периода тоже страдали односторонностью, связанной с господствующими идеологическими установками. Но

---

¹ Литвин А.П., Поликарпов В.Д., Спирин Л.М. Гражданская война. Ломка старых догм и стереотипов // Историки спорят. 13 бесед. М., 1988; Зеленин И.Е. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации // История СССР. 1989. № 2.

² Морозова О.М. Антропология Гражданской войны. Ростов н/Д, 2012. С. 11.

³ Кузнецов И.С. Массовая психология сибирского крестьянства и политическая жизнь деревни в 20-е годы // Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск, 1990; Миронова Т.П. Политическое сознание советского доколхозного крестьянства в обществоведческой литературе 70–80-х гг. // Проблемы историографии и истории культуры народов СССР. М., 1988. С. 115–127.

⁴ Осколков Е.Н. Голод 1932/1933 года. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 года в Северо-Кавказском крае. Ростов н/Д, 1991; Туаева М.П. Политическое мышление и политическая культура крестьянства в первой половине 1920-х гг. // Северная Осетия: история и современность: сборник статей / под ред. Н.Д. Малиева. Владикавказ, 1990. Вып. 8. С. 43–47.

⁵ Моисеев Г.М. К истории решения аграрного вопроса на Тереке (1918–1920 гг.) // Известия Северо-Осетинского НИИ. 1990. Т. 29; Гассиев В.Э. Так было. Сталинир, 1957; Моисеев Г.М. Новое поколение. М., 2010.

появляются исследования, новаторские по поднимаемым проблемам, в которых учение определили новый вектор развития исторической науки, дали новые методические знания, ставшие основой будущих изысканий.

Непоследовательность реформ проецировалась на научные концепции. В 1990-х гг. революция и Гражданская война стали рассматриваться многими историками как злой умысел В.И. Ленина, превратная реализация марксистской доктрины на российской почве¹.

На современном этапе развития историографии поставлены новые исследовательские задачи и разрабатываются методические подходы к решению традиционных вопросов, к определению роли социальных страт в политической жизни советского общества 1920–1930-х гг.²

Большой интерес представляют работы, в которых исследуются вопросы изменения аграрной и национальной политики в Северо-Кавказском регионе в 1920–1930-х гг.³ Так, коллектив авторов указывает: «Повстанческие выступления в автономиях Северного Кавказа вызывались как общими для регионов СССР причинами (влияние зарубежных государств, политика « военного коммунизма», чрезмерное налогообложение, слабое продовольственное снабжение, атеистическая пропаганда), так и своеобразными причинами, характерными для этого региона: социально-экономической отсталостью, тра-

---

¹ Леонов С.В. Рождение советской империи: Государство и идеология, 1917–1922 гг. М., 1997; Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992.

² Булдаков В.П. Деструкция личности революционера в России, 1920-е гг. // Человек и личность как предмет исторического исследования. Россия (конец XIX – XX в). СПб., 2012.

³ Мамсиров Х.Б. Проблемы становления советской административно-политической элиты в национальных автономиях Северного Кавказа в 1920-х гг. // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2010. Т. 12, № 6–1. С. 70–77; Морозова О.М. Зарождение провинциальной бюрократии (на материалах Северного Кавказа и Нижнего Поволжья) // Национальная политика и модернизация системы управления на Юге России: исторический опыт и современные вызовы: материалы всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 27–28 сент. 2012 г.). Ростов н/Д, 2012. С. 234–241; Матвеев В.А. Националистическая Вандея и проявления устойчивости российской интеграции на Северном Кавказе в кризисных условиях, 1917–1921 гг. Изд. 2-е, испр. и доп. Ростов н/Д, 2016; Баранов А.В. Наследие Гражданской войны во взаимоотношениях казачества и крестьянства Юга России с властью в 1920-х гг. // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27, № 4. С. 116–127.

диционализмом, патриархально-клановыми отношениями, территориальными и этническими конфликтами, повышенной религиозностью населения»¹.

Исследователи стали обращать внимание на адаптацию бывших красных партизан и красногвардейцев в условиях советских преобразований, со свойственными ей плюсами и минусами². Историки указывали на исключительность партизанского феномена, который прошел несколько важных исторических этапов (от зарождения до ликвидации) и динамично менялся³. Авторы отмечают, что бывшие комбатанты стояли на позициях советской власти, но имели свою точку зрения, и большевики не могли её игнорировать.

Интересные соображения высказал в концептуальной статье А.В. Посадский⁴. Анализ архивных документов позволил сделать вывод о том, что в партизанском сообществе удивительным образом уживались две разноплановые тенденции; с одной стороны, комбатанты не всегда были довольны отношением со стороны власти, которая не оплатила за героизм в годы Гражданской войны, с другой стороны, эти же люди могли вновь пойти под дуло винтовок, чтобы защитить советскую власть от «всякой контры».

Большую исследовательскую работу провела О.М. Морозова, которая собрала архивные документы, чтобы выявить общее и особенности в статусе, послевоенной повседневной жизни бывших красных партизан⁵. Автор сделала вывод о том, что экономические и социально-политические процессы 1920–1930-х гг., при объективно непростом характере их протекания, услож-

---

¹ Национальная политика в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР, 1920-е гг.: институциональный и коммуникационный аспекты взаимодействия власти и общества / В.В. Касьянов, А.В. Баранов, А.В. Ишин, А.Ю. Рожков. Краснодар, 2022. С. 358.

² Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Иное понимание советской власти: история социальной борьбы красных партизан в 1920–1930-х гг. (на материалах Юга России) // Преподаватель XXI век. Исторические науки. 2009. № 3. С. 230–238.

³ Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Красные партизаны в советской действительности... С. 231.

⁴ Посадский А.В. Феномен красных партизан. 1920–1930-е годы // Вопросы истории. 2010. № 1. С. 49–56.

⁵ Морозова О.М. Два акта драмы: боевое прошлое и послевоенная жизнь ветеранов Гражданской войны. Ростов н/Д, 2010; Её же. Антропология Гражданской войны. Ростов н/Д, 2012; Её же. Цари, казаки, красные командиры... Семь очерков в жанре историко-психологического портрета. Ростов н/Д, 2010; Разиньков М.Е., Морозова О.М., Посадский А.В. Деструкция здоровья участников военных действий под влиянием» долгой войны» 1914–1922 гг. // Манускрипт. Тамбов, 2020. Т. 3, № 1. С. 42–49.

нялись непродуманными, агрессивными и насильственными действиями властей. Это не могло не вызывать нарастания напряжения между властью и группой красных партизан. Но в этом случае победа оказалась на стороне властей, которым, как выяснилось, больше не нужны были бывшие комбатанты. Изложенная концепция послевоенной жизни бывших комбатантов стала наполняться исследованиями в разных регионах¹. Большой интерес тема вызвала в Северной и Южной Осетии². Авторы рассматривали вопросы социального положения, социального статуса, карьерного роста, оппозиционных настроений, вызванных не оправдавшимися надеждами и др.

Вместе с несомненными достоинствами указанных работ встал вопрос междисциплинарного изучения темы, которая является фронтальной и требует междисциплинарного подхода, всестороннего анализа экономических, со-

---

¹ Метёлкина Л.Н. Бывшие красные партизаны как ресурс региональной элиты (на примере Восточной Сибири и первой половины 1930-х годов) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 5–3(11). С. 118–126; Воробьёв С.В. Красные партизаны Троицкого округа в середине 1920-х.: во власти и против власти // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. Челябинск, 2021. Т. 21, № 1. С. 16–20.

² Хубулова С.А. Заявления бывших красных партизан Юга России в 1920–1930-х гг. // Вопросы истории. 2018. № 9. С. 54–66; Её же: «Я – бывший красный партизан»: комбатанты Гражданской войны в эго-документах // Кавказоведение: опыт, проблемы и перспективы: материалы всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящённой 100-летию известного ученого-кавказоведа, профессора Валентины Павловны Невской. Карачаевск, 2019. С. 251–258; Гаглоева Б.Б. Материальное положение красных партизан в 1930-х гг.: специфика и региональные особенности льготной программы (на материалах Юга Осетии) // Общество: философия, история, культура. Краснодар, 2018. № 9 (53). С. 51–54; Хубулова С.А., Гаглоева Б.Б. «Про нас, как красных партизан, забыли и думать, что мы есть на свете». комбатанты Осетии в эго-документах // Электронный журнал «Кавказология». Нальчик, 2018. № 3. С. 54–68; Хубулова С.А. Деятельность Северо-Осетинской комиссии по делам бывших красногвардейцев и красных партизан (1924–1935 гг.). // Известия СОИГСИ. 2017. № 23 (62). С. 136–164; Хубулова С.А., Гаглоева Б.Б. Жизненные стратегии ветеранов гражданской войны (на материалах Северной и Южной Осетии) // Известия СОИГСИ. 2017. № 25 (64) С. 88–99; Хубулова Э.В., Хаблиева Л.Ч., Гаглоева Б.Б. Жалобы бывших красных партизан Осетии на лишение их этого статуса (1933–1935 гг.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12, № 1. С. 383–388; Гаглоева Б.Б. Анкета бывших красных партизан как источник по социально-политической истории 1920–1930-х гг. (на материалах Северной и Южной Осетии) // Альманах «Кавказество». 2020. № 49 (7). С. 59–64; Khubulova S.A., Sosranova Z.V., Dzottsoeva Z.E., Tsarikaev A.T., Gagloeva B.B. Social reflection of former civil war red partisans in the post-war period // The European Proceedings of Social & Behavioral Sciences EpSBS. Conference: SCTCGM 2018 – Social and Cultural Transformation in the Context of Modern Globalism. Grozny, 2019.

циокультурных, поведенческих и других аспектов¹. Авторы, свободные от жесткого идеологического прессинга, вводят в круг научных проблем аспекты, ранее не становившиеся объектом изучения, но игравшие важную роль в изучении исторических процессов².

На психологию масс в переходные периоды обратил внимание известный исследователь В.П. Булдаков, который заключил, что благие намерения революционеров и их сторонников всегда разбиваются о те методы, которыми совершаются перевороты³. Определение характера гражданского противостояния тем более важно, что оно дает возможность показать историю с «человеческим лицом», глазами её участников: как и почему входили в 1917–1930-е гг. в повстанческие отряды люди, какие цели преследовали, какие поведенческие формы проявляли⁴.

В попытке дать полное и всестороннее освещение общественных настроений авторы всё чаще обращаются к методам из смежных с историей наук. Междисциплинарный подход является главным направлением в поисках исторической истины при раскрытии темы⁵.

---

¹ Поляков Ю.А., Жиромская В.Б. Человек в повседневности: Прошлое и настоящее // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2003. № 2. С. 8–9.

² Новая локальная история: методы, источники, универсальная и принципиальная историография: материалы науч. конф. Ставрополь. 2006. С. 205; Румянцева М.Ф. Новая локальная история и современное гуманитарное знание // Новая локальная история. Ставрополь, 2006. Вып. 3; Булыгина Т.А. Региональная история: поиски новых исследовательских подходов. URL: history.vuzlib.org/book_064_page_75.html (дата обращения: 14.06.2022).

³ Булгаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. Изд. 2-е, доп. М., 2010; Его же. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930. М., 2012.

⁴ Телицын В.Л. Бессмысленный и беспомощный? Феномен крестьянского бунтарства 1917–1921 годов. М., 2003. С. 247; Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте». Ч. 1 // Власть. 2010. № 4. С. 348.

⁵ Поршнева О.С. «Новый человек» как феномен советского проекта индустриального развития (1920 – начало 30-х гг.) // Общественные науки. 2016. № 3. С. 100–115; Шишкин В.И., Савин А.И. Социальная мобильность в России в эпоху войн, революций и радикальных трансформаций первой половины XX в.: основные направления и результаты изучения // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2014. № 4. С. 89–91; Амбарцумян К.Р., Булыгина Т.А. Кавказ в политике Добровольческой армии на Юге России: международный контекст (1918–1920 гг.) // Вопросы истории. 2020. № 11–1. С. 159–169.

В новейших исследованиях активно применяются разработки политической, социальной, военной истории, что формирует новую концепцию Гражданской войны¹. Свидетельством актуальности проблематики являются диссертационные исследования². Одним из современных направлений науки стала социальная история, главными темами которой являются социальные группы, их взаимодействие, конфликты, общественные движения³.

В этой связи интерес ряда источников вызывает вопросы социальной психологии и стратификации, модели поведения в политических процессах⁴. Специалисты изучили социально-психологические аспекты российской истории XX в. в переломные периоды, с помощью междисциплинарных методов проанализировали крестьянский менталитет и поведение сельских жителей в революции⁵.

---

¹ Булыгина Т.А., Клопихина В.С. Организация Истпарта как инструмента выработки советского конструкта исторической памяти: региональный контекст // Российско-Австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Ставрополь, 2018. С. 186.

² Тадтаев Т.В. Социально-экономические и демографические процессы в Южной Осетии (1861–1991 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ 2009; Морозова О.М. Человек в условиях гражданской войны: антропология российского вооруженного конфликта 1917–1920 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 2012.

³ Семенов А.А., Долголевич А.А. Специфика восприятия экономической жизни властью и населением России в годы гражданской войны (1917–1920 гг.) // Евразийский союз ученых. 2014. № 8–4. С. 146–147; Туфанов Е.В., Кравченко И.Н. Партийно-государственная номенклатура и процесс индустриализации в Северокавказском регионе // Вестник Калмыцкого университета. Элиста, 2021. № 4. С. 131–137; Аверьянов А.В., Батыров А.Е. Особенности формирования и коренизации государственного аппарата в контексте национального строительства на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. № 10; Социальная история. Ежегодник, 2000. М., 2000; Социальная история. Ежегодник, 2003. М., 2003; Засухин Р.В. Историко-антропологический подход к изучению гражданской войны на Юге России // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Ростов н/Д, 2008. № 2. С. 59–63; Блиев М.М. Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений. М., 2006.

⁴ Поршнева О.С. «Новый человек» как феномен советского проекта модернизации 1920–1930-х гг.: замыслы и реальность // Исторические вызовы и экономическое развитие России: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. М., 2019. С.439–443; Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001; Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции с Советской России 1917–1932 гг. М., 2010.

⁵ Мазур Л.Н. Формирование социальной структуры советского общества: от идеи равенства к новому неравенству // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы, и программы социальных преобразований: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2017. С. 470–496; Аксёнов В.Б. Слухи, образы, эмоции: массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М., 2020.

Тема оказалась столь интересной и востребованной, что вызвала к жизни ряд научных конференций. Их участниками отстаиваются идея о междисциплинарном подходе к проблеме «Человек и война», что позволило бы использовать новые методы в изучении военного опыта мирного населения¹. В российской исторической науке выделяются работы Е.С. Сенявской, которая впервые изучила психологию комбатантов Великой Отечественной войны, заложив основу анализа психологии человека воюющего².

Отечественная историческая наука находится в тесном переплетении с исследовательскими проектами зарубежных авторов, что приводит к взаимному обогащению знаниями³. Несмотря на различные взгляды на советскую историю 1920–1930-х гг., специалисты сходятся в том, что административно-командная система, зарождавшаяся в этот период, имела целью не только политический контроль, но и принудительное вовлечение населения в так называемую «доминирующую культуру»⁴. Это, по мнению зарубежных исследователей, даёт право называть коллективизацию и ее осуществление второй Гражданской войной.

В региональной историографии также стал возрастать интерес к повседневной жизни населения⁵. Не обойдены вниманием политические процессы, которые отразились на умонастроениях граждан Северной и Южной Осетии¹.

---

¹ Человек и война. Война как явление культуры / под ред. И.В. Нарского, О.Ю. Никоновой. М., 2001.

² Сенявская Е.С. Военная антропология: опыт становления и развития новой научной отрасли // Вестник Мининского университета. 2016. № 1–2. С. 14–17.

³ Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М., 2010; Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011; Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М., 2001; Браунинг К.Р., Сигельбаум Л.Х. Социальная инженерия. Сталинский план создания «нового человека» и нацистское «народное сообщество» // За рамками тоталитаризма. Сравнительные исследования сталинизма и нацизма. М., 2011.

⁴ Гончарова И.В. Современные концептуальные подходы в историографии коллективизации // Учёные записки Орлов. гос. ун-та. 2015. № 1 (64). С. 21–28.

⁵ Жупикова Е.Ф. Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 годах (документальные публикации и новейшая отечественная историография) // Отечественная история. 2004. № 3. С. 159–169; Токарева Н.А. Деформация социально-экономических отношений в станицах и селах Северо-Кавказского края в 1920-х гг. Ростов н/Д, 1994; Дзу-

В ряде диссертаций анализируются процессы, связанные с бывшими красными партизанами². Избранная тема распадается на ряд проблем, которые разрабатывались или игнорировались отечественными историками разных лет. Глубинное познание этих проблем позволяет проследить процесс адаптации борцов за советскую власть в новые условия жизни и повседневные практики 1920–1930-х гг., обратную связь между советской властью и бывшими комбатантами. Этими соображениями и руководствуется автор при анализе историографии темы.

Хотя предшественники создавшие историографическую традицию, обращались к теме революции и Гражданской войны, изменение общественных настроений и активность красных партизан, их взаимоотношения с советской властью в 1920–1930-х гг. требуют углублённого изучения. Всесторонний анализ разнообразного материала, значительная часть которого была впервые включена в научный оборот, позволяет восполнить существующие в региональной историографии проблемы лакуны³.

Цель диссертации – определить изменения общественных настроений и активности бывших красных партизан Северной и Южной Осетии под влиянием партийно-государственной политики 1920–1930-х гг.

Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие

гаев К.Г. К вопросу об определении понятия «Окна возможностей» // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2015. № 2. С. 27–31.

¹ Цховребов И.Н. Юго-Осетинский Национальный Совет. Цхинвал, 2005; Царикаев А.Т. Практика лишения избирательных прав граждан в 1920-е годы // Актуальные проблемы гуманитарных наук: сб. науч. тр. Владикавказ, 2009. С. 206–209.

² Чехоева И.А. Социальная политика советской власти на Северном Кавказе в 1917–1924 гг. (на материалах Терской республики и Горской АССР): дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2008; Судаков Т.Г. Создание и деятельность Отделения Верховного трибунала ВЦИК в Горской АССР (1921–1923 гг.): исторический аспект: дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2009.

³ Дзугаев К.Г. Южная Осетия и большой террор в советской Грузии. URL: <http://C:/Users/User/Downloads/yuzhnaya-oseiya-i-bolshoy-terror-v-sovetskoj-gruzii.pdf> (дата обращения: 02.09.2022); Дзидзоев В.Д., Дзугаев К.Г. Южная Осетия в ретроспективе грузино-осетинских отношений. Цхинвал, 2007; Цховребов Ю.В. Южная Осетия и трагический 1937 год // Ванеев В.Д. Люди ... С. 7 (предисловие к книге); Тадтаев Т.В. Южная Осетия в 1920 году: Ч. 1 // Вестник Северо-Осетинского гос. ун-та им. К.Л. Хетагурова. 2015. № 2. С. 75–80.

задачи:

- раскрыть социально-экономические причины вовлечения крестьянства Осетии в Гражданскую войну;
- установить цели и социальный состав красных партизан в Северной и Южной Осетии в 1918–1921 гг.;
- выявить противоречивость социальной адаптации красных партизан Северной и Южной Осетии к преобразованиям общества в 1920–1930-х гг.;
- раскрыть основные проявления общественных настроений и активности бывших красных партизан Северной и Южной Осетии в 1920–1930-х гг.;
- охарактеризовать формирование системы политического контроля над красными партизанами в 1920–1930-х гг. в Северной и Южной Осетии;
- определить особенности репрессий в отношении бывших красных партизан Северной и Южной Осетии в 1930-х гг.

Методология и методы исследования находятся в тесной связи с поставленной целью и задачами работы. Принципы историзма, объективности и системности потребовали рассмотрения предмета исследования в историко-хронологическом контексте и способствовали установлению причинно-следственных связей на протяжении исследования.

Сравнительно-исторический метод позволяет рассмотреть сообщество комбатантов в сравнительной перспективе, изучить характерные особенности психологии красных партизан в годы революции, затем – в период нэпа и преобразований 1930-х гг.

Историко-генетический метод позволил реконструировать социальные и политические процессы в их хронологической последовательности и во взаимодействии.

Структурно-функциональный метод обеспечил выяснение организационного строения краснопартизанских объединений, задач их деятельности, направлений партийно-государственной политики в отношении бывших красных партизан.

Статистический метод способствовал уточнению информации о количестве участников революционных событий, их возрастном и культурном уровнях, а также дополнению сведений об экономическом положении региона в указанные годы.

Определение предмета исследования дало возможность проводить работу в рамках исторической антропологии, что предполагает анализ событийного многообразия через истории обычных людей и их жизненных стратегий, состоящих из таких форм, как организация своего социального пространства, досуг, работа, карьера, условия существования, взаимоотношения с властью и окружающим миром; трансформацию мировоззрения и нередко нарастание протестных настроений. Разрушение традиционных форм общежития крестьянского мира приводило не только к социально-экономическим коллизиям, но и меняло отношение сельских жителей к труду. Результатом крестьянских стратегий выживания становились как открытые формы протеста (участие в антиправительственных выступлениях), так и уклонение от налогов, письма-жалобы во власть на своё тяжелое положение, выход из организуемых в селах колхозов, девиантное поведение (пьянство, воровство, административные правонарушения и т.д.).

Методика биографического анализа с использованием контент-анализа (автор – С.А. Хубулова) дала возможность создать типологию биографий участников движения красных партизан. Это позволило всесторонне изучить и реконструировать механизмы адаптации бывших комбатантов Гражданской войны к реалиям советских преобразований.

Комплексное применение указанных методов и подходов позволило объективно и всесторонне рассмотреть вопросы общественных настроений красных партизан Северной и Южной Осетии и их взаимоотношения с органами власти в указанный период.

Источниковая база исследования. Работа над темой потребовала привлечения широкого корпуса разноплановых источников, среди которых: документы Коммунистической партии, нормативно-правовые акты всероссий-

ских и региональных органов власти, статистические материалы, архивные документы, выступления и статьи партийно-государственных лидеров, документы общественных организаций, материалы периодической печати, воспоминания.

Первый вид источников представлен широким спектром законодательных актов. Так Декреты СНК позволили осмыслить складывание государственной политики по отношению к крестьянству и выявить характер и уровень партийного руководства колхозным строительством в 1920-х в начале 1930-х гг.¹

Документы Российской коммунистической партии(РКП(б)–ВКП(б))² составили второй вид источников. Материалы съездов и Пленумов ЦК ВКП(б), их резолюции, исходящие от центральных и местных партийных органов, позволили определить и проанализировать направленность государственной политики ЦК ВКП(б) по отношению к крестьянству, выяснить динамику взаимодействия центральных с региональными органами власти.

Речи политических и государственных деятелей, статьи, доклады – содержит третий вид источников³. Исходя из этого определения были проанали-

---

¹ Декрет «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» // Документы Советской власти. Т.1. М., 1957. С. 113–115; Декрет «Об образовании рабочего и крестьянского правительства» // Документы Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 20–21; Декрет ВЦИК и СНК «О сельскохозяйственной кооперации» // Декреты Советской власти. Т. XVIII. Август 1921 г. М., 2009. С. 142–145.

² XII съезд РКП(б) 17–25 апреля 1923 г. // КПСС в резолюциях, решениях съездов и пленумов ЦК: В 15 Т. М., 1984. Т. 3. 1922–1925. С. 50–129; Постановление Оргбюро ЦК РКП(б) об очередных задачах в области работы среди работниц, крестьянок и трудящихся женщин Востока // Там же. С. 309–321; Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) о работе среди бедноты 24 мая 1926 г. // Там же. Т. 4. С. 24–27; Постановление ЦК ВКП(б) об участии ВЛКСМ в хозяйственном строительстве 23 декабря 1929 г. // Там же. Т. 5. С. 68–71; Пленум ЦК ВКП(б) 10–17 ноября 1929 г. // Там же. С. 7–48; XVI конференция ВКП(б) 23–29 апреля 1929 г. Стеногр. отчёт. М., 1929. С. 134–139, 1039–1040, 1059–1080.

³ Конституция РСФСР 1925 года. М., 1926; Конституция СССР 1936 г. М., 1937; Конституция (Основной Закон) Северо-Осетинской Автономной Советской Социалистической Республики. Орджоникидзе, 1938 // Социалистическая Осетия. 1938. 6 июля; Декрет № 2 Всегрузинского Центрального исполнительного комитета советов и Совета народных комиссаров ССР Грузия «Об образовании Автономной области Юго-Осетии» // Правда Грузии. Тифлис, 1922. 22 апреля.

зированы статьи, доклады и речи В.И. Ленина и других руководителей государства.

Четвёртый вид источников представлен делопроизводственными документами. В их составе: приказы и распоряжения центральных и местных партийно-государственных органов, циркуляры, инструкции, переписка государственных органов власти, сводки ОГПУ¹. Партийно-советские органы издавали декреты, узаконения, которые ложились в основу деятельности местных властей, определяли основные направления регионального развития². Новейшие публикации источников, включающие значительный пласт делопроизводственной документации партийно-советских органов, отчётов, справок и др., в том числе и местные властные органы, позволяют провести реконструкцию национальной политики 1920–1930-х гг.³

Опубликованные сборники документов и материалов дают возможность широкого научно-исследовательского подхода к теме социальных процес-

---

¹ Из ежедневной сводки информационного отдела ГПУ о землевладении, сельском хозяйстве и ликвидации последствий голода // Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Документы и материалы: в 4 т. М., 2000. Т. 2. 1923–1929. С. 58; Из доклада КРО ОГПУ «Предварительные итоги оперативной работы органов ОГПУ по борьбе с контрреволюцией в деревне с 1 января по 15 апреля 1930 г.» // Там же. С. 312–313; Докладная записка «О внутри окружном переселении кулаков третьей категории» // Там же. С. 616; Докладная записка Информационного отдела ОГПУ о недочетах в колхозном строительстве на Северном Кавказе по данным на 1 января 1930 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: в 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 2000. Т. 2. Ноябрь 1929–1930. С. 107–114; Циркуляр НКЮ РСФСР местным органам о мероприятиях по подавлению сопротивления «кулаков» 3 февраля 1930 г. // Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: в 2 кн. / под ред. Н.Н. Покровского. М., 2005. Кн. 1. С. 59; Сводка № 37 ИНФО ПП ОГПУ по Уралу, направленная начальнику СОУ ОГПУ, с выдержками из писем, высланных из Кубанской области 22 февраля 1930 г. // Там же. М., 2006. С. 887–888.

² Санакоев В.А. Гражданская война в Юго-Осетии 1917–1921 гг. // Известия ЮОНИИ. Сталинир, 1935. Вып. 2. С. 112–118. Октябрьская революция и гражданская война в Северной Осетии / под ред. А.И. Мельчина. Орджоникидзе, 1973.

³ ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. М., 2005. Кн. 2. 1933–1945; Экономика компромисса. К 100-летию НЭПа в России: сборник документов / науч. ред. А.В. Юрасов; отв. ред. Е.Р. Курапова, В.С. Пушкарев. М., 2021; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание 1927–1939: в 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы; отв. ред. В.П. Данилов; отв. сост.: В. Данилов, М. Кудюкина. М., 1999. Т. 1. Май 1927–ноябрь 1929.

сов¹. В большинстве из исследованных документов отображены данные о настроениях населения в ходе коллективизации, реакция на раскулачивание и проч. Обычно это были сводки и отчеты органов НКВД, в которых изложены примеры реагирования населения, на преобразования, спущенные и проводимые властью, в том числе реакции бывших красных партизан.

На низовом уровне это – постановления бюро Горского обкома РКП(б), Северо-Осетинского обкома ВКП(б), Юго-Осетинского обкома ВКП(б); резолюции заседаний партийно-советских органов. Этот блок документов отложился в Ф. 1 Государственного архива новейшей истории Республики Северная Осетия – Алания (ГАНИ РСО-А). Это материалы, представленные делопроизводственными документами: официальными распоряжениями, обращениями, протоколами съездов, пленумов, собраний партийно-советских органов, анализ которых дал возможность реконструировать логику экономических и социально-политических преобразований в 1920–1930-гг.

Анализ избранной темы был бы скуден без использования статистического материала – пятого вида источников. Активное использование автором статистических материалов позволило выявить численный состав областной организации ВКП(б), процесс создания и тенденцию развития хозяйств накануне и в ходе проведения сплошной коллективизации, а также структуру и размещение населения². Следует отметить, прежде всего, Всесоюзные пере-

---

¹ Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы в 4 т. / отв. ред. А. Берелович, В. Данилова отв. сост. Л. Борисова, В. Данилов, Н. Перемышленникова. М., 2000. Т. 2. 1923–1929 гг.; «Тянут с мужика последние жилы»: Налоговая политика в деревне (1927–1937 гг.): сборник документов и материалов / отв. ред. Н.А. Ивницкий; отв. сост. Н.Е. Глущенко, М.М. Кудюкина. М., 2007; Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М., 1998; Геноцид осетин: 1920 год: документы и материалы / сост., подгот. текстов и вступ. ст. Р.С. Бзарова. Изд. 2-е. Владикавказ, 2011; Деятельность комиссии по оказанию помощи бывшим красным партизанам Осетии. 1920–1930-е гг.: сборник документов и материалов / сост. С.А. Хубулова. Владикавказ, 2016; Хубулова С.А. Осетия: трагедия разделенного народа. Документы и материалы // Военно-исторический журнал. 2009. № 1; Репрессивная политика Советской власти в Северной Осетии. 1920–1930-е гг.: сб. документов и материалов / сост. А.Т. Царикаев. Владикавказ, 2009.

² Сведения ТО ОГПУ о вывозе раскулаченных с Северного Кавказа // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы: в 5 т. / под ред.

писи населения, в которых представлены демографические, экономические и культурные тенденции на разных этапах строительства социализма¹. Благодаря данному виду источников удалось отследить динамику восстановления сельского хозяйства, выявить социальный состав и имущественное положение первых колхозов в Осетии, установить этапы коллективизации.

К шестому виду источников отнесены материалы периодической печати, однако необходимо отметить официально-пропагандистский характер подавляющего большинства изданий 1920–1930 х гг., что зачастую усложняло процесс восстановления событий прошлого². Как правило, на страницах региональной печати публиковались распорядительные правовые документы местной власти, статистические данные по вопросам народного хозяйства, партийного и культурного строительства. Исходя из этого, периодика тех лет является немаловажным источником, которая позволяет проследить некоторые повседневные формы жизнедеятельности бывших красных партизан. Для нашего исследования важно преимущество изучения «зеркал эпохи» где освещались вопросы коллективизации, социальной политики как обеспечивающих обратную связь между властью и обществом.

Седьмой вид источников представлен материалами личного происхождения: мемуары, письма, воспоминания. Большую ценность представляют воспоминания партийных и государственных деятелей – свидетелей и участ-

---

В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 1999. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 гг. С. 305–307; Сведения о численности кулацких хозяйств, количестве массовых крестьянских выступлений и репрессированных мероприятиях ОГПУ-СКК // Там же. С. 642; Северный Кавказ после районирования (итоги и выводы). Ростов н/Д, 1925.

¹ Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги / сост. Н.А. Араловец и др. М., 1991; Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928. Т. 5. Крымская АССР. Северо-Кавказский край; Горское ЦСУ. Итоги сельскохозяйственной переписи 1920 г. Владикавказ, 1923; Северная Осетия. К 10-летию Октября. Владикавказ, 1927; Материалы по отчетному докладу Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) на 6-й партконференции. Ростов н/Д., 1927.

² Власть труда (1924–1929); Пролетарий Осетии (1929–1936); Социалистическая Осетия (1937–1940); Южная Осетия (1983–1990); Ирон газет (1903); Ног цард (1907); Фидиуаг (1932–1939), Хурзарин (1924–1926), Большевикон аивад (1932–1935), Ленинон (1940), Арыгон большевик (1924–1927), Коммунист (1932–1937).

ников событий исследуемого периода¹. В эти же годы публиковались воспоминания участников революции в соответствующей литературной обработке. Например, активный участник революционных событий и советского строительства, С.А. Такоев написал ряд работ, посвященных событиям Гражданской войны на Тереке. На юге Осетии сборником материалов по Гражданской войне руководил В.А. Санаков (С.Ш. Габараев). Ему принадлежат воспоминания о революционной борьбе трудящихся в 1917–1920 гг.² Существующий материал содержит сборник воспоминаний и наиболее важных архивных документов, изданный к 15-летию установления советской власти в Юго-Осетии³.

Материалы о важнейших событиях содержатся и в серии воспоминаний бывших комбатантов⁴. Интересные документы по истории советизации края представлены в сборнике под редакцией З.Н. Ванеева и П.В. Догузова⁵. В 1961 г. издан справочник, включающий краткие биографии 300 борцов революционного движения Юго-Осетии⁶. Второе издание справочника было дополнено 200 именами активных участников революционного движения. Реконструкция психологической атмосферы стала возможной благодаря анализу личных заметок, писем, воспоминаний партийных деятелей, изучение которых позволило выявить их личностное отношение к проводимым преобразованиям, в том числе и к коллективизации. На многие события исследуе-

---

¹ Борьба за Советскую власть в Северной Осетии (1917–1920 гг.). Документы и материалы. Орджоникидзе, 1957; Москва, Кремль, Ленину: сборник документов и материалов. Грозный, 1969; Гражданская война в Северной Осетии по воспоминаниям участников. Орджоникидзе, 1965; Воспоминания участников гражданской войны в Юго-Осетии (1917–1921 гг.). Сталинир, 1957; Сухоруков В.Т. XI армия в боях на Северном Кавказе и Нижней Волге (1918–1920 гг. М., 1961; Воспоминания участников гражданской войны в Юго-Осетии (1917–1921 гг.) Сталинир, 1957.

² Санаков В.А. Гражданская война в Юго-Осетии в 1917–1921 гг. // Известия ЮОНИИ. Сталинир, 1935. Вып. 2. С. 42–47.

³ Бутырина П.А. Из национально-освободительной борьбы Южной Осетии // Борьба классов. 1934. № 4. С. 3–7.

⁴ Воспоминания участников гражданской войны в Юго-Осетии (1917–1921 гг.)... С. 247.

⁵ Из истории борьбы трудящихся Юго-Осетии за Советскую власть: сборник докладов и материалов / сост. З.Н. Ванеев и П.В. Догузов. Сталинир, 1956.

⁶ Борцы революционного движения Юго-Осетии / под. ред. З.Н. Ванеева и др. Сталинир, 1961.

мого периода благодаря этому блоку материалов удалось взглянуть через призму внутривластической борьбы в Политбюро. Значительная часть информации содержится и в воспоминаниях крестьян, повествующих о внезапности начавшейся сплошной коллективизации, последствиях принудительных хлебозаготовок, несправедливости раскулачивания и др. сторонах нелегкой жизни. Политический заказ времени наложил свой отпечаток на эти воспоминания: в основном публиковали воспоминания лидеров «красных партизан», упуская сведения широкого пласта их боевых товарищей; все авторы превозносят роль местных большевиков в организации народного сопротивления, замалчивая имена представителей интеллигенции, в мрачных красках описываются действия белогвардейцев, даётся негативная оценка лидеров белого движения в регионе.

В числе мемуаров эмигрантов можно выделить воспоминания лидеров Белого движения: А.И. Деникина, П.Н. Врангеля, Б.А. Штейфона¹.

Таким образом, совокупность ранее опубликованных и впервые изученных документов позволяет показать общественные настроения и формы активности комбатантов в условиях советской действительности 1920–1930-х гг. Соответственно, источниковая база исследования достаточно полна и разнопланова, что даёт возможность всестороннего изучения послевоенной повседневности бывших красных партизан (в условиях раннесоветской истории) на материалах Осетии. Комплекс привлеченных источников позволил впервые проанализировать жизненные практики ветеранов Гражданской войны, осветить их отношение к проводимой «верхами» политике, изучить причины и формы проявления оппозиционности наиболее активной части красных партизан к перегибам, происходившим во время социалистических преобразований 1920–1930 х гг., их взаимоотношения с властью, реконструировать психологическую атмосферу.

---

¹ Гражданская война. М., 1928. Т.2. Белое движение и борьба добровольческой армии. Май – октябрь 1918. Минск, 2002; Белое дело: избранные произведения: в 16 кн. М., 2002. Кн. 3: Дон и Добровольческая армия.

Особое место в исследовании занимают различные виды документов, выявленные в 9 архивах, многие из которых впервые введены в научный оборот. На основе этого обширного фактического архивного материала прослеживаются этапы возникновения, сосуществования, взаимоотношения бывших красных партизан с органами власти, отражается процесс формирования, эволюции аграрной и социальной политики советского государства в деревне.

Из Ф. 17 Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) были извлечены документы, направленные из недр компартии Грузии в ЦК ВКП(б). В них отображены факты осуществления решений центральных органов на региональной почве.

На низовом уровне это постановление бюро Горского обкома РКП(б), Северо-Осетинского обкома ВКП(б), Юго-Осетинского обкома ВКП(б); резолюции заседаний партийных и советских органов. Это блок документов отложился в Ф. 1 (Северо-Осетинской областной комитет РКП (б)) Государственного архива новейшей истории Республики Северная Осетия – Алания (ГАНИ РСО-А).

Ф. 1 Политического отдела Центрального государственного архива Республики Южная Осетия (далее – ПО ЦГА РЮО) содержит ценную информацию о политической, экономической и других сферах жизни юга Осетии в 1921–1940 гг.; имеются протоколы заседаний Окружкома, материалы, повествующие о создании революционных организаций, комитетов и т.д. В материалах фонда содержатся сведения о повседневных практиках осетинского крестьянства, его отношении к хлебозаготовкам и коллективизации.

В Государственном архиве Ростовской области (ГАРО) и Центре документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО) сохранился материал, отражающий ситуацию с красными партизанами по всему Северному Кавказу, т.к. в этот период Ростов-на-Дону являлся краевым центром, в которой стекались все официальные и личные документы. Из личного фонда председателя краевой партизанской комиссии Д.П. Жлобы (Ф. 912 ЦДНИРО)

извлечены заявления, письма, жалобы с просьбой об оказании материальной помощи при устройстве на работу и учебу. Обнаружены также документы, касающиеся партизан Северной Осетии. Многие документы впервые введены в научный оборот. Особый интерес представляют документы лиц, репрессированных в годы Большого террора.

В Ф. Р-44 и Ф. Р-60 Центрального государственного архива Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО-А) есть протоколы заседаний комиссий, резолюции, а также материалы Северо-Кавказской комиссии, когда являлась головной в регионе, следовательно, её материалы имели распорядительный характер. Также в Ф. 27-1311/1330 «Протоколы Бюро красных партизан, красногвардейцев и участников революции 1905 г.» Центрального государственного архива Республики Южная Осетия (ЦГА РЮО) содержатся протоколы заседаний специальных проверочных комиссий по делам бывших красногвардейцев и красных партизан при областном Совете Юго-Осетии за 1930–1935 гг. В этих фондах собраны протоколы заседаний комиссий по проверке красных партизан, по которым можно реконструировать механизм политического контроля, процесс раскола сообщества комбатантов.

В фондах исполнительных органов Северо-Осетинской автономной области (ЦГА РСО-А) (Ф. Р-45, Ф. Р-46, Ф. Р-47) проанализированы протоколы заседаний, отчеты, инструкции по вопросам повседневной жизни крестьянства, в том числе красных партизан Осетии. Как правило, все они имели гриф секретности. Отметим, что директивные документы, исходящие из центральных органов, на местах сопровождались инструкциями, служебными письмами и т.д. Фонды Центрального Государственного архива Республика Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО-А) (Ф. Р-36, Ф. Р-51, Ф. Р-56), а также Ф. 1 Политического отдела центрального государственного архива Республики Южная Осетия (ПО ЦГА РЮО) дают представление об особенностях осуществления экономических и культурных реформ в регионе; о реакции населения на меняющийся социальный статус. Эти документы, впервые введенные в оборот, позволяют реконструировать динамику принятия решений,

их результаты и соответствие первоначальным планам. Как правило, объективность данной группы наиболее высока.

В Ф. 70 Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) «Комиссия по истории Октябрьской революции и Российской коммунистической партии (большевиков) (Истпарт)» содержатся материалы о ходе привлечения бывших красных партизан, в том числе Кавказа, к написанию воспоминаний. Пласт воспоминаний красных партизан и важные материалы о комбатантах содержатся в Ф. 1 Архива научно-исследовательского института Республики Южная Осетия (АЮОНИИ).

Фонды комиссии красных партизан Центрального государственного архива Республики Южная Осетия (ЦГА РЮО) (Ф. 27, Ф. 1309); Государственного архива Ростовской области (ГАРО) (Ф. Р-2993); Центрального Государственного архива Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО-А) (Ф. Р-44, Ф. Р-60) включают документы по деятельности этих органов и дают представление о проводимых в регионе акциях по выявлению бывших комбатантов среди населения. В контексте данного исследования несомненную ценность представляют протоколы заседаний специальных партизанских комиссий, которые раскрывают сведения не только о генеральной линии по соблюдению «чистоты рядов» красных партизан, но и свидетельствуют о реакции последних на проводимые мероприятия.

В Ф. 1849 Государственного архива новейшей истории Республики Северная Осетия – Алания (ГАНИ РСО-А) «Истпарт» сконцентрирован материал, который готовили члены местных Истпартов: воспоминания, рекомендации, партизанские книжки. Воспоминания 1920-х гг. отличались по своей направленности и информативности от более поздних, так как еще не были подвергнуты цензуре и содержат много интересных фактов, позже изъятых из мемуаров.

В Ф. Р-2993 «Комиссии по делам бывших дружинников, красногвардейцев и красных партизан при Азово-Черноморском краевом исполнительном комитете» Государственного архива Ростовской области (ГАРО) обнаружены

документы, отправленные в Северо-Кавказский крайком ВКП(б) бывшими партизанами Северо-Осетинской АО с различными просьбами.

В Ф. 27 Центрального государственного архива Республики Южная Осетия (ЦГА РЮО) отложился большой корпус документов, отражающих не только революционное движение в годы первой русской революции, но и последующие события. Это анкеты участников революционных событий 1918–1921 гг. Сохранились отчёты и сводки ОГПУ о политических настроениях граждан Южной Осетии. По личным делам красных партизан удалось методом контент-анализа изучить их происхождение, социальное положение, боевой путь и другие обстоятельства их жизни.

Проанализированный и исследованный массив привлечённых архивных источников, позволили автору создать исследование, отразившее общественные настроения и формы активности красных партизан Северной и Южной Осетии в 1920–1930-х гг.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1. В научный оборот впервые введен большой комплекс ранее не использованных источников, в том числе – документы комиссий по делам красных партизан и анкеты бывших красных партизан, что дало репрезентативный материал для сравнения не только биографических сведений, но и послевоенного статуса красных партизан в Северной и Южной Осетии. Впервые для системного изучения проблемы выбрана Осетия в целом. На основе сравнительного анализа установлены общие закономерности, а также региональные и местные особенности развития сообщества бывших красных партизан в Северной и Южной Осетии в 1920–1930-х гг.

2. Доказано, что в жизни дореволюционного осетинского крестьянства происходило углубление экономических и социальных противоречий, приведших к противостоянию значительной части населения и власти. Социально-экономическими причинами вовлечения крестьянства Осетии в Гражданскую войну являлись неравноправие в землепользовании, аграрное перенасе-

ление, сохранение сословных пережитков, рост социального и этнического неравенства.

3. Комплексно охарактеризовано краснопартизанское движение в Северной и Южной Осетии, выявлены цели движения и степень большевистского влияния на население региона. Доказано взаимное влияние идей социально-классового и национального освобождения на становление взглядов красных партизан. Впервые раскрыт демографический и социальный состав красных партизан, что обеспечило определение социальной базы революционного движения в Осетии. Впервые установлено строение социальной группы красных партизан на основе анализа анкет, заявлений и обращений в органы власти, расследований комиссий по делам красных партизан.

4. Аргументирована противоречивость социальной адаптации красных партизан Осетии к преобразованиям общества в 1920–1930-х гг. Раскрыты проявления и каналы социальной адаптации красных партизан, доказана их недостаточная эффективность. Установлены направления и мероприятия социальной политики советской власти в 1920–1930-х гг. в отношении бывших красных партизан, доказана их идеологическая обусловленность.

5. Раскрыты особенности проявлений общественных настроений и активности красных партизан Осетии, формы их активности на протяжении преобразований 1920–1930 гг., что обеспечило раскрытие тенденций адаптации их сообщества к послевоенной реальности и социально-политическим преобразованиям 1920–1930-х гг. Установлено своеобразие представлений бывших красных партизан о советской власти и своём месте в социальной структуре. Выявлена специфика общественных настроений и активности бывших красных партизан в отношении новой экономической политики, коллективизации и раскулачивания. Определены тактики индивидуального выживания в чуждых для революционного мировоззрения условиях.

6. Доказано, что система комиссий по делам красных партизан представляла собой механизм политического контроля над сообществом бывших комбатантов. Функции комиссий изменялись от учёта и социальной помощи

бывшим партизанам к их политической проверке и обоснованию репрессий. Раскрыт противоречивый характер мер по обеспечению «чистоты рядов» и контролю над партизанским сообществом.

7. Впервые определены особенности репрессий в отношении бывших красных партизан в Северной и Южной Осетии в 1930-х гг. Реконструировано общественное поведение бывших красных партизан в условиях репрессий 1930-х гг. Выяснены причины кризиса социальной группы красных партизан в 1930-х гг., общественные настроения которой не соответствовали генеральной линии ВКП(б). На основе протоколов заседаний партизанских комиссий, содержание которых впервые вводится в научный оборот, выявлены механизмы, содержание и значение политического размежевания в социальной группе красных партизан.

Положения, выносимые на защиту:

1. Общественное движение 1917–1920 гг. на территории Северной и Южной Осетии было вызвано социально-экономическими причинами. Реформирование аграрных отношений в начале XX в. кардинально изменило традиционный уклад жизни сельского населения. Социально-экономическими причинами вовлечения крестьянства Осетии в Гражданскую войну являлись неравноправие в землепользовании, аграрное перенаселение, сохранение сословных пережитков, рост социального и этнического неравенства. Происходившая пауперизация крестьянства приводила к нарастанию социальной напряжённости, вылившейся в антипомещичье движение. В ходе революции 1917 г. аграрное движение вызывало волну погромов помещичьих имений, а также перераспределение общинной земли. Однако «черный передел» вскоре был прерван начавшейся Гражданской войной.

2. Формирование движения красных партизан стало реакцией крестьянства Осетии на деникинские и грузинские бесчинства. Красные партизаны ставили цели уравнительного передела земли, установления власти Советов, национального равноправия и автономии единой Осетии, изгнания белогвардейцев. Значительное влияние на красных партизан оказали не только мест-

ные большевики, но и национальные лидеры, демократические партии «Кермен» и «Чермен». В состав партизанских отрядов входили в основном сельские жители молодого и среднего возраста, представители малооплачиваемых профессий и селений, наиболее страдающих от малоземелья. По мере вооруженной борьбы красные партизаны прониклись идеями большевизма и становились непримиримыми в отстаивании своих идей.

3. Социальная адаптация красных партизан Осетии к преобразованиям общества в 1920–1930-х гг. была противоречивой и недостаточно эффективной. Проявлениями адаптации выступали вовлечение красных партизан в ряды Коммунистической партии, комсомола, профсоюзов, общественных организаций, а также получение наделов земли и социальных льгот, ликвидация неграмотности. Но данные меры не всегда работали эффективно. Значительная часть бывших красных партизан беднела и маргинализировалась, что подпитывало оппозиционные уравнилельные настроения. Социальная политика Советского государства 1920–1930-х гг., направленная на предоставление льгот для бывших красных партизан Северной и Южной Осетии, имела в своей основе классовый и политический подход: те партизаны, которые были замечены в противодействии преобразованиям (землеустройство, коллективизация, раскулачивание и др.) лишались не только возможности получать льготы, но и исключались из состава партизанских организаций.

4. Установление Советской власти и строительство мировой жизни в Северной и Южной Осетии частично лояльно воспринималось массой красных партизан, которые считали себя героями Гражданской войны и требовали соответствующего отношения со стороны органов власти. Их общественные настроения состояли в осуждении имущественного неравенства периода НЭПа, тенденций бюрократизма и коррупции, отрыва правящей номенклатуры от народа. Значительная часть красных партизан не одобряла ускоренную насильственную коллективизацию, требовала воссоединить Северную и Южную Осетию. Красные партизаны долгие годы не принимали новых правил общественной жизни, настоятельно требуя осуществить справедливое

общественное устройство. Этим и были опасны бывшие участники Гражданской войны, политически активные и обладавшие опытом самоорганизации, которые могли повернуть оружие против власти.

5. Партизанские комиссии, созданные в середине 1920-х гг. на краевом и местном уровнях, первоначально имели задачи учёта бывших красных партизан и оказания им социальной помощи, поддержки в получении образования и карьерном росте. Однако комиссии по делам красных партизан в 1930-х гг. стали выполнять «чистки» в партизанской среде путем ежегодного представления пакета документов, подлежащих тщательной проверке. Именно материалы комиссий стали доказательной базой для репрессий социальной группы партизан в 1930-х гг.

6. Значительные потери сообщество красных партизан понесло в ходе массовых репрессий 1930-х гг., когда не только рядовые партизаны, но и их представители, достигшие высоких партийно-государственных постов, были репрессированы. В большинстве случаев репрессиям были подвергнуты красные партизаны – ядро движения за автономию и объединение двух частей единой Осетии. Проведённый контент-анализ позволил определить, что, несмотря на устойчивое военное братство, социальная группа красных партизан оказалась умело расколота с помощью предоставления льгот и материальных благ, пропаганды непримиримости к «классовым врагам».

Соответствие диссертационного исследования Паспорту научной специальности. Квалификационная работа выполнена в рамках специальности 5.6.1. – Отечественная история. Направления исследований: п. 4 – «История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и её регионов»; п. 6. – «История повседневной жизни различных слоёв населения страны на соответствующем этапе её развития»; п. 7– «История развития различных социальных групп России, их общественно-политической и социально-культурной жизни, а также хозяйственной деятельности»; п. 11. – «Социальная политика государства и её реализация в соответствующий период развития страны».

Теоретическая и научно-практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что удалось реконструировать важную составляющую социальной истории послереволюционной эпохи – положение бывших красных комбатантов, внёсших в Северной и Южной Осетии значительный вклад в победу большевиков. Соискатель вводит в научный оборот большой корпус разноплановых новых источников. Работа позволяет применять новые методологические подходы к изучению общественных настроений и активности социальных групп советского общества 1920–1930-х гг.

Авторские положения и выводы могут получить применение в научных исследованиях по истории региона, в ходе лекций по краеведению Северного Кавказа, специальных курсов по отечественной истории для студентов высших учебных заведений и учащихся средних школ, а также при подготовке учебных пособий, в экспозиционной деятельности музейных учреждений.

Степень апробации исследования. Основные положения диссертации изложены в выступлениях соискателя на научных конференциях международного уровня: в III международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов, магистров и студентов «Научный потенциал молодёжи в решении задач модернизации России» (г. Пятигорск), 24–25 апреля 2014 г.); Международной научно-практической конференции «Современные тенденции развития науки и технологий» (г. Белгород, 30–31 августа 2016 г.); Международной научно-практической конференции «Новейшие достижения в науке и образовании» (г. Смоленск, 31 августа 2016 г.); Международной научно-практической конференции «Разработка и решение актуальных и научных проблем: вопросы теории и практики» (г. Смоленск, 31 мая 2017 г.); Международной научно-практической конференции «Россия в мировой истории, науке и культуре» (г. Челябинск, 15 июня 2017 г.); Международной научно-практической конференции «Черноморско-Средиземноморский регион в системе национальной безопасности России: к 240-летию присоединения Крыма и Кубани к России и 80-летию освобождения Краснодарского края от немецко-фашистских захватчиков» (г. Темрюк, 21–23 апреля 2023 г.).

Соискатель опубликовала 21 научную работу по теме исследования, в том числе – 6 статей в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования России, 1 статью в издании, индексируемом в международной базе цитирования Web of Science, является редактором 2 сборников документов.

Авторские материалы апробированы в ходе преподавания дисциплин специализации в Юго-Осетинском государственном университете им. А.А. Тибилова (г. Цхинвал) и в ходе реализации международного научного проекта РФФИ № 16-21-13001-ОГН ОГН-МОНРЮО-А «Комбатанты революции и Гражданской войны в советских реалиях 1920–1930-х гг.: иллюзии и повседневные практики (на материалах Северной и Южной Осетии)».

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры теории и методики истории и обществознания ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт».

Структура диссертационного исследования обусловлена целью и задачами и состоит из введения, двух глав (в составе шести параграфов), заключения, списка использованных источников и литературы, приложений. Реализован проблемно-хронологический принцип исследования.

1. ПРИЧИНЫ, НАПРАВЛЕННОСТЬ И МЕТОДЫ ДВИЖЕНИЯ КРАСНЫХ ПАРТИЗАН В СЕВЕРНОЙ И ЮЖНОЙ ОСЕТИИ В 1917–1920 ГГ.

1.1. Социально-экономические причины вовлечения крестьянства Осетии в Гражданскую войну

Начало XX в. для России ознаменовалось рядом эпохальных событий, которые имели далеко идущие последствия. Революция 1905–1907 гг., Первая мировая война и, наконец, Февральская революция 1917 г. изменили традиционный уклад жизни населения и определили вектор развития страны на долгие десятилетия. Революционные события переросли в гражданское противостояние, в ходе которого были уничтожены миллионы сограждан. Не обошли эти процессы и окраины страны, где классовые антагонизмы часто переплетались с территориальными, религиозными, межнациональными и земельными проблемами.

Мы обозначим основные тенденции развития социально-экономических процессов в обеих частях Осетии накануне событий 1917–1920 гг.

Районы компактного проживания северных и южных осетин вошли в историю под названием «Осетия», которая в 1774 г. была включена в политико-административную систему Российской империи. Северная Осетия (Владикавказский округ) входила в состав Терской области. По данным Первой переписи Российской империи, во Владикавказском округе проживало 88,5 тыс. осетин, из которых 95% - это сельские жители. Кроме того, свыше 3 тыс. осетин насчитывалось в Нальчикском округе; в Моздоке и Моздокском отделе – более 30 тыс. чел.¹ В общей сложности на территории области зафиксировано приблизительно 200 тыс. осетин. Южная часть осетинского народа в 1842 г. отнесена к Кутаисской (67,3 тыс. чел.) и Тифлисской

---

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Терская область / по ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1899–1905. С. 237.

(4,4 тыс. чел.) губерниям, а также другим уездам Грузии¹, составив Осетинский округ. Общая численность осетинского населения в Грузии к началу XX в. была не меньше 100 тыс. чел., большая часть которых проживала в сельской местности. Существовавшая в это время политика разделения народов способствовала тому, что грузинские феодалы, пользуясь поддержкой российских властей, активно проводили не только политику экономического давления, но и национального угнетения осетинского народа.

Как и во всей России, в начале XX в. в экономику Осетии начал проникать не только русский, но и иностранный капитал. Как правильно отмечают исследователи, «сравнительно глубокая капитализация и появление монополистических объединений свидетельствовали о приходе капитализма, развивавшегося на территории Северной Осетии, в новое качественное состояние. В Северной Осетии, как и в целом в России, имело место переплетение всех форм эволюции капитализма, в то время в Южной Осетии развитие капитализма проходило в его начальных, незрелых формах»².

В Северной Осетии, с пуском в эксплуатацию Ростово-Владикавказской железнодорожной линии, ускорилось промышленное развитие и, как следствие, формирование местного рабочего класса. Активно складывалась отрасль цветной металлургии. Особенно после того, как в горах Алагирского ущелья были разведаны залежи цветных металлов и стали эксплуатироваться Садонские рудники, которые в год давали более 700 тыс. пудов руды. Возникло российско-бельгийское горнорудное предприятие «Алагир» (монополист в области цветной металлургии), благодаря которому на 15% возросла добыча и переработка серебряноцинковых руд³.

Кроме предприятий, связанных с отраслью цветной металлургии во Владикавказском округе, к началу XX в. получили развитие и другие виды фабричной и заводской промышленности (см. Приложение 1). В том числе

---

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Терская область... Т. XVIII. С. 298; Т. LXVI. Кутаисская губерния. С. 313.

² Кучиев В.Д. Октябрь и Советы на Тереке. 1917–1918 гг. Орджоникидзе. 1957. С. 9.

³ ЦГА РСФСР-А. Ф. 46. Оп. 1. Д. 91. Л. 118, 121.

промышленных предприятий было 2 винокуренных завода, 41 – виноградо-водческих, из которых 14 занимались производством коньяка. В графу «других фабрик и заводов» попали: 1 табачная фабрика Б. Вахтангова, 1 гильзовая фабрика, 4 нефтеперегонных завода и 1 водочный завод. На каждом предприятии трудилось от 3 до 50 чел. Накануне Первой мировой войны только на табачной фабрике работала свыше 70 рабочих, а её годовая производительность составляла свыше 200 тыс. руб.¹; на кирпично-черепичном заводе Штейнгеля числилось свыше 80 чел.²

Так как округ являлся сельским, производящем в большом количестве зерновые и мясные продукты, то, естественно, здесь стали возникать предприятия перерабатывающей и пищевой промышленности; мукомольные, пищевкусовые и др. Достаточно сказать о крахмальном заводе Гулиева (будущий БМК), который скупал сельскохозяйственную продукцию не только у местных производителей, но и за пределами Треской области. В этой же отрасли добились больших успехов А.С. Проханова, владелица макаронной фабрики, вальцовой крупчатой мельницы и паровой механической хлебопекарни – булочной. Производительность фабрики была для того времени высокой: ежедневно производилось около 400 пудов макаронных изделий всех видов³.

Однако не стоит высоко оценивать темпы развития промышленного производства. Свыше 90% населения Северной Осетии было занято в сельском хозяйстве, а лишь 2,5% – в промышленности. В Южной Осетии численный состав людей, занятых в производстве, в основном мелко кустарном, не превышал 150 чел. Эта особенность социальной структуры имела серьезные последствия в ходе революционных процессов 1917–1920 гг., когда отсутствие пролетариата как более сознательного политического отряда, затрудняло осуществление большевистских планов.

---

¹ ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 62. Д. 832. Л. 57.

² ЦГА РСО-А. Ф. 46. Оп. 1. Д. 91. Л. 32–34.

³ Чшиева М.Ч. Промышленность Северной Осетии накануне революции 1917 г. // Труды молодых ученых Владикавказского научного центра РАН. 2004. Т. 1. № 4. С. 126.

В начале XX в. со всей очевидностью встал вопрос об аграрных преобразованиях, в которых, как говорили современники, нуждалась деревня. Не была в стороне от указанного процесса и Осетия. Вызовы современности диктовали широкое использование новых агрикультурных методов ведения хозяйства.

Прежде всего, речь идет об использовании современной сельскохозяйственной техники. Если в середине XIX в. на всей территории Терской области была зафиксирована покупка 950 плугов, то в начале XX в. только в селах Осетии было приобретено свыше 4600 плугов, 130 жнеек¹. Это давало возможность интенсивно использовать имеющиеся сельскохозяйственные площади, извлекая при этом высокую прибыль. От традиционного земледельца с отсталой техникой и преимущественно тяжелым физическим трудом сельские предприниматели переходили к механизированному труду с большой производительностью.

Произошли изменения в товарном разнообразии: если раньше главным видом зерновой продукции была кукуруза, то, отвечая на запросы рынка, местные производители стали выращивать овес, гречиху, много видов овощей. Коснулись перемен также скотоводство. Специализации Осетии заключалась в разведении животных мясомолочного направления. Из года в год росло поголовье молочных коров: с 60 тыс. (1888 г.) до 82 тыс. (1914 г.)². На рынок поставляли сыр, творог, масло. В более выгодном положении находились населенные пункты, вблизи которых проходили железнодорожные ветки, позволявшие оперативно перемещать товары.

В горах, где природно-климатические условия не позволяли развивать такие трудоемкие направления, упор делался на разведение коз и овец. Каждая голова приносила прибыль 3 руб., что было рентабельно. В документах отложились материалы о владельцах 2-х и 3-тысячных отар овец, которые в

---

¹ Хубулова С.А. Крестьянская семья и двор в Терской области в конце XIX – начале XX в.: Социально-экономические, этнодемографические и политические аспекты развития СПб., 2002. С. 126.

² Подсчитано по: ЦГА РСО-А. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3113. Л. 1–6.

летнее время паслись высоко в горах, на тучных пастбищах, а в зимнее время перемещались в Черные степи (Дагестан).

Экономика сельского хозяйства в процессе своего преобразования не могла не затронуть социальную архитектуру земельных отношений.

Сохранявшееся помещичье землевладение тормозило поступательное развитие капитализма в аграрном секторе.

Прежде всего, спецификой региона было то, что царизм, преследуя планы усмирения горцев, переселил на южные окраины большие отряды казачества. Составляя не более 20% населения Терской области, казачество имело в собственности свыше 60% земельных площадей¹. Было бы неправильно утверждать, что в казачьей среде царило равенство и процветание. Однако даже при социальной градации станичников их земельный пай колебался от 12 до 39 дес., в то время как на самом обеспеченном землей осетинском селе Кадгорон земельный надел не превышал 9 дес².

Вторым особенным явлением в поземельных отношениях была чересполосица, которая сильно тормозила применение современной сельскохозяйственной техники, и в целом мешало прогрессу.

Третьим отличием от русских регионов было наличие большого количества иногородних, т.е. крестьян, не прописанных к казачьим общинам, и по этой причине не имеющих право на землю, а также других возможностей в сельском казачьем мире³.

Еще одной социальной группой, примерно в таком же положении, были временно проживающие. Это категория крестьянства возникла в середине XIX в., когда шла активная перестройка не только административных, но и владельческих земельных массивов. Местные общины, которые без того нуждались в земле, отказывались приписывать к своему обществу новых лю-

---

¹ Ардасенов А.Г. Избранное. Владикавказ, 1997. С. 125–128.

² Тамаев А.Т. Крестьянство Северной Осетии в период Первой мировой войны, Февральской буржуазно-демократической революции и подготовки великого Октября: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 1979. С. 19.

³ Хубулова С.А. Крестьянская семья и двор в Терской области в конце XIX – начале XX вв. ... С. 117.

дей. Крестьяне этой категории населения должны были платить не только за аренду земли, но и за ту землю, на которой размещались их дома, хозяйственные постройки. Временнопроживающие были ущемлены в политических, общественных правах и не поддерживались государством¹.

Эти особенности сельского мира часто приводили к бытовым и даже вооружённым конфликтам между казачеством и местным крестьянством, между разными этносами и т.д. Чересполосица стала одним из катализаторов растущей социальной напряженности между народами региона.

В Южной Осетии положение местных крестьян было таким же безрадостным. Следует отметить, что, если крестьянская реформа, при всех ее тяжелых последствиях, все же внесла известную определенность в отношения между помещиками отдельными категориями крестьян, то на юге реформа не затронула временнообязанных крестьян, осетин-хизан². Они целиком продолжали зависеть от произвола помещиков. И если в России и Грузии осетины – хизане исчезли в 80-х г. XIX в., то на юге Осетии они продолжали существовать до 1917 г. Пользуясь этим, судебные и административные органы, поддерживая просьбы князей о выселении осетин – хизан с их земель, вынуждали последних заключать письменные договоры на выгодных для земледельцев условиях. Более того, данное наступление на права хизан заканчивалось непременно повышением размера повинностей. Так, к 1900 г. на нынешней территории Южной Осетии числилось 1274 хизанских домов. Из них на население, расположенное только во владениях князей Палавандошвили (Палавандовы), приходилось 923 дома, остальные были распределены во владениях других князей³. На основе этих же данных можно судить как о размере землевладений, таи и об отбываемых повинностях для отдельных селений и дворов хизан.

---

¹ Тамаев А.Т. Указ. соч. С. 9.

² Слово «хизан» в переводе означает «принятый под покровительство» или «приютившийся». Хизане – это крестьяне, покинувшие своего прежнего владельца-помещика и нашедшие «приют» на землях другого землевладельца на особых договорных условиях, по которым платили ему 1/10 до 1/5 урожая.

³ ПО ЦГРЯ РЮО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 409. Л. 28.

Даже в Грузии, где крестьянская реформа начала осуществляется позднее, капитализм развивался значительно быстрее. Строились заводы, фабрики, расширялась сеть путей сообщения, прокладывались железные дороги, росла торговля. С 1899 г. по 1905 г. число фабрик и заводов увеличилось с 521 до 1160, а стоимость промышленной продукции поднялась с 2240 тыс. до 12572 тыс. руб. Начала развиваться добывающая промышленность. Только за 15 лет XIX в. она увеличилась более чем в 11 раз¹. Завершение прокладки главной магистрали Закавказских железных дорог (Батум – Тифлис – Баку), соединившей Каспийское и Черное море, а также три промышленных центра Закавказья, способствовало тому, что очаг революционного движения и активная деятельность рабочего класса сосредоточились в Тифлисе².

Уже тогда отдельные передовые рабочие осознавали необходимость борьбы с предпринимателями, с несправедливым угнетением и беззаконием. На этой почве стали зарождаться первые рабочие революционные кружки, группы, включавшие разные национальности. Однако, в силу своей слабой организованности, они все еще не могли возглавить классовую борьбу населения, направив ее против гнета помещиков, несправедливостей административной машины.

Развитие промышленных центров неуклонно вело к росту населения в городах, численность которого за 1900–1905 гг. от 120 899 чел. возросла до 160 645. Основной рост шел за счет крестьян, бежавших в пореформенный период от голода, безработицы, малоземелья. Особенно большой наплыв в города осуществлялся из горных местностей. Согласно неполным данным, 12% южно-осетинских крестьян уезжали в промышленные центры Закавказья (Баку, Тифлис, Батуми) в поисках заработка. Это движение отходничества приняло еще больший размах накануне первой русской революции 1905–1907 гг., только в Баку выехало 7 тыс. человек, в Тифлис – 5 тыс., на

---

¹ Цховребов Н.З. Очерки истории Юго-Осетинской организации Коммунистической партии Грузии. Сталинир. 1961. Ч. 1. С. 18.

² Там же. С. 23.

север Осетии – 5,5 тыс. Именно так, через постепенное вливание в образовывающиеся революционные кружки, посредством наиболее передовой части рабочих, в сознание народа начали проникать революционные идеи¹. Таким образом, рабочий класс периферии, стал развиваться как часть общероссийского пролетариата. Уже тогда отдельные передовые рабочие осознавали необходимость объединения сил для борьбы с предпринимателями.

Приезжавшие в свои родные села рабочие, часть интеллигенции и студенты в основном старались знакомить крестьян с решением революционных агитационных кружков, подпольно агитируя народ бороться за социализм. Л. Кецховели, С. Санакоев, А. Джатиев, Р. Гаглоев, В. Карсанов, А. Тибиллов, и др. – эта та небольшая группа людей, смело начавших агитацию, плоды которой стали видны уже через несколько месяцев.

Н. Никонов приводит статистику крестьянского землепользования в Южной Осетии в 1917 г. (см. Приложение 2). Принимая во внимание, что перепись проходила в неидеальных условиях, мы все же можем иметь представление о крайней нужде юго-осетинского крестьянства, ведущего полунаатуральное хозяйство на небольших клочках пашни. На клочках земли до 3 дес. вести хозяйство, хотя бы частично покрывающее потребности семьи даже при наличии коровы или нескольких овец было невозможно, расходы на собственное потребление были выше доходов. Единственный выход – уходить за пределы села в поисках заработка. С другой стороны, в осетинском обществе стали появляться довольно состоятельные люди, которые сколотили свои капиталы с помощью денежного кредитования, ссужая односельчанам деньги под большие проценты.

В результате колонизации Закавказья российский царизм создавал условия для местной титульной элиты. В Грузии подавляющая часть земельных угодий находилась в собственности грузинских феодалов, которые вели хозяйство по старинке, на основе договора субаренды, используя оброчную и

---

¹ Цховребов В.Д. Первые шаги социал-демократического движения в Южной Осетии... С. 23–27.

барщинную повинности. Местные власти проводили политику подавления всего национального в местах компактного проживания осетин. Это обстоятельство также окажется одним из детонаторов национально – освободительного движения осетинского крестьянства.

Экономическая ситуация еще больше осложнилась в годы Первой мировой войны. Продовольственный кризис стал, ощущается острее. Согласно архивным данным, начался массовый голод, закупка хлеба из Грузии стала проблематичной в связи с её подорожанием. Нехватка инвентаря и рабочих рук приводила к сбоям в сборе скудного урожая и катастрофическому положению дел в селах юга. Подвоз зерна из Терской области через Главный Кавказский хребет увеличился, но выяснилось, что крестьяне не в состоянии его приобрести, так как цена составляла 18 рублей за пуд. Людям не из чего было печь хлеб¹, в то время как в амбарах ростовщиков хранилось громадное количество пшеницы и ячменя, которую крестьяне, за неимением денежных средств, не могли выкупать, или получали под завышенные проценты, попадая в долговую кабалу. «Очень страшная картина представляет собой юг 1916 г. ... неубранные поля, на которых гниет зерно в колосьях.... Везде мор, падёж скота, санитарная ситуация плачевна. Обратиться к городам за помощью, крестьяне не могут, так как города сами нуждаются как в рабочих руках, так и в продовольствии», - сообщала местная периодика². В это время «темные силы пользуются бессознательностью населения, тяжелым положением, и натравливают одно село на другое, одну часть крестьян – на другую, село – на город». «Спасение видится в одном: всякий разумный деятель должен поспешить объяснить крестьянам, к какой ужасной пропасти мы мчимся, и только сплоченное выступление за революционные идеи сможет кардинально изменить ситуацию», – такие призывы стали все чаще появляться на полосах местных изданий.

---

¹ НА СОГИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д.179. Л. 12.

² Там же. Л. 28.

Как и по всей России, в Осетии к началу XX в. отчетливо проявлялось деление сельского мира на бедных, средних и богатых домохозяев. По подсчетам исследователей, в Северной Осетии около 62% крестьянских дворов относились к беднякам, 8% составляло кулачество, остальные были середняки¹. В Нагорной полосе ситуация складывалась еще печальнее. Там происходила настоящая пауперизация, основная масса населения – примерно 85% – находилась либо за чертой бедности, либо приближалась к ней. Маломощные хозяйства всецело зависели от погодных условий от камнепадов, схода лавин и т.д.

По данным 1916 г., в Южной Осетии на 54 320 чел. (одного только Цхинвальского участка) было: дворян – 884 чел., государственных крестьян – 14 867 чел., временнообязанных крестьян – 32 590 чел., крестьян собственников – 5916 чел. При этом помещики, составляющие 1,6% населения, владели 130 179 дес. земли, или 85% земель сельскохозяйственных участков, тогда как 53 373 крестьян всех категорий, составляющих 98% населения, владели 12 570 десятинами земли. И если на одного дворянина с семьей из пяти человек приходилось 1033 дес., то на долю крестьянина с семьей в пять и более душ приходилось до 1,0 – 2,0 дес.² Безземелье и малоземелье основной части крестьянства часто приводило к тому, что в селах наблюдалось аграрное перенаселение. Чтобы добывать средства к существованию, часть избыточного населения вынужденно уходила за пределы своего села. Крестьяне становились отходниками, теми, кто добывал средства не сельскохозяйственным трудом, а работой на предприятиях, в сфере обслуживания и т.д.

Рабочая активная часть мужского населения Тагаурского, Куртатиского, Алагирского и Дигорского обществ Осетии отправлялась в дальние земли в поисках заработка. К примеру, Р. Кокоев покинул свою деревню и сначала работал в Тифлисе батраком, затем стражником в Азовско-Донском банке в

---

¹ Дзокаев К.Х. Указ. соч. С. 81–83.

² ЦГРА РЮО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 32. Л. 23–29.

г. Кутаис¹. П. Козаев до революции трудился в шахтах Чиатура². Н. Мхицев в 1904 г. в поисках заработка вынужден был выехать в г. Баку на нефтяные промыслы. Там он получил опыт революционной борьбы, проводимой под руководством видных большевиков: Шаумяна, Джапаридзе, Азизбекова и др.³. А. Лихонос, чернорабочий завода «Кавцинк», отмечал, что принял идеи большевиков благодаря тому, что к ним в рабочие казармы в марте 1917 г. пришел организатор Красной гвардии.

Осетин можно было встретить в самых разных городах Европы и Азии, в далекой Америке или Аляске. В Либаве, в Ростове и во Владикавказе функционировали специальные конторы по набору рабочих в США и Канаду. Мигранты предпочитали оседать в больших промышленных центрах (Лос-Анжелесе, Австралии, Сан-Франциско, Хантингтон-Парке, Раймонде, Сиэттле, Портленде, Чикаго, канадские города Барнете и Ванкувер, а также на Аляске)⁴. Об интенсивности миграции говорят цифры: если в 1912 г. из Осетии выехало на заработки свыше 1 тыс. чел., то уже в 1917 г. – 6700 чел.⁵ Нередко из села выезжали практически все молодые мужчины (Магометанское, Кадгарон и др.). Так, М.А. Колиев в 1912 г. выехал в Америку, где работал 2,5 года; легендарный революционер Х-М. Дзарахохов – более 6 лет. Там они прониклись марксистскими идеями и, вернувшись на родину, делились ими с односельчанами, сородичами и т.д.

Жизненный уровень в осетинском селе был невысоки: крестьяне в большинстве своем были неграмотными, не могли позволить себе хорошее лечение, бытовые предметы промышленного производства и т.д. Земельный вопрос на Кавказе всегда был тем детонатором, который неизбежно должен был взорваться. К этому прибавлялись неблагоприятные для сельской эконо-

---

¹ ЦГА РСО-А. ФР. 60. Оп. 1. Д. 789. Л. 1–2.

² ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 137. Л. 1.

³ Там же. Д. 819. Л. 27–28.

⁴ Марзоев И.Т., Малкарова Н.О. Осетины в Америке и Канаде. Владикавказ, 2014. URL: <http://os.x-pdf.ru/20istoriya/301857-1-it-marzoev-malkarova-osetini-amerike-kanade-vladikavkaz-2014-b.php>. (дата обращения: 12.03.2022).

⁵ ЦГА РСО-А. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3347. Л. 27.

мики неурожайные периоды, рискованное земледелие в горах, всецело зависящее от природно-климатических условий, отсутствие социальной поддержки со стороны властей. Эти обстоятельства подпитывали антиправительственные настроения, которые в годы революции приняли характер протестных акций широких слоев сельского населения. На юге Осетии недовольство стало выражаться в участившихся эпизодических столкновениях между крестьянами и помещиками.

Следует отметить, что российскими социальными комиссиями были проведены изыскания недр Южной Осетии и выявлены залежи полезных ископаемых, пригодных для последующей добычи и транспортировки. Решение этого вопроса, позволило бы повлиять на экономический прирост дохода, но дальше изысканий дело не пошло. О состоянии экономики юга можно судить по статическим данным Государственных переписей, которые проводились в начале XX в. Хотя они и неполные, но дают общее представление о том, что Южная Осетия была одной из отсталых национальных окраин Закавказья. Минуя капиталистический путь развития, она фактически совершила переход прямо от феодализма к социалистическому способу производства. До начала 1917 г. здесь все еще сильны были и сохранялись родовые отношения. Это было обусловлено тем, что энергетическая база была представлена исключительно тягловой силой. Все сельскохозяйственные работы выполнялись вручную, примитивными орудиями труда. Техника производства в сельском хозяйстве была отсталой. Большинство высокогорных хозяйств вообще не знало усовершенствованных земледельческих машин. Достаточно сказать, что на весь край насчитывалось только 379 деревянных и 103 железных плугов, 247 сох, 7 железных борон и т.д. Из 12 651 крестьянских хозяйств без пахотных орудий оставались 30% без другого инвентаря – 44%. Поэтому и такие отрасли хозяйства, как скотоводства, земледелие, плодоводство и т.д., медленно вступали на путь товарно-денежных отношений.

Бесчеловечное стяжательство со стороны духовенства, всякого рода повинности, сборы, необходимые затраты на хозяйство и личные нужды вы-

нуждали населения искать кредит. Можно с уверенностью отметить, что до 1917 г. богатый производственный потенциал Южной Осетии вообще не использовался. Только после советизации края во второй половине 1920-х гг. стало возможным внедрение механизации и новых технологий в сельскохозяйственное производство. Только тогда начался сдвиг от аграрной страны к индустриально-аграрной. Таким образом, осетинское крестьянство, как и крестьянство России в целом, находилось в тяжёлых социально – экономических условиях, что неизбежно приводило к активизации общественного движения.

Так как Осетия по преимуществу была сельскохозяйственным регионом с малым количеством промышленных предприятий, главной движущей силой революции стало крестьянство; удельный вес революционных рабочих и демократической части интеллигенции был невысок.

1.2. Цели и социальный состав движения красных партизан в Северной и Южной Осетии в 1918–1921 гг.

Первый опыт революционной борьбы крестьянство Осетии получило в ходе русской революции 1905–1907 гг. Именно она стала той лакмусовой бумажкой, которая показала глубину социальных конфликтов в российском обществе. Заметим, что общественные настроения и поведение определяли процессы как общероссийские, так и специфические, региональные. Крестьянская активность проявлялась в разных формах: поджогах помещичьих имений, разграблении их имущества, порубке леса, захвате земли, смещении должностных лиц и др. В годы Первой революции 1905–1906 г. большинство крестьянских выступлений было направлено против помещичьей собственности, восставшие считали, что крупные землевладельцы являются виновниками нищенского состояния основной массы сельских тружеников.

Летом 1905 г. «временнопроживающие» с. Алагир захватили помещичьи земли и отказались нести налоговое бремя; захваты причтовых и казенных

земель имели место в селениях Христиановское, Дарг-Кох, Заманкул, Ногкау и др. сельские жители Лескена и Синдзикауа захватили уголья помещика Кубатиева стали осуществлять «черный передел» между членами общины. Понимая, что такой демарш может обойтись большой кровью, они заявили, что даже под страхом смерти не вернут эти земли¹. Начальник Терской области с тревогой доносил в Тифлис, что в регионе разгорается крестьянский бунт, в котором участвуют большие крестьянские массы².

В конце 1905 г. свыше 3 тыс. крестьян из разных сел прибыли в Алагир, стали уничтожать бумаги в канцелярии лесничества, сельского управления³. Восстал также Осетинский конный дивизион, который военное начальство собиралось направить на подавление забастовки рабочих в Минеральных Водах. Вскоре весть о восстании разнеслась не только по всей Осетии, но и за ее пределы. Во Владикавказе стали прибывать вооружённые крестьяне из окрестных сел, а также соседнего Нальчикского округа.

Не менее решительно поступали крестьяне Южной Осетии. Главной особенностью этого периода являлось выступление моноэтнических крестьянских групп вместе с проживающими в городах населением, под общими политическими лозунгами.

Только за одну неделю февраля 1905 г. Подверглись нападению имения Павленова, Кабаладзе, Овандова, Двалишвили и других. Свыше 800 крестьян с. Дзалиси Эреда, Мчадисджвари производили рубку леса в Карталинском удельном имении. Они не отступали, когда к ним прибыли уездные начальники с приказом прекратить произвол. В ответ они выдвинули требования, которые выходили за рамки чисто экономических: дать право населению избирать от общества депутатов, которым надлежит передать функции по делам гражданского и уголовного характера и др⁴. Очевиден политический ха-

---

¹ ЦГА РСО-А. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3347. Л. 1.

² Революция 1905–1907 гг. на Тереке... Т. 1. С. 89.

³ Там же. С. 196.

⁴ Революционное движение Юго-Осетии в годы первой русской революции... С. 83.

рактар данных требований. И это не единичный факт¹. Можем предположить, что акты расправы над представителями дворянства, царской бюрократии и полиции были по своему характеру «индивидуальным террором».

Местное начальство рапортовало в Тифлис главнокомандующему на Кавказе, что более 1500 крестьян Ахалгорского района ходят по району и призывают: «Да здравствуют свобода и единство!»² Восставшие разгромили помещичьи имения, принадлежавшие грузинским владельцам в с. Двани, Дзивлет, Алеу, Ксуис. Газеты писали: «Сейчас Цхинвали уже не тот, что был два года тому назад. Здесь внезапно вспыхнуло пламя движения и охватило горячим потоком все национальности: грузины, евреи, армяне, осетины – все поднялись, встали в один ряд и устремились по одному руслу вперед...»³

Крестьяне считали большой несправедливостью, что не сельский труженик является собственником земли, а помещик, который ничего полезного не делает. Этим они и оправдывали свои действия, захватывая помещичьи земли и имущество. Эта ценностная мотивация имела место и в последующих протестных акциях.

Кроме этого, элемент организованности и сознательности в крестьянскую массу вносили односельчане, родственники, которые в силу многих обстоятельств вынуждены были искать подработку за пределами общины, т.е. отходники и те, кто послужил в армии. У повстанцев авторитетом пользовались Б. Кочиев, Н. Санакоев, Г. Гаглюев, И. Томаев, С. Санакоев и др⁴. Видную роль сыграли возвращавшиеся с заработков рабочие – отходники: Ш. Валиев, А. Кабулов, В. Тиболов, В. Петриашвили, К. Джатиев и др. Проводниками идей большевиков становились студенты: А. Тиболов, Р. Гаглюев, В. Карсанов и др⁵. Это были молодые люди, получившие жизненный и поли-

---

¹ Революционное движение Юго-Осетии в годы первой русской революции... С. 97–98.

² Тадтаев Т.В. Социально-экономические и демографические процессы в Южной Осетии (1861-1991 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ. 2009. С. 82.

³ Никонов И.У. Крестьянские восстания в Юго-Осетии в 1917–1920 гг. Сталинир. 1956 // Архив ЮО НИИ. Ф.1. Оп. 3. Д.65. Л. 3–11.

⁴ ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 93. Л. 1.

⁵ Архив ЮО НИИ. Ф.3. Оп. 3. Д.1. Л. 10.

тический опыт в городах, на предприятиях, учебных заведениях. Они же формулировали требования крестьянства. Значимым шагом по координации действий участников аграрного движения и агитационным прорывом стало приобретение Р. Гаглоевым типографического оборудования и выпуск листовок с лозунгом «Цы фестут?»¹, призывающий местное население бороться за свои права².

Тогда же появляются первые организованные, вооруженные красные отряды крестьян, выступавших против бесчинств черных сотен грузинской полиции и помещиков. Из числа восставших был избран актив координировавшие действия повстанцев.

Итоги Первой русской революции для народа были неутешительными, но все же имели большое значение: произошло политическое «пробуждение» населения Осетии, которое стало избавляться от общественной инертности, в его настроениях стали прослеживаться элементы радикализма. Конечно, говорить о сплочённости крестьянства, выступающего единым фронтом, нельзя, побудительные мотивы поведения были разными, зависящим от материального достатка, менталитета, жизненных установок. В это время ещё проявлялось сильное влияние традиционных общественных норм, которые сформировали традиционный социально-психологический взгляд на происходившие события.

Итогом революционализации масс стало неподчинение властям, самостоятельные действия в отношении родовитой землевладельческой элиты. Защиту интересов и вооруженную поддержку народу оказывали созданные из партизан красносотенные отряды.

Подводя итог, можно подчеркнуть, что первая русская революция явилась школой политической борьбы. Крестьянство Осетии получило определенные навыки сопротивления, которые в дальнейших политических событиях развились и дали результаты.

---

¹ Пер. с осетинского «Где вы?».

² Бекоев С.Г. Юго-Осетия в период русской революции. Сталинир, 1956. С. 61.

В начале революционных брожений 1917 г. происходил второй этап политического взросления и понимания целей борьбы. Однако очень скоро революция переросла в гражданское противостояние.

Одной из особенностей Гражданской войны была размытость сословных, классовых границ, т.е. нередко оставалось непонятным, какие мотивы толкали людей в противостоящие лагеря, чем подпитывался тот или иной выбор. Надо думать, что в непривычной для себя ситуации обыватель делает неосознанный выбор в пользу того или иного сценария поведения, т.е. трудно проследить прямую связь между революционными событиями и выбором индивида (линейный детерминизм).

Враждующими станами руководили представители местной элиты. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана представлял ту ее часть, которая стремилась возглавить свои национальные регионы и строить государственность в форме, которая определялась ЦК Союза горцев. Когда цель не оправдалась, то ЦК примкнул к Юго-Восточному союзу, выступив с решением об отделении от советской России. Как следствие, ЦК лишился поддержки со стороны кругов, не представляющих дальнейшие политические процессы севера вне России.

Другой лагерь возглавила молодая национальная интеллигенция в лице Д. Гибизова, Н. Кесаева и других, создавших летом 1917 г. Партию «Кермен», которая, в отличие от Союза горцев, ориентировалась на российскую социал-демократию и социалистическую группу во главе с С.М. Кировым. Партия «Кермен» к январю 1918 г. в своих рядах уже насчитывала 800–1000 членов. Именно благодаря деятельности этой партии, в гущу крестьянства проникали идеи большевиков. Причем следует отметить синхронность работы групп, живущих идеями революции в обеих частях Осетии. Так, уже в 1918 г. Северо-Осетинскую партийную ячейку на юге дублирует союз «Чермен», включающий сторонников большевизма из числа местного крестьянства и немногочисленных рабочих. Цель у обеих организаций общая: реали-

зация программы партии большевиков и координация революционных действий жителей Северной и Южной Осетии.

Большевикам и революционно настроенным силам принадлежит исключительная роль в предотвращении межнациональной войны в регионе. Следует подчеркнуть, что стараниями членов группы была признана власть СНК РСФСР и создана Терская Народная Республика¹. Новая власть взяла на себя ответственность в решении злободневных вопросов в области земельных отношений, социальной политики, межнационального мира. В итоге проведенных аграрных мероприятий свыше 400 тыс. дес. передано трудовому населению. В отличие от севера Осетии, юг был представлен небольшой группой национальной интеллигенции.

Своеобразием этого периода стала активная народная деятельность по определению будущего Осетии. Уже в апреле 1917 г., на первом съезде осетинского народа, делегаты со всей ответственностью поставили вопрос об усилении Осетии как единой политической единицы². Национальные советы, становясь, центральными органами управления между съездами, приступают к национально-государственному строительству. Примечательно, что основа совместных действий создана «Положением» (по факту Конституцией), принятым на очередном съезде, предоставляющим действующему Южно-Осетинскому Национальному совету (далее по тексту – Южнас) место постоянных представителей, с правом голоса в совете г. Владикавказ – С.И. Абаев, З.Н. Ванеев, Р.Н. Гаглоев (первый председатель Южнаса). В состав Юго-Осетинского национального совета были приглашены видные партийный деятели Северной Осетии: К. Бутаев, С. Такоев, С. Мамсуров Ц. Гадиев и др.³.

Конечно, не все мероприятия, проводимые Национальными советами, имели однозначно положительный отклик во всех слоях населения: казаче-

---

¹ Съезд народов Терека: сборник документов и материалов: в 2 т. / сост. Х.Х. Бекузаров [и др.]. Орджоникидзе, 1977. Т. 1. С. 166–178.

² Горская правда. Владикавказ. 1918. 25 августа.

³ Горская жизнь. 1918. 17 февраля.

ство и грузинские феодальные круги в штыки приняли Закон о социализации земли, конфискацию помещичьей собственности.

Отметим, что местные органы власти, поощряемые из центра, создавали для себя опасную ловушку. Они целенаправленно толкали горцев против казачьих станиц, предлагая первым «восстановить» историческую справедливость и отобрать земли, захваченные казаками. Такая «карта» разыгралась для того, чтобы большевикам не лишиться своей социальной базы в лице местного крестьянства. За короткие сроки осенью 1920 г. по приказу С. Орджоникидзе были уничтожены некоторые станицы (например, Фельдмаршальская, Тарская, Аки-Юртовская), а казачье имущество и земля переданы в пользование ингушам¹. Несмотря на многократные обращения пострадавших, органы власти всех уровней твёрдо стояли на своём решении.

Это недовольство неизбежно приводило несогласных в лагерь антиреволюционных сил. Историки считают, что начало Гражданской войны и белого движения в Осетии связано с выступлением Г.Ф. Бичерахова². В повстанческие отряды вступали казаки Моздокского отдела, некоторые осетинские села. По некоторым данным, состав бичераховского войска входило 12 тыс. чел³. Белое движение набирало силу. По сведениям командира Владикавказского отряда, М. Томашевского, против советской власти в Терской области было настроено 410 тыс. чел⁴. Кроме того, около 200 тыс. отмечено тех, кто в решающий момент готовы были выступить на помощь повстанцам. Около 5 тыс. осетин также выразили своё положительное отношение к готовящемуся выступлению. По этому поводу осетинский общественный деятель А. Цаликов устами своего литературного персонажа сокрушался «Мой маленький

---

¹ Съезды народов Терека... Т. 2. С. 101.

² Кучиев В.Д. Указ. соч. С. 108.

³ Бурда Э. Бичераховское восстание. К 94-й годовщине кровавых событий в Терской области: ч. 2. URL: <http://www.apn.ru/publications/article26791.htm>. (дата обращения: 01.02.2022)

⁴ Лобанов В.Б. Терское антибольшевистское восстание (июнь-ноябрь 1918 года): современный взгляд // Вестник Костром. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. 2012. № 4. С. 48.

народ разбился на две враждебные группы, находящиеся между собой чуть ли не в состоянии открытой войны... Брат восстал против брата...»¹

В этой связи можно возразить С.Г. Кара-Мурзе, считавшему, что народы, которые были долго унижаемы и угнетаемы, однозначно выступали против белых². Факты свидетельствуют о том, что такой посыл не всегда является верным.

В среде терского казачества также были силы, которые выступали против развязывания Гражданской войны. Так, казаки-фронтовики с большой тревогой указывали на то, что «долго сдерживаемая гражданская война разразилась... и обманным путем офицерству удалось вовлечь трудовое казачество в эту авантюру»³.

Время для наступления было выбрано не случайно: с севера надвигались деникинские войска, на юге Грузия, пытаясь вытеснить российское влияние, нашла союзника в лице германских частей, способствующих решению её территориальных расширений. Требовалось расшатать ситуацию изнутри, что и было сделано в результате кровавого террора, учиненного восставшими бичераховцами по пути следования во Владикавказе, и в самом городе⁴. В своём декларативном объявлении лидеры антибольшевистского движения заявили, что они «будут бороться не с народной властью, а с Советом Народных Комиссаров»⁵. Движение не удалось подавить в зародыше, оно ширилось по всей области. Это доказывает несомненный факт распространения антибольшевистских настроений в обществе. На созванном в чрезвычайном порядке заседании Моздокского казачье-крестьянского совета было заявлено о «недоверии обещаниям большевистского Совнаркома Терской республи-

---

¹ Цаликов А. Избранное. Владикавказ, 2002. URL: <http://iriston.com/nogbon/news.php.newsid=1134> (дата обращения 01.02.2022).

² Кара-Муза С.Г. Гражданская война 1918–1921 гг. – урок для XXI века. URL: http://www.kara-murza.ru/books/war/civil_war_content.htm. (дата обращения 15.03.2022).

³ Съезды народов Терека... Т. 2. С. 49.

⁴ Полгода во Владикавказе. Отрывки из анонимного дневника 1918–1919 гг. // Дарьял. 2000 № 2. URL: http://www.darial-online.ru/material/2000_2-dnevnik/ (дата обращения 15.09.2022).

⁵ Там же. С. 45.

ки». Бичерахов обещал вернуться к вопросу только в том случае, если броненосцы и красноармейцы, дислоцированные по периметру Моздока, будут отозваны по месту своей стоянки.

В начале ноября 1918 г. части XI Красной армии и вооруженных сил Терской республики стали теснить контрреволюционные части, что предопределило поражение бичераховского восстания. Несмотря на некоторые боевые операции, предпринимаемые повстанцами, их основные силы были разгромлены. Господство большевиков в этот период оказалось безраздельным.

Однако спустя время Терская республика вновь оказалось в зоне оккупации деникинских частей генерала А.Г. Шкуро. Красноармейские отряды XI армии с боями отступали к Главному Кавказскому хребту, 17 тыс. их бойцов были расстреляны, остальные вынуждены были перейти в Грузию. После трудных переговоров с председателем меньшевистского грузинского правительства Жордания об их размещении, грузинское правительство дало указание вытеснить беженцев в нейтральную зону. Со многими известными политическими деятелями национальная милиция Грузии зверски расправилась еще по пути следования. Так, после жестоких пыток и издевательств были задушены и сброшены в р. Арагви нарком просвещения Терской республики Я.Л. Маркус, редактор газеты «Народная власть» Г.Г. Ильин и др. Пригнав в Тифлис под конвоем тысячи раздетых, разутых и голодных красноармейцев, многие из которых были больны тифом, грузинские власти обрекли их на физическое вымирание. Приведем отрывок из воспоминаний А. Ильиной, работавшей в то время в больнице: «Жуткую картину представляли собой казармы в Сабуртало, куда были брошены наши красноармейцы, голодные, больные... Когда с каретой скорой помощи прибыли в казармы за больными, то нашим глазам представилась такая картина: на полу нетопленных казарм ле-

жали здоровые, и больные, и мертвые красноармейцы, умершие двое суток назад»¹.

Не менее драматично складывались и события и в Северной Осетии; местные власти пытались организовать отпор наступающим частям деникинской армии. Была объявлена мобилизация коммунистов, которые составили части особого назначения. Правительство Терской республики обратилась к населению с призывом защитить свою родину.

В середине января 1919 г. началось наступление на Осетию двумя сходящимися армиями генерала Ляхова и генерала Покровского. Разделив свою армию на две части Ляхов смог с боями продвинуться по берегам Терека к Владикавказу. Одновременно с ним к Владикавказу пробиралась армия генерала А.Г. Шкуро. Но ему пришлось сломить героическое сопротивление населения с. Христиановское, которое заранее подготовилось к обороне, создав несколько рубежей заслонов.

Из керменистов и жителей многих сел были созданы краснопартизанские и красногвардейские отряды (свыше 2 тыс. чел.), которые нарушили планы А.Г. Шкуро на быструю победу. Костяк этих отрядов составляли крестьяне, но входили также некоторые казачьи отряды, поддерживавшие христиановцев.

28 и 30 января 1919 г. красные партизаны, керменисты и жители окрестных сел отбили две атаки белогвардейцев. Шкуро усилил наступление 3 сотнями кавалерии, и очередная атака, наконец, дала результаты – сопротивление защитников было сломлено. Ворвавшись в село, шкуровцы устроили расправу над красными партизанами и красногвардейцами, не успевшими укрыться в лесу. Были зверски замучены десятки защитников села, расстреляны даже тифозные красноармейцы, которые находились на излечении в местной больнице.

В начале февраля 1919 г. вся территория Терской республики была оккупирована деникинскими войсками. Карательные отряды бесчинствовали,

---

¹ НА СОИГСИ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 254. Л. 5.

наводя ужас на население. Не останавливаясь на фактах насилия и террора, отметим, что ответом на них стало сопротивление местных жителей. Протестный потенциал набирал силу. Примечательно то, что совместный отпор карательным отрядам оказывали осетины, как Севера, так и Юга.

Основными центрами антиденикинского движения, как было указано выше, стали с. Христиановское и Дигорское ущелье. За короткий срок именно здесь были сформированы краснопартизанские отряды, действие которых координировал военный совет. Его возглавил Д. Тогоев, членами совета были избраны Е. Рамонов, Г. Арсагов, Дз. Такоев. К весне 1919 г. в партизанских отрядах Дигорского ущелья было уже свыше 500 чел.¹ К этому следует прибавить 8 партизанских отрядов по всей Северной Осетии: в Алагирском ущелье – 2 отряда, командиры К. Бутаев и Г. Бараков; во Владикавказе – командир П. Огурцов; отряд по указанию военно-революционного совета Осетии был организован в с. Карман-Синдзикау, Кора-Урсдон, Дур-Дур, в составе двух сотен; в с. Урух и Н. Урух отряд состоял из 100 чел.; в ст. Николаевский создан взвод из 23 чел., под командой взводного М. Легейдо². Несколько керменистких отрядов было создано в Алагиро-Ардонском районе. Все они активно участвовали в военных операциях против деникинцев, совершали налеты, уничтожали орудия, забирали провиант и проч. Сохранилось свидетельство уполномоченного разведотдела штаба войск П.Н. Врангеля, который в докладе начальству сообщал: «Из Грузии осетинские повстанцы тайно получали оружие и боеприпасы на 500 вьючных лошадях, для действия против Добровольческой армии...»³. Это оружие распределялось между повстанческими отрядами. Только отряду П. Огурцова было передано 2 горных орудия, 340 снарядов, 9 пулеметов «Льюис», 2 пулемёта «Максим»⁴. Повстанцы организовали крушение штабного поезда генерала И.Г. Эрдели на станции Дарг-Кох, освободив большую группу красноармейцев.

---

¹ Гюев М.И. Антиденикинский фронт на Кавказе. Орджоникидзе, 1984. С. 114.

² ГАНИ РСО-А. Ф.1849. Оп. 2. Д. 7. Л. 162.

³ НА СОИГСИ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 8. Л. 23.

⁴ Там же. Д. 209. Л. 64.

Отчаянные усилия деникинского командования не могли спасти ситуацию. Приближение частей Красной армии к Терской области дало возможность партизанам Северной Осетии установить связь с регулярной армией и вести совместные военные операции. Краснопартизанские отряды действовали по всей Осетии. Особенно активно сражалось население с. Христиановское – центра керменистского движения. Вырвавшиеся из окружения отряды керменистов ушли в горы и оттуда стали совершать дерзкие налёты на деникинцев. Не менее организованно сопротивлялись неприятелю жители Алагирского ущелья.

Действия партизан доставляли деникинцам серьезные проблемы¹. Революционный подъем значительно усилился. В начале весны 1920 г. произошли изменения и вооруженных силах Северной Осетии. Штабом было решено, все партизанские силы объединить в отдельные отряды: Дигорский возглавил (Д. Тогоев), Левобережный (А. Ботоев), Правобережный (Х. Псахациев)². Впоследствии, все эти отряды вошли в состав Терской областной группы красных повстанческих отрядов под началом Н.Ф. Гикало.

17 марта 1920 г. на всей территории Северной Осетии была провозглашена советская власть.

В Южной Осетии ситуация сложилась более драматично. В течение года после революции 1917 г. закавказские лидеры заверяли о своей дружбе с демократической Россией. Это вселяло надежду в осетинское население, которое строило планы в отношении объединения двух частей единого народа и мирного бескровного разрешения всех национально-территориальных вопросов. На съезде осетинского народа в декабре 1917 г. был представлен проект нового объединения: «... Автономия единой Осетии с законодательным органом, избранным на основании всеобщего, равного, прямого, тайного и пропорционального избирательного права для местного законодательства и так-

---

¹ Разгон И.С. Из истории борьбы горцев Северного Кавказа за власть Советов в 1917–1920 годах // Историк-марксист. 1941. № 2. С. 49–59.

² Кучиев В.Д. Указ. соч. С. 135.

же разработки и развитию законов, отдаваемых российским парламентом... Определены общекультурные задачи: а) национальная школа в пределах средней; б) общая почта; в) суд на родном языке; г) общее санитарное положение. Представительство в Учредительном собрании. Осетинское представительство для Северной и Южной Осетии: а) выборное начало духовенства; б) богослужение на родном языке. В церковно-административном отношении осетинское духовенство подчиняется русской церкви»¹.

Однако в феврале 1918 г. (Закавказским Сеймом), затем в мае того же года (Грузинским национальным Советом) была принята серия актов независимости. В ст. 5 Акта о независимости Грузии указывалось «Демократическая республика Грузия в пределах своих границ обеспечивает равенство всех граждан в гражданских и политических правах независимо от национальности, вероисповедания, социального положения и пола»². Собранный 28 мая 1918 г. съезд делегатов Юго-Осетии категорически отказался признавать себя под юрисдикцией грузинского правительства. Отказ Южнаса признать власть грузинского правительства и бойкот выборов в Учредительное собрание, вызвали серьезное беспокойство властей. С этого периода коллизии осетино-грузинского противостояния перешли в острую, открытую фазу. Дело в том, что с победой революции массы стали выражать недовольства положением на местах, отстаивать свои права и охотнее поддерживать агитирующих. К примеру, созданные из населения вооружённые партизанские отряды (интернациональный отряд под командованием И. Харебова, отдельные группы под командованием Д. Тибилова, В. Габараева, А. Биртвелишвили) устраивали засады и вели борьбу с правительственными отрядами милиции. Ярким показателем борьбы служат Корнийские события в феврале 1918 г., когда крестьяне разгромили вооружённую сотню, охранявшую имение князей Херхулидзе. одному из сбежавших князей удалось пробраться в с. Брети, где он стал

---

¹ Горская правда. 1917. № 25; ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 274. Л. 6.

² Грузинская Демократическая Республика (1918-1921 гг.) Национально-государственное строительство. URL: <http://histori.wikireading.ru/216089> (дата обращения: 13.07.2022).

подстрекать грузинских крестьян выступить против осетин. Однако, он был схвачен соплеменниками, привезен в с. Корнис и расстрелян на глазах повстанцев.

Меньшевистское правительство Грузии во главе и Н. Жордания, совместно с германскими интервентами, привольно почувствовавшими себя в регионе, перешло к неприкрытой экспансии территории, населенных осетинами. А для того, чтобы положить конец пророссийским ориентациям последних, в Цхинвал была снаряжена военная двухнедельная экспедиция, ставшая началом продолжительной кровопролитной войны. Применение вооруженной силы в целях реализации идеи единой Грузии породило последующие политические действия в крае.

Из-за расформирования Осетинского национального полка борьбу против превосходящей меньшевистской гвардии во всех последующих революционных событиях 1918–1920 гг. пришлось вести силами 2 тыс. юго-осетинских повстанцев. Отметим, что, благодаря действиям Южнаса, энергия местного крестьянства направлялась в организованное русло. Повстанцы стали препятствовать меньшевистским войскам в деле разоружения осетинского населения, в сборе налогов и повинностей. Именно массовое разоружение осетинских сел послужило поводом к первому стихийному мартовскому вооружённому выступлению крестьян 1918 г. Впоследствии вспыхивают восстания грузинской и осетинской бедноты и на западной и восточной границе Юга Осетии: в Сачхерском и Душетском районах. Помощь осетинским повстанцам оказали отряды С. Кавтарадзе и С. Гаглоева из Владикавказа, крестьяне Рукско-Едисского района во главе с Ч. Бегизовым, крестьяне Джавского района во главе с М. Санакоевым и В. Абаевым, отряды из Цхинвальского района во главе с И. Харебовым, Д. Хугаевым. Члены Южнаса упорядочив наступление повстанцев разгромили грузинские войска и заняли Цхинвал. Ориентация на молодую Россию была подтверждена провозглаше-

нием советской власти комендантом города и начальником штаба повстанцев Р. Гаглоевым¹.

Благополучный исход некоторых военных операций был связан с тем, что многие красные партизаны свободно ориентировались в местности, имели военный опыт, который применяли при планировании боевых операций. Так, группа И. Козаева и Р. Гаглоева, отлично знавшая местность, без особых потерь смогла разбить превосходящие силы противника, и более того, взять трофеи².

Несмотря на временный успех, против них 22 марта 1918 г. были направлены хорошо вооруженные силы под командованием генерала А. Кониева и В. Джугели. Преследование отступающих в горы повстанцев было приостановлено подписанием мирного договора 28 марта 1918 г., в Джаве, Р. Гаглоевым и Б. Кочиевым с В. Джугели. Однако, несмотря на заверение грузинского командования, и ненападении после мартовских событий Южной Осетии пришлось испытать ужасы еще трех карательных экспедиций.

Успехи и неудачи партизан были обусловлены многими факторами. Результативность ведения партизанской войны во многом зависела от хорошей дисциплины и грамотного руководства, ибо приходилось вести боевые действия против частей грузинской армии, снабжаемых сначала германской, затем английской, а потом и деникинской властью.

Неоценимую помощь в грамотном организационном оформлении и структурировании партизанских подразделений оказывали бывшие фронтовики и офицеры (Санакоев Г., Гаглоев Р., Гаглоев Т., Гагиев Б., Кочиев Т., Карсанов П. и др.). Численность партизанских подразделений сильно отличалась не только в пределах отдельных районов, также широко были привлечены молодые люди, не имевшие военной подготовки, но желающие вступить в партизанские отряды. С ними проводились учения.

---

¹ Архив ЮОНИИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 23–28.

² ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 612. Л. 1.

Разгром повстанческих отрядов и размещение военно – карательных правительственных сил в районах сопротивления привели к тому, что грузинские войска вошли в Цхинвал, и в 1919 г. Национальный совет был силой разогнан. Началась охота на его активистов – Р. Гаглоева, Т. Кочиева, В. Санакоев, Н. Джиева. С этого момента население попало под влияние агитации Юго-Осетинского окружного комитета РКП(б) (далее по тексту – окружка), состоявшего из бывших членов Южнаса. Революционные настроения Южнаса, подпитываемые и большевистскими идеями окружка, пользовались популярностью у местного населения, что привело к быстрой военной мобильности масс.

В сёлах Южной Осетии продолжилось формирование партизанских отрядов, действовавших против меньшевистских войск. Крестьянские массы возглавлялись местной интеллигенцией, а также бежавшими от деникинского преследования большевиками из Северной Осетии.

Однако первое восстание под эгидой Окружка в 1919 г. не поддержанное в ответственный момент грузинским крестьянством, оказалась сугубо осетинским, изолированным, и потому жестоко подавленным. В ответ в сёлах происходили не просто «зачистки от партизан», а настоящие грабежи и бесчинства. Повстанцы в таких условиях стали осваивать подпольные формы борьбы.

Отныне все действия по усилению большевистского влияния в сельских местностях координировались Кавказским краевым комитетом РКП(б), что сыграло решающую роль в изменении вектора дальнейшей политической судьбы Юга. По мнению Р.С. Бзарова, такой поворот связан с тем, что у большевиков уже имелись, практически во всех населенных пунктах, свои первичные организации; РКП(б) имела опыт подпольной борьбы и строгой дисциплины¹. Кроме того, большевики в Южной Осетии представляли общее осетинское политическое движение, это наглядно видно и по персональному составу: первую большевистскую юго–осетинскую организацию возглавили

---

¹ Геноцид осетин... С. 23.

выходцы из северных осетин: Е. Рамонов, А. Джатиев, А. Плиев – представители юго-осетинского крыла социал-демократии.

Действия отдельных партизанских групп и отрядов сменяются более масштабными операциями, выливаясь к 1920 г. во всеосетинские восстания.

Меньшевистское правительство Грузии на первых порах не сразу поняло масштабы и степень организованности партизанских отрядов, привлекая для ликвидации силы национальной милиции. Однако позже против партизан стали готовить более крупные вооруженные отряды, с использованием германских, либо английских сил армии, более подготовленных в военном отношении.

В 1920 г. начало готовиться пятое восстание. Не без влияния Кавказского краевого комитета РКП(б) Окружной комитет Юга упустил вторую возможность слияния партийных организаций Северной и Южной Осетии, «ввиду технических и естественных препятствий»¹. На этом фоне Кавказский крайовой комитет РКП(б) предложил использовать юг Осетии как плацдарм для осуществления социалистической революции в Грузии, обосновывая это предложение близостью фронта и помощью частям Красной армии.

С 22 марта 1920 г. начатое партизанское движение под свой идейно-организационный контроль попытались подвести большевики окружкома, позже – ревкома (Санакоев В.А., Гаглоев С.Г., Плиев А., Джатиев А.М.), наделенного широкими полномочиями и введенного в состав Краевого комитета. Все возникающие в отдельных селах вооруженные группы к 1920 г. почти полностью вошли в состав повстанческих отрядов последнего. Несмотря на разную политическую подготовку боевых командиров, разные устремления участников, цель оставалась четко определенной – освобождение от гнета и национальное самоопределение.

В марте 1920 г. вновь инициируемое ревкомовцами выступление также закончилось поражением. Хотя в помощь восставшим из Владикавказа спешно была направлена (31 мая 1920 г.) 1-ая Осетинская бригада под ко-

---

¹ Плиев Б.З. Борьбу трудящихся... С. 218.

мандованием М.К. Санакоева (без должной экипировки, вооружения, с острой нехваткой боеприпасов). Перейдя через Рукский, Зикарский и Мамисонский перевалы, отряды Т. Гаглоева, А. Дуцева, Т. Кочиева, Н. Джиева, И. Козаева и др. успешно нанесли удар по позициям противника¹. Несмотря на военно-политическую и продовольственную блокаду Юга Осетии², совместные действия отрядов партизан под руководством Т. Бекузарова, М. Каллагова, С. Кутарова и др., координируемые повстанцами во главе с Мате Санакоевым, общим натиском смогли выбить противника³.

Вскоре меньшевистское правительство Грузии, идя на совместные с контрреволюцией Северного Кавказа действия против Красной армии и повстанческого фронта, начало переговоры с Деникиным о помощи. Однако старания обеих сторон оказались излишними, поскольку к 17 марту 1920 г., ещё до прихода частей Красной армии, совместные партизанские отряды смогли вытеснить белогвардейцев из Северной Осетии, и здесь была провозглашена советская власть. Впоследствии влившись в состав XI Красной армии, они приняли участие в советизации Закавказья.

Победное продвижение бригады до Гори, Мцхет по плану М. Санакоева для дооснащения из вражеских складов и укрепления в прежних исконных границах, было приостановлено специальным приказом ревкома за подписью А. Джатиева⁴. Позже эта ошибка руководства имела тяжелые военные и политические последствия для всей Осетии.

Результатам событий июня-июля 1920 г. стали сотни убитых, тысячи беженцев, раненых. Хозяйству Южной Осетии был нанесён огромный ущерб: «Убитых и погибших при отступлении было 4775 человек, избитых до смерти – 499 чел., несколько человек было заживо сожжено... Посевов погибло – зерна из урожая 1919 г. на сумму 167 707 руб., гибель скота –

---

¹ Архив ЮОНИИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 118–120,

² Молот. 1919. 5 августа.

³ Гражданская война в Северной Осетии... С. 290.

⁴ Там же. Л. 123.

свыше 80%»¹. По разным данным численность беженцев колебалась от 20 до 50 тыс. чел. Современники отмечали: «...Большинство сёл было сожжено дотла. Осетия опустошена. Почти все население за исключением дряхлых стариков и больных, в спешном бегстве..., под прикрытием партизанских отрядов, ведших отчаянную неравную борьбу с вооруженной до зубов меньшевистской гвардией, устремилось через Рукский перевал искать приют в Северной Осетии»².

Сотни людей мирного населения из Южной Осетии были вынуждены спешно покинуть свои дома. Их невыносимо тяжелое положение хорошо отображает доклад члена комиссии Осетинского облисполкома по расследованию положения беженцев: «...Положение беженцев Южной Осетии – весьма ужасное. Холера, тиф, голод настолько истощали их, что каждый из них выглядывает с животным страхом... в самом Алагире и Салугардане [беженцы] расположены или на дворе, или в полуразрушенных домах, причем на них не обращалось никакого внимания со стороны властей... Совместно с доктором Евкловым мы застали страшную картину, подтверждающую наихудшие опасения. Беженцы по 12–15 человек валяются прямо на земле. У каждого по 4–5 больных тифозных с высокой температурой, прикрытых лохмотьями»³. Можно с полным правом утверждать, что против осетин был проведен геноцид.

Таким образом, исходя из ранее сказанного особенностью 1920–1921 гг. стала массовость партизанского движения, как результат постоянной агитации и пропаганды окружкома. Вторая отличительная черта указанного периода – это борьба отрядов в условиях укрепления грузинской армии, роста её численности и боеспособности благодаря вооружению и вливанию дополнительных сил из союзных государств Грузии.

---

¹ 15 лет Советской Юго-Осетии. Сталинир. 1935. С. 29.

² Архив ЮОНИИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 7. Л. 222.

³ Цит по: Хубулова С.А. Осетия: трагедия разделённого народа // Военно-исторический журнал. 2009. № 1. С. 21.

Спецификой краснопартизанского движения в Южной Осетии стало как отрядное, так и территориальное формирование. Такая специфика, во многом была обусловлена тем, что с самого начала движения попало под сильное партийно-идеологическое и политическое влияние большевизированных лиц Окружкома и представителей грузинской группы большевиков, нередко поразному представляющих конечные цели¹.

Не претендуя на исчерпывающий анализ, мы остановимся на некоторых аспектах социального состава красных партизан Северной и Южной Осетии в годы Гражданской войны и в межвоенный период.

Анализ документов позволяет сделать ряд предположений: во-первых, в активизации поведения индивида большую роль играет роль возбужденной толпы, когда коллективный фактор «давит» на человека, заставляя его не противопоставлять себя обществу; во-вторых, в социуме появляются люди, вожаки, которые снискали почет и уважение сограждан своим трезвым подходом к ситуации, учёностью и, наконец, храбростью и доблестью². Для людей, выросших в традиционном обществе, с устоявшимися жизненными предпочтениями, данные обстоятельства являются определяющими.

Существенную роль в процессе вхождения в политическую борьбу играл также жизненный опыт, который складывался не один год; чем старше был человек, тем больше была, его приверженность традиционным устоям, в которых жить сложно, но так сложилось из поколения в поколение. Люди среднего, а особенно молодого возраста, были восприимчивее к инновациям и смотрели на мир другими глазами.

Чтобы рассмотреть обозначенные проблемы, нами было проанализировано 960 анкет, заявлений и писем бывших комбатантов, с помощью контент – анализа, который синтезирует количественные и качественные характеристики, способствует большей информационной отдаче документа. Данная

---

¹ Хубулова С.А. Деятельность Северо-Осетинской комиссии по делам бывших красногвардейцев и красных партизан (1925–1935 гг.) // Известия СОИГСИ. Владикавказ, 2017. № 23 (62). С. 136.

² Кузнецов И.С. Советский тоталитаризм: очерк психоистории. Новосибирск, 1995. С. 85.

методика позволяет провести достаточно широкий анализ общественного сознания красных партизан в двух направлениях – социально-психологическом и политическом, и таким образом определить общее и специфическое поведение индивида на разных этапах избранной темы.

Изучение анкет показало, что возрастной диапазон участников партизанского движения был весьма широк – от 16 до 70 лет, встречались также сведения о 14-летних подростках и 80-летних стариках. Пёстрый состав партизанского сопротивления требует объяснения: почему люди с разным жизненным багажом оказались в лагере большевиков? Тяжелое материальное положение не может быть единственным объяснением этого факта.

Как указывают специалисты, общественное поведение, политические предпочтения в рамках транзитивных социальных событий формировались под воздействием ряда обстоятельств, среди них – повседневное сознание и идеологическое воздействие. При этом первый фактор, всецело состоящий из традиционных норм поведения, стереотипов мышления, сознания, имевший в Северной и Южной Осетии исключительное значение, отражался на восприятии / отторжении той или иной идеологии, и, в конце концов, влиял на политические предпочтения, общественную позицию. Окунувшись в политические действия, участники обоих лагерей постепенно меняли свои представления о справедливости и насилии.

У разных демографических и социальных страт некоторые установки могут, меняться в зависимости от внешних и внутренних обстоятельств. Это довольно отчетливо проявилось в социальной группе партизан. Так, участие в Гражданской войне для многих бойцов партизанских отрядов явилось продолжением предшествующего опыта сопротивления.

Анализ показал, что к моменту создания партизанских отрядов, бойцов 50–60 –летнего возраста было немного – 5–8%. Например, Хасиев Х.П. родился в 1849 г. (69 лет)¹; Гаглов Т.П. – в 1854 г. (65 лет)²; В. Кануков – в

---

¹ ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 56. Л. 2.

² ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 394. Л. 1.

1860 г. (59 лет)¹. За плечами они имели большой жизненный опыт, в революции вступили не по идейным убеждениям, а, скорее, исходили из той политики, которую проводили в земельном вопросе местные социалистические силы (в 1917–1918 гг.).

Самой насущной целью крестьянства Осетии было обретение наделов. Земельный голод душил население, а большевики объявили о национализации земли. На третьем съезде народов Терека в мае 1918 г. была принята резолюция, в которой подчеркивалось: «Все земли безотлагательно переходят в пользование трудового земледельческого народа Терской области, без различия пола и национальности»². Такая же политика проведена и земельным комитетом Южнаса³. Поэтому, когда встал вопрос о поддержке власти, давшей столь необходимую землю, старшее поколение выступило на стороне этой группы.

Вторым, не менее важным фактором революционизации населения, стали постоянные незаконные притязания со стороны грузинской знати и властей к жителям Южной Осетии. Возможность переломить ситуацию толкала представителей второй группы искать силу, позволяющую это сделать.

Следующая группа представлена 25–45–летними, воспитывающихся в совершенно других условиях. Одним из таких поворотных исторических моментов стало участие в революции 1905–1907 гг. и Первой мировой войне. Например, красные партизаны этой возрастной когорты, такие как Васо Петришвили, Илико Лакоев, Знаур Айдаров, имели опыт революционной борьбы, полученной в ходе Первой русской революции. Некоторые из них прошли тюрьмы и каторгу. Так, будущий революционер Кирилл Кесаев, который занимался революционной работой с 1904 г., в 1905 г. встал во главе ре-

---

¹ ЦГА РСО-А. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 777. Л. 56.

² Терский казак. 1918. 2 июня.

³ АЮОНИИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 28. Л. 1–3.

волюционного движения в Дигории¹; М. Козаева, как активного участника революции в Юго-Осетии, арестовали и заключили в Горийскую тюрьму².

Крестьянское движение в этот период приобрело невиданный по количеству участников и формам сопротивления характер. Они поджигали мельницы, фабрики местных предприниматели, вырубали частновладельческие леса, захватывали сельскохозяйственный инвентарь; помещики и князья под страхом физической расправы спешно покидали свои владения.

Именно эта возрастная группа стала движущей силой революционных восстаний народного Сопротивления. Традиционно сложилось так, что в Осетии проявляли уважительное отношение к представителям социал-демократии, т.к. многие национальные лидеры были из этой среды; молодежь Осетии, получившая образование в центральных учебных заведениях, оказались под влиянием большевиков, идеи которых они пытались применить на местной почве. Так, будущие организаторы партии «Кермен» Дебола Гибизов и Георгий Цаголов являлись студентами Московского университета; Николай (Колка) Кесаев более 4-х лет находился в Германии, Франции, Швейцарии и Италии, изучал иностранные языки и труды К. Маркса, Ф. Энгельса, Ф. Лассаля; среди лидеров революционного движения в Южной Осетии также выделялись Александр Джатиев (в прошлом студент Петербургского психоневрологического института) и Рутен Гаглюев – студент Московского высшего технического университета и другие. Именно они стали ведущей силой грядущих социально – политических перемен и опорой большевиков на Кавказе.

В своих воспоминаниях один из участников революционных событий на Тереке вспомнил, как происходило проникновения большевистских идей в сельские массы: «У нас в селе не у кого было получить революционный дух. Я могу прямо сказать, что в политике не разбирался... Но пришел К. Бутаев

---

¹ ГАНИ РСО-А. Ф. 1849. Оп. 1. Д. 70. Л. 2–5.

² ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 483. Л. 1–2.

который нам объяснил цели большевиков»¹. Наряду с молодой интеллигенцией, восприняли идеи большевизма многочисленные группы отходников, которые работали в крупных российских городах. Для них это была возможностью хоть как-то изменить социальное неравенство.

Следующим побудительным мотивом вступления в краснопартизанские отряды стало социальное происхождение. Достоверную информацию можно получить, анализируя анкеты. За редким исключением, комбатанты отмечают бедняцкое детство, безрадостную юность, сопутствующую нищету и тяжелый физический труд с ранних лет. Так, будущий керменист Б. Кибиров в 9 лет стал учеником седельщика, и до 14 лет занимался этой работой²; И. Гогниев вместе с родителями проживал как «временнопроживающий» в усадьбе Карагач, «школу не окончил, пошел в наёмные работники»³. Многие будущие красные партизаны отмечали что «выросли в батраках»⁴.

Большое влияние на формирование мировоззренческих позиций оказывали «крестьянские» вожди, воспринявшие идеи большевиков и распространявшие их среди соплеменников. Как считает А.Х. Боров, в переломные периоды народная среда рождает своих несомненных руководителей – харизматичные фигуры, которые определяют общественные настроения своего социума⁵. Прежде всего вожаками оказывались представители фамилии, сельского традиционного общества, которые пользовались большим авторитетом. Например, М. Колиев вспоминал, что «по примеру своих трех старших братьев вступил в организацию «Кермен» и красногвардейский отряд»⁶. Так, К. Бутаев в июне 1917 г. выполнял задание Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, был отправлен с делегацией в «Дикую дивизию».

---

¹ ГАНИ РСО-А. Ф. 1849. Оп. 2. Д. 92. Л. 16.

² ЦГА РСО-А. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 1985. Л. 4.

³ ЦГА РСО-А. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 1081. Л. 11.

⁴ Там же. Л. 11 об, 1.

⁵ Боров А.Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе. Нальчик, 2007. С. 99.

⁶ ГАНИ РСО-А. Ф. 1849. Оп. 1. Д. 23. Л. 3.

зию», где проводил соответствующую агитационную работу¹. Вернувшись на родину, он активно включился в революционную борьбу, часто выезжал в села и вел агитацию в поддержку большевиков. Так как Казбек Бутаев был хорошо известен среди земляков, его призывы не остались без внимания.

Такой же популярностью пользовался, к примеру, Георгий (Гино) Баранков, который, по мнению современников, был несомненно искусным харизматичным оратором, терпеливо разъясняющий ответы на все злободневные вопросы населения. Импонировало слушателям то, что Гино был из «своих» – из бедной крестьянской семьи, выбился в люди, сделал успешную военную карьеру, дослужившись до поручика. Но, близко зная чаяния своих земляков, он порвал с армией, вступил в ряды большевиков, чтобы улучшить жизнь крестьян². Именно представление о той жизни, которой жили крестьяне, способствовало пропагандистам-фронтовикам более успешно доносить свои идеи до народа, отвечать на многие животрепещущие вопросы на собраниях, давать дельные советы и т.д. тем самым вызывая симпатии к их делу³.

Личное мужество, мудрость, умение донести сложные политические лозунги делали таких людей любимцами масс. Например, Рутен Гаглоев – студент-респондент, а затем руководитель работ по проведению колесной дороги через Кехви, педагог, бесплатно обучающий детей бедняков, снискал народную любовь своей деятельностью. Антон Дриаев – блестящий оратор, получил знания и опыт на военной службе, призывал к созданию отрядов, чтобы оказывать сопротивление карательным грузинским войскам.

Весьма показателен факт создания в одном из осетинских селений революционной партии «Кермен» одним из таких народных лидеров. Благодаря этому идею местной молодежи, весьма почитаемой в Дигорском ущелье, поддержали не только в с. Христиановское, но также в других населенных пунктах, как Осетии, так и соседней Кабарды⁴.

---

¹ Бутаев К.С. Указ. соч. С. 4.

² НА СОИГСИ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 132. Л. 2–5.

³ ГАНИ РСО-А. Ф. 1849. Оп. 2. Д. 7. Л. 23.

⁴ Коммунист. 1921. 7 ноября.

Для вступления в партию от претендента требовалось наличие оружия и готовность в любой момент вступить в бой. Для поддержания боевого духа и развития навыков ведения боя несколько раз в месяц ЦК партии объявлял сборы при полном вооружении, «тут же проводились военное обучение и партийно-политическая работа»¹.

Вслед за Северо-Осетинской революционной партией в Южной Осетии в 1918 г. была создана крестьянская организация «Фадис»². И тут в очередной раз пригодился опыт Первой русской революции. Большую роль в организации вооруженного сопротивления сыграли вернувшиеся с фронтов Первой мировой войны комбатанты. Многие из них получили воинские чины (ефрейтора, унтер-офицера, прапорщика, капитана), но как считают исследователи, война неизбежно внесла коррективы в традиционные мировоззренческие установки, что завело психологический механизм разрушения старых устоев³. Некоторые из тех, кто прошел мировую войну, использовали полученный военный опыт по организации отрядов крестьянского Сопротивления. Например, М. Санаков, дослужившийся до чина капитана в царской армии, был полным Георгиевским кавалером⁴, демобилизовался и в годы революционных событий в Южной Осетии возглавил многочисленный партизанский отряд; Карсанов А. (Писир) – унтер-офицер, участник сражений у ст. Бургустанской в 1918 г.⁵; Кочиев Тате – унтер-офицер, проявил свои военные знания в ходе освобождения территории Северной Осетии от деникинских отрядов, позже командовал 2-й Осетинской бригадой, ставшей главной удар-

---

¹ Бугаев К.С. Указ. соч. С. 40.

² ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

³ Булдаков В.П. К изучению психологии и психопатологии... С. 49.

⁴ Забытые герои 1920 года. Мате Санаков – один из организаторов сопротивления. URL: <https://souf-ossetia.info/zabytye-geroi-1920-goda-mate-sanakoev-odin-iz-organizatorov-soprotivleniya-protiv-gruzinskix-vojsk-predlagavshij-segrat-na-operezhenie-i-vzyat-gori/> (дата обращения: 15.05.2022).

⁵ Гаглоева Б.Б. Деятельность партизанских комиссий Южной Осетии в 1920–1930-е гг. // Разработка и решение актуальных и научных проблем: вопросы теории и практики. Сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. Смоленск, 2017. Ч. 1. С. 284.

ной силой восставшего юго-осетинского крестьянства в 1919–1920 гг.¹; У. Зортов – боевой офицер, после демобилизации возглавил штаб северо-осетинских краснопартизанских отрядов в период Гражданской войны². Д. Тогоев в глазах своих однополчан был бесстрашным руководителем, который всегда одерживал победу, выходил из любой тяжелой ситуации героем³. Такая жертвенность и героизм привлекали рядовых партизан и вызывали уважение, готовность идти за командиром.

Все названные лидеры в мирное время имели стремительный карьерный рост. Находясь в военной обстановке более 5 лет, они в глазах своих земляков стали настоящими героями. Так, известный командир партизанского отряда К. Халлаев вспоминал: «Немало было случаев, когда кровники, сидя рядом в окопе, забывали вражду, превращались в бойцов единой семьи...»⁴.

Социальные метаморфозы произошли с еще одной возрастной когортой осетинского общества. Контент-анализ краснопартизанских анкет позволил, как было указано выше, выявить достаточное количество молодежи и подростков в рядах сопротивления. В отечественной историографии их изображают как революционных романтиков, которые, не задумываясь, кладут свои жизни на алтарь свободы народа, чтобы с оружием в руках избавить трудовое население от помещиков и капиталистов. В значительной мере это клише хорошо отражали партийные идеологические штампы, направленные на мощную идеологизацию создания граждан страны, вышедшей из потрясений, и формирующие в общественном мнении представление о неоспоримой победе В.И. Ленина и его партии.

Для молодых участников Гражданской войны определяющими критериями являются демографический (возраст) и социальный, отражающие интересы, цели, статус.

---

¹ Гаглоева Б.Б. Деятельность партизанских комиссий... С. 284.

² Ларина В.И. Их имена названы улицы. 2-е изд., доп. Орджоникидзе, 1979. С. 49.

³ Там же. С. 43.

⁴ НА СОИГСИ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 100. Л. 2.

Они включились в борьбу, оказавшись под влиянием старших товарищей, которые являлись для них примером бесстрашия и смелости. В повстанческих отрядах встречались юноши 1903–1904 гг. рождения, которые не имели жизненного опыта, но горели желанием переустроить мир¹. Об этом говорят факты. Например, современник вспоминал, как будучи направлен в некоторые села, чтобы агитировать молодёжь вступить в Красную гвардию, смог мобилизовать за один приезд в одном из сел свыше 100 юношей, к которым присоединились, и сельчане постарше².

Но когда в 1930-е гг. партизанские Комиссии рассматривали документы лиц, чье участие в Гражданской войне ввиду молодого возраста вызвало сомнение, им нередко априори отказывали в признании. Показательны в этом отношении дела В. Гассиева (1902 г. р.), М. Гаглоева (1904 г. р.), С. Кулаева (1905 г.р.) которым было отказано в статусе красного партизана «за неимением боевого партизанского стажа»³. В то же время из списков партизан был исключен Газзаев А. (1885 г. р.), с определением Комиссии – «отказать ввиду преклонного возраста»⁴.

Всех участников революционных событий, несмотря на возрастные, социальные, политические характеристики, объединяла борьба за установление социальной и национальной справедливости. Как верно заметил В.П. Булдаков, в период Гражданской войны у противоборствующих сторон были свои особенности мировосприятия: для белых – русский национализм («единая и неделимая Россия»), для красных – интернационализм («весь мир насилья мы разрушим»). В Осетии первые ассоциировались с правительствами Шкуро и грузинских меньшевиков, которые проводили оккупационную политику, насаждая ужас, изымая зерно, скот, осуществляя насильственные мобилиза-

---

¹ Хубулова С.А. Анкеты как часть источников базы исследования социально-правового статуса бывших красных партизан Осетии (1920–1930-е гг.). // Известия СОИГСИ. 2016. № 21 (60). С. 63.

² Гражданская война в Северной Осетии по воспоминаниям участников... С. 182.

³ ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 490. Л. 2.

⁴ Там же. Д. 489. Л. 5.

ции в денинкинскую армию. Большевики же в своей пропаганде обещали те блага, о которых мечтало не одно поколение сельских тружеников.

Происходило столкновение этих идей, что не могло не сказываться на политических взглядах и поведении основной массы современников событий. Так как массовое сознание не есть что-то статичное, то в новых политических условиях, в период ломки всех устоявшихся институтов, часто происходила смена политических пристрастий и предпочтений, что в состоянии покоя общества едва ли было возможно.

Но вхождение в краснопартизанские отряды вовсе не означало членство в партии большевиков: лишь примерно 7% партизан имели небольшой партийный стаж в РКП(б), из них местной партийной организацией было принято не более 1%, остальные – либо на фронте, либо в тех городах, где они работали на предприятиях. Другие участники революционных событий только после 1920-х гг. решили связать себя с партией большевиков.

Ещё одним важным критерием революционизации служил образовательный уровень. Основная масса была неграмотной, часть имела за плечами церковноприходскую школу, а малочисленная группа лидеров имела образование в объёме средней школы или даже высшее в ведущих вузах Российской империи, о чем сказано выше.

Партизанское движение в конечном итоге сыграло огромную роль в ослаблении и ликвидации на территории Юга меньшевистских отрядов. Они смогли держать в напряжении командный состав и штаб противника. В многочисленных сражениях последние понесли большие потери, около сотни гвардейцев были взяты в плен.

Завершение военных действий и установление советской власти неизбежно затрагивало вопрос о дальнейшем существовании партизанских отрядов, которые обладали большим количеством неконтролируемого оружия. Некоторые наиболее активные участники получили посты, в партийно-государственной структуре, остальная масса осталась за бортом новой жизни, ради которой они рисковали своими.

Таким образом, политическая победа большевиков, как на юге, так и на севере Осетии, рассматривалась осетинским народом в качестве основания для сохранения и достижения намеченных целей, для того, чтобы отстоять свое право на самоопределение. Казалось бы, победа Советской власти в Грузии должна была это обеспечить. Однако политика жесткого давления меньшевистского правительства сменилась на «мягкий террор», проводимый грузинскими большевиками.

Следует отметить, что революционные процессы в Осетии имели сходные с общероссийскими событиями черты. Вместе с тем, специфика региона предлагала и особенные формы, которые заключались в обостренных межнациональных отношениях, земельном вопросе и др.

Социально-демографические характеристики участников партизанских отрядов Осетии дают основания заключить, что основная их часть состояла из людей, имевших жизненный опыт, участвовавших в политической борьбе в 1905–1907 гг., 1918–1920 гг. Лидерами революционных масс становились, прежде всего, представители национальной интеллигенции, прошедшие школу политического становления в среде российских социал-демократов. Отличительной особенностью Осетии было и то, что в основном это сельскохозяйственный регион, рабочие кадры исчислялись десятками. Поэтому говорить о союзе рабочих и крестьян в ходе Гражданской войны неверно. Следующим проявлением специфики региона является решение национального вопроса, который стоял довольно остро и в Северной (чересполосица, вызвавшая напряжение между казачеством и местным крестьянством, а также внутри последнего), и в Южной (борьба с грузинскими националистами за «черный предел») Осетии. В начале 1920-х гг. страна оказалась на грани экономического коллапса. Особенно тяжело приходилось национальным окраинам, которые сильно отставали в своем развитии в мирные годы, а в ходе Гражданской войны их экономика окончательно вышла из строя.

1.3. Социальная адаптация красных партизан Северной и Южной Осетии в условиях преобразований 1920–1930-х гг.

Восстановление сельского хозяйства в обеих частях Осетии проходило в трудных условиях нехватки финансирования, отсутствия сельскохозяйственного инвентаря, семенного фонда. К этому прибавился голод 1921–1922 гг. Правобережная часть Северной Осетии оказалась в бедственном положении, население испытывало большие трудности с продовольствием, что нередко приводило к голодной смерти¹.

Ущерб от оккупации деникинских войск составил свыше 19 млн. золотых рублей (см. Приложение 3). Войны и революции практически до основания разрушили хозяйство региона. Осетия оказалась отрезанной от торговых путей, поступление товаров в Тверскую область было затруднено. Военные действия противоборствующих сил шли вдоль транспортных магистралей, что делало продуктообмен городов и сельских районов непостоянным. Как результат, в области резко упали темпы промышленного производства, многие предприятия закрылись ввиду отсутствия сырья и рынков сбыта. Население переживало товарный голод.

Сельскому хозяйству Северной Осетии также был нанесен тяжелый удар, от которого предстояло долго восстанавливаться. Практически 60% пашни не обрабатывалось ввиду острой нехватки рабочих рук, отсутствия сельскохозяйственной техники, пришедшей в негодность из-за отсутствия поставок запчастей. Семенной фонд также был потрачен на нужды армии.

Катастрофическая ситуация сложилась и в Южной Осетии. В направленном на имя советского правительства Меморандуме представители Южной Осетии описывали страшную картину зверств меньшевистских войск, грабивших, убивавших мирных крестьян; только за один рейд ими было уничтожено около 400 домохозяйств². Было установлено, что в 1920 г. от рук

¹ ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 67. Л. 1.

² ПО ЦГА РЮО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об.

меньшевистской армии погибло свыше 4800 чел. К этому следует добавить эмиграцию более 50 тыс. чел. за пределы области и территорию Северной Осетии. Положение беженцев-осетин из Закавказья оставалось трагическим: острая нехватка жилья, отсутствие санитарно-гигиенической помощи привели к полному истощению беженцев, распространению инфекционных заболеваний привели к огромному количеству умерших.

Власти обеих частей Осетии искали возможность для обустройства или возвращения беженцев на прежние места, с обеспечением элементарного инвентаря и небольшого надела земли¹. В результате большой работы беженцам передали участок на бывших станичных землях. Именно там в 1921 г. 568 крестьянских дворов образовали новое с. Ногир². На состоянии здоровья населения сказались трудности перехода через горы, затем размещение в открытом поле в условиях суровой зимы, нехватка продуктов питания. Только за 3 года от малярии и холеры умерло примерно 10% жителей села. К тому же добавились трудности хозяйственного характера: половина новоселов не имела никакого сельскохозяйственного инвентаря, треть – рабочего скота, один плуг приходился на 20 хозяйств; во всем селе не нашлось ни одного хозяйства, ведущего производство собственными средствами³.

Не менее остро стоял вопрос о размещении беженцев в ст. Змейской. Местное казачье население проявляло сопротивление размещению мигрантов на станичных землях, опасаясь отторжения у них пашенной и выгонной земли. Дело дошло до открытого противостояния мероприятиям властей по заселению крестьян из Южной Осетии в этом населенном пункте, это стало принимать политический характер⁴.

---

¹ ПО ЦГА РЮО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 16–17.

² Баев А. Устройство горцев-переселенцев Северной Осетии // Известия Осетин. НИИ. 1926. Вып. II. С. 278.

³ ЦГА РСО-А. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 84. Л. 258.

⁴ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: в 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 1999–2006. Т. 1. С. 132.

Так как пригодной для обработки земли в пределах Северной Осетии было мало, местная власть рассчитывала на понимание соседей и их добрую волю в предоставлении земли. Но этого не случилось, и вскоре на государственном уровне был поставлен вопрос о прекращении бессистемного переселения сельских жителей Южной Осетии в пределы СОАО¹. В первой половине 1920-х гг. наблюдался процесс обратного возвращения многих беженцев к родным пепелищам. Численность населения составила 105 тыс. чел., размещавшихся в 4 районах (Джавском, Сталинирском, Ленингорском и Знаурском) и в областном центре – г. Сталинир (Цхинвали).

Возвращение к мирной жизни проходило в условиях крайнего разорения Южной Осетии после карательных экспедиций, предпринятых грузинскими националистами. Беженцы, возвратившись с Северного Кавказа, не имели ни живого, ни мертвого инвентаря. Практически все дома были сожжены, и люди оставались в самых тяжелых условиях под открытым небом. Правительство, лишенное финансовых притоков, не имело возможности оказать более или менее значительную поддержку².

Нэп стал единственно возможным средством выхода их экономического коллапса. Горскому населению выдана семенная ссуда в 33 тыс. пуд., что позволило засеять 147 тыс. дес., т.е. 103% намеченного по плану.

Крайне тяжелая ситуация с продовольственным снабжением в начале 1920-х гг. катастрофически повлияла на все стороны повседневной жизни и настроения крестьян. В частности, в 1921–1923 гг., период интенсивных сельскохозяйственных работ в деревне приостановилась деятельность делегатов женотделов, снизились и почти в не созывались общегражданские собрания и проч. На редких собраниях посещаемость была низкой и на повестку в основном выносились вопросы практического характера, связанные с проведением сельскохозяйственных работ. Исходя из сказанного, можно сде-

---

¹ Фидарова И.Б. Крестьянство Северной Осетии в условиях социально-экономических преобразований: конец 1920-х – начало 1930-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2009. С. 17.

² ПО РЮО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 35. Л. 4 об.

лать вывод, что крестьяне в начале изучаемого периода не особо оказывали поддержку мероприятиям государственной власти по ликвидации безграмотности и повышению культурного уровня жителей села. В то же время проведенный анализ позволяет определить некоторые наметившиеся изменения в повседневной жизни деревни. Следует отметить, что экономическая ситуация в крае начиная с 1926–1927 г., постепенно стала налаживаться. Связано это было с трансформацией/изменением форм и методов проводимой государственной политики.

В 1920–1921 гг. большую часть времени крестьян занимал сельскохозяйственный труд. Так, согласно материалам выборочных обследований Юго-Осетинского областного статистического бюро, в 1923–1925 гг. большую часть своего рабочего времени, 48,0% от всего трудового дня в 1923/24 хозяйственном году и 44,7% в 1924/25 хозяйственном году¹ крестьяне тратили на сельскохозяйственную работу. В то же время на общественную работу сельчане тратить свое время не желали. Однако социально-экономическая обстановка 1924–1925 гг. и политика Советской власти внесли определенные изменения (как позитивные, так и негативные) в традиционные представления сельских жителей о сельскохозяйственном труде и общественно-политической работе².

В годы нэпа несколько выросла местная промышленная база. Всего предприятий в Северной Осетии к середине 1920-х гг. было 40, количество работающих на них – немного более 800 чел. Остальное городское рабоче-активное население оказалось в числе безработных. Безработица стала бичом нэповского периода. На 1 октября 1924 г. во Владикавказе безработных числилось 2127 чел., а на 1 марта 1925 г. – 2849 чел.³

---

¹ Хозяйственный год в 1920-х гг. исчислялся с 1 октября по 30 сентября. Статистический учет по календарным годам был введен с 1929 г.

² Ибрагимова Д.Х. Рыночные свободы и сельский менталитет: чего жаждал крестьянин при НЭПе // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). М., 1996. С. 260–275.

³ ГАРО. Ф. Р-2993. Оп. 1. Д. 242. Л. 51.

Коллапс городской экономики усиливался массовым переселением крестьян в город, в надежде прижиться и поучить работу. Рассчитывать они могли только на тяжелую физическую работу, так как не имели рабочих специальностей. По сведениям Владикавказской биржи труда, официально зарегистрированных в городе к концу 1920-х гг. было 1491 чел.¹ Денежные пособия составляли 11-18 руб. При этом цена 1 фунта пшеничного хлеба составляла 5 коп; 1 пуд картофеля – 1 руб. 20 коп., 1 фунт сахара – 55 коп., квартирная плата составляла за 1 кв. м 5 коп².

Положение усугублялось социально-экономической нестабильностью в 1920-е гг., отсутствием должной материальной поддержки малоимущих. Это приводило к обострению многих социальных проблем (беспризорность, нищенство, безработица), неизбежно ведущих к нарастанию напряжения и недоверия к власти.

Негативные процессы в социально-экономической жизни были преодолены лишь к исходу 1920-х гг. В конце 1920-х и 1930-е гг. экономика области не только вышла на довоенный уровень по многим показателям, но и получила дальнейший импульс. Так, Цнелисский мраморный завод, открытие которого состоялось в 1929 г., производил более 2500 т мраморной крошки в год, а тальковая фабрика накануне Великой Отечественной войны выпускала 12 тыс. т талька хорошего качества. Большим подспорьем в строительной отрасли стало появление собственного кирпича, который производил Сталининский кирпичный завод. В число новых предприятий в области стали вошли Чурисхевский лесозавод, Мехлебский известковый завод, Сталининский лесокомбинат, одноименный черепичный завод³ и др.

Поступательное развитие промышленного производства диктовало расширение кадровой базы. Накануне войны в области насчитывалось свыше 3500 рабочих и инженерно-технических кадров. Осуществление индустриа-

---

¹ Хубулова С.А. Крестьянство... С. 88.

² ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 503. Л. 2.

³ Осетины... С. 98.

лизации дало Осетии новые промышленные предприятия и целые отрасли, которые ранее были просто невозможны. Создание промышленной базы требовало привлечения большого количества рабочих, инженерно-технических работников. Это дало толчок для активных урбанизационных процессов, привело к изменению демографической картины.

Проведение коллективизации осуществлялось в непростых экономических и социальных условиях, связанных с традиционным дефицитом свободной земли. Это было существенным отличием местных процессов от общесоюзных.

Согласно анализу данных, полученных из судебно-следственных дел, можно сделать вывод о том, что в 1926 г. крестьяне не получили обещанные наделы даже после заявленного передела и конфискации земли у бывших помещиков. Кроме того, после распределения, под разными предлогами, земля стала изыматься наследниками помещиков, вследствие чего многие не стремились применять технику в сельскохозяйственном производстве, так как не были уверены в проводимой аграрной реформе и возможности закрепления на выделенных участках.

Отмечается и искусственное сокращение посевных площадей, в связи с бедственным положением почти 70% крестьянства. Стремление к сокращению посевов, отмеченное в конце 1920-х гг., характерно не только для зажиточных слоев населения, но и для середняков и бедняков.

Важно отметить, что изменения в повседневной жизни крестьян были обусловлены появлением в деревне сельских Советов, можно сказать правопреемников досоветских сельских сходов. Данный орган власти на местах, в указанный период, фактически состоял из двух человек: председателя сельсовета, получавшего за свою работу 12 руб. в месяц (сумма совершенно недостаточная, чтобы прожить) и секретаря, иногда оплачиваемого, а иногда и нет. Однако процесс принятия новых органов управления в деревнях шёл сложно.

Нами сделан вывод, что на изменения в мировоззрении крестьян наложили большой отпечаток еще и особенности традиционного религиозного сознания жителей деревни. С одной стороны, крестьянские представления о том, что священник – это государственный чиновник, привели к падению их авторитета среди местного населения; с другой стороны, низкий авторитет церковных сановников нельзя связывать с исчезновением религиозных воззрений крестьян в целом, так как примеры великомученического православного поведения вызвали сочувствие крестьян, побуждая их к соблюдению православных традиций. Изменения в религиозном мировоззрении сельского населения не носили кардинального характера в 1920-х гг., так как значительная часть крестьян продолжала соблюдать православные традиции. Особенно проявления религиозности характерны для категорий сельского населения, проживавшего в районах преимущественно распространения православия¹.

Необходимость создания единого экономического и культурного пространства обеих частей Осетии в новых условиях получает современное звучание. На многочисленные письма от регионального руководства о необходимости исправить историческую ошибку и объединить, наконец, Осетию, Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И.В. Сталин саркастически заметил: «Как же вы собираетесь объединиться, если между вами дороги нет». Тогда местными властями, вместе с общественными организациями, в том числе красных партизан, была предпринята попытка лоббировать вопрос о скорейшем завершении постройки перевальной дороги. Руководителем этого проекта предлагалось назначить бывшего красного партизана, инженера Р. Гаглоева². Не получив финансирования, инициативная группа в 1935 г. объявила о начале народной стройки, в которой принимали участие, наряду с дорожны-

---

¹ Воробьева А.Л. Мировоззрение и образ жизни крестьян в 1920-х гг. (на материалах Урала): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2007. С. 14.

² ЦГА РЮО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1. Л. 34.

ми рабочими, добровольцы. В планах правительства значилась, и железнодорожная ветка от Гори до Сталинира¹.

Менее радостной были ситуация в сельском хозяйстве. Проводимые в Южной Осетии аграрные преобразования, в отличие от многих регионов СССР, носили затяжной характер, что было связано с особенностями национализации земли в Грузии, составной частью которой являлась Юго-Осетинская автономная область.

Вся территория Юго-Осетинской области составила 3807,7 км², в том числе сельскохозяйственных площадей: пашня – 40850 га; сады – 1922 га; виноградники – 335 га; огороды – 3370 га; сенокосы – 15032 га; пастбища и вагоны – 116794 га; кустарники – 20125 га; леса – 149338 га; прочие угодья – 36516 га². К концу 1930-х гг. произошло удвоение этих площадей за счет конфискованных земель.

Переход к новой экономической политике способствовал постепенному насыщению сельскохозяйственного производства необходимыми материалами. Надежды тружеников со временем оправдывались, крестьянское хозяйство стало оживать. Получив некоторые послабления, крестьяне стремились развивать свои хозяйства; происходило «осереднячивание» села. Но аграрная политика, ориентированная на поддержку бедноты, не поощряла предприимчивости некоторых крепких хозяев, ограничивая их. Для их развития создавались препоны, что в конечном итоге вело к раскулачиванию. Чтобы не быть зачисленными в разряд кулаков, изобретательный крестьянский ум придумал выход: доходность хозяйства не должна превышать 150–250 руб. в год³. По мнению большевиков, нэп приводил к «обрастанию» имуществом, а это пагубно влияло на классовую сознательность трудового народа. Чтобы не

---

¹ ПО ЦГА РЮО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 187. Л. 139.

² Догузов П.В. Революционное движение в Юго-Осетии в конце XIX – начале XX вв. Сталинир, 1960. С. 47.

³ Атаев Р.А. Власть и крестьянство Северной Осетии в 1921–1927-х гг.: формирование новых социальных реалий: дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2008. С. 12–198.

допустить этого, ужесточалась налоговая политика, которая, в конечном счете, привела к росту недовольства со стороны всех групп крестьянства¹.

Политическая позиция крестьянства далеко не всегда проявлялась в открытых формах, таких как борьба за влияние на местные органы управления, критика или активная поддержка мероприятий государства в отношении деревни, противостояние власти, доходящее до восстаний. Иногда неприятие выражалось в открытой форме, доходило до восстаний, но чаще это бывало повседневное, молчаливое повседневное согласие или несогласие с мероприятиями новой власти. Следует взять во внимание тот факт, что для традиционного мировоззрения характерно было разделение центральной и местной власти—советская власть не отождествлялась с властью коммунистов. Обычными были рассуждения о том, что «власть-то в центре хороша, а вот здесь, на местах, работники-то плохие». В отношении крестьян к власти можно выделить два основных уровня: к советской власти как абстрактному понятию и к ее отдельным мероприятиям. Поэтому как следствие, положительное (или хотя бы пассивно-лояльное) восприятие власти советов в центре как таковой нередко сопровождалось активным неприятием повседневной деятельности на местах. Сложность отношения крестьянства к власти предоставляла руководству страны, с одной стороны, широкие возможности для маневра, с другой – часто приводила к совершенно неожиданным и нежелательным для руководящих работников последствиям².

Такая однобокая политика стала причиной обострения противоречий между сельской беднотой и зажиточной верхушкой деревни. К экономическому давлению и разорению крепких хозяйств прибавилась политическая дискриминация. Конституция РСФСР стала тем правовым основанием, которое использовалось в определении категорий жителей страны, лишенных политических прав. Среди бывших помещиков и священнослужителей оказа-

---

¹ ГАНИ РСО-А. Ф. 1849. Оп. 2. Д. 1215. Л. 23.

² Кудюкина М.М. Крестьянство и власть в 1920-е годы. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Kudyukina.pdf> (дата обращения: 15.05.2022).

лись лица, которые привлекали наемный труд для получения доходов, т.е. «крепкие» хозяева. При этом указывалось, что эти люди занимаются предпринимательством в ущерб трудящимся и не вписываются в социалистическое общество.

Советские преобразования второй половины 1920-х гг. на долгие десятилетия закрепили в экономике страны неравномерность развития отдельных отраслей народного хозяйства, отдавая предпочтение тяжелой промышленности в ущерб остальным. Главным источником финансирования грандиозных планов в регионе стало сельское хозяйство, лишившееся традиционных механизмов функционирования и рыночных рычагов, вследствие превращения единоличных крестьянских хозяйств в колхозное производство, как часть советской модели¹. Она предполагала наличие мобилизационной экономики, суть которой сводилась к ускоренному и приоритетному развитию одной отрасли в ущерб остальным.

В 1927 года колхозы Северо-Осетинской области объединяли 704 хозяйства (3,1%)², а летом 1929 г. – 27%, что было значительно выше общесоюзных показателей. Выделяемые из Центра кредиты предоставлялись, прежде всего, тем бывшим красным партизанам, которые изъявили желание создать артели, коммуны, колхозы. В феврале 1927 г. Северо-Осетинская АО получила кредит в небольшой сумме – 24 000 руб. Принимая во внимание незначительность ссуды, местные власти решили 60% распределить между партизанами Дигорского округа, как наиболее пострадавшего во время Гражданской войны, остальные 40% – между другими районами области. Оставшиеся 14 400 руб. предлагалось распределить между бедными хозяйствами нагорной части области³.

Несмотря на экономический коллапс, в который была ввергнута страна в результате войн и революций, закладывались основы социальной политики

---

¹ Шанин Т. Крестьянство как политический фактор // Великий незнакомец... С. 269–278.

² Фидарова И.Б. Указ. соч. С.106.

³ ЦГА РСО-А. Ф. Р-47. Оп. 1. Д.122.Л.1 об.

советской власти. Важным условием функционирования политической системы является понимание соотношения государственных задач и потребностей граждан в тот или иной исторический период. Поэтому в составе СНК одним из первых начал свою работу Наркомат государственного призрения с отделами, курировавшими определенную категорию нуждающихся – беспризорных детей, неимущих, инвалидов-красноармейцев и т.д.

Попечение о комбатантах-ветеранах и инвалидах не было изобретением советской эпохи. Задолго до этого в мировой практике утвердилась система поддержки бывших военнослужащих силами не только государства, но и частных организаций. Широко известна благотворительная помощь семьи Романовых – Ведомство учреждений императрицы Марии, Романовский комитет, Татьянинский комитет, которые оказывали адресную помощь инвалидам войны, семьям комбатантов, беженцам. По некоторым данным, в России к 1917 г. функционировало свыше 18 тыс. частных обществ и союзов, которые занимались, в том числе патронированием воинов с увечьями¹. Советская власть отвергла опыт частной благотворительности, взяв на себя организацию социального обеспечения остро нуждающихся категорий граждан.

Среди разных групп населения, требовавших особого внимания, были и красноармейцы, красные партизаны. Декретом «О пенсионном обеспечении солдат Рабоче-крестьянской Красной Армии и их семейств», принятом в августе 1918 г., красноармейцы, которые получили увечья в период военной службы, ранжировались в зависимости от способности к труду: первая категория – при незначительных повреждениях – 450 руб. Семьи погибших красноармейцев также получил разные пенсии в зависимости от количества трудоспособных членов – от половины до $\frac{3}{4}$ оклада отца². В апреле 1919 г. постановлением «О социальном обеспечении инвалидов-красноармейцев и их

---

¹ Великая и забытая в документах эпохи: аннотированный перечень документов. Владикавказ, 2014.

² Проценко Е.Д. Первые декреты Советской власти в социально-трудовой сфере (к вопросу становления законодательства о правовом регулировании пенсионного обеспечения военнослужащих в РСФСР) // Юридическая мысль. 2016. № 2 (94). С. 36–40.

семей» меры социальной поддержки данной категории населения были дополнены¹.

В октябре 1919 г. был создан Комитет помощи больным и раненым красноармейцам, позже переименованный во Всероссийский комитет помощи больным и раненым красноармейцам, а также инвалидам войны. Со временем круг опекаемых комитетом лиц расширяется: в перечень вошли демобилизованные красноармейцы и бывшие красные партизаны.

В общей сложности затраты государства на эти категории населения ежегодно составляли не менее 9 млрд. руб., т.к. количество пенсионеров за 1920–1922 гг. увеличилось в 10 раз. Для экономики молодого государства – это непомерные финансовые затраты, поэтому возникла необходимость в совершенствовании механизмов адресной поддержки. Требовалось разграничить сторонников и противников, попутчиков и конъюнктурщиков.

Процесс инфильтрации в ряды верных сторонников советской власти «социально-чуждых элементов», под маркой борцов за идеалы революции, требовал внимательного отношения. С этой целью на государственном уровне создавались разного рода комитеты, комиссии, основной целью которых была проверка на лояльность, преданность представителей ряда сообществ.

В 1919 г. при исполнительных комитетах всех уровней появились комитеты помощи демобилизованным красноармейцам и бывшим красным партизанам. В мае 1920 г. во Владикавказе был образован отдел социального обеспечения, который состоял из двух подразделов: помощи, пострадавшим от контрреволюции; пособий и пайка семьям красноармейцев. В помощь себе сам были созданы комиссии по проработке вопросов по улучшению быта красных партизан Северной Осетии. На первом же заседании в июле 1925 г. было принято постановление о скорейшем составлении списков красных

---

¹ Положение «О социальном обеспечении инвалидов–красноармейцев и их семейств» URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi.md-red-home> (дата обращения: 10.04.2022).

партизан, выяснении их имущественного положения, чтобы «подтвердить заявлению каждого из них по заверению двумя поручителями – ответ работниками»¹.

Положения о льготах для бывших красных партизан постоянно дополнялись и изменялись, но оставалась неизменной генеральная линия – сторонникам власти следует оказывать поддержку и помощь. Для вовлечения бывших красных партизан в ряды поборников колхозного движения, местные партизанские Комиссии по оказанию помощи красным партизанам разработали ряд специальных поощрительных мер. Так, на заседании областной организации был поставлен вопрос об облегчении доступа партизан во все виды кооперации, выделяя особые фонды для вступительных и паевых взносов; партизаны, поручившие увечья в период Гражданской войны и потерявшие трудоспособность, освобождались от уплаты сельскохозяйственного налога².

Главной заботой отдела были красноармейцы и красные партизаны, а также их семьи. Как отмечает О.М. Морозова, материальные выплаты для этих категорий населения в первые годы советской власти осуществлялись вне зависимости от возможностей данного региона³. Но уже в середине 1920-х гг. в расчет принимался факт наличия у красного партизана своего земельного надела: если семья значилась как беднейшая и среди домочадцев были несовершеннолетние дети, инвалиды, старики, то местные власти брали на себя дальнейшее их содержание: «Помощь бедноте оказывать преимущественно по линии коллективов бедноты и ККОВов⁴ для помощи бедноте, не исключая возможность единоличного оказания помощи бедноте»⁵. В Положениях определялись основные виды льгот для всех красных партизан:

---

¹ ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 1077. Л. 17.

² ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 891. Л. 6.

³ Хлынина Т.П. «Кто более матери истории ценен?»: красноармейцы и инвалиды в системе социального обеспечения (1920-е гг. – начало 1930-х гг.) // Проблемы российской истории. М.: Магнитогорск, 2010. Вып. 10. С. 117–125.

⁴ Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи созданы для оказания помощи маломощным крестьянским хозяйствам.

⁵ ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 1093. Л. 133.

устройство на работу; бесплатное обучение для детей в школах; право на предоставления жилья и др.¹

Часть этих прав и льгот, несомненно, реализовывалась: практиковалась выдача пайков, особенно к памятным датам; билеты в кино, театр; бесплатное питание детей в школах и др. Так, к 10-летию Северо-Осетинской АО в августе 1934 г. партизанский актив постановил распределить паек, состоявший из 300 кусков хозяйственного мыла, 1200 кг растительного масла, приобретенных за счет коммерческой деятельности торговых учреждений, курируемых представителями краснопартизанских союзов. Как указывалось, в решении партактива, следовало раздать продукты равными долями на 250 чел., оставшиеся продукты «дополнительно раздать особо нуждающимся семьям погибших красных партизан и красногвардейцев»². При этом ответственные работники не попадали в их число, т.к. имели «ответ паёк».

Иначе ситуация выглядела в Южной Осетии. По данным доклада И. Джиджоева от 10 февраля 1928 г. «О поднятии и развитии сельского хозяйства», были выявлены грубые нарушения в распределении дотаций, «когда из отпущенных на Грузию в 1926–1927 гг. 12 млн. руб. Юг мог рассчитывать на 350 000 тыс. руб. долгосрочного кредита, а в итоге получил лишь 30 000 тыс. руб.»³

Определенные льготы имели комбатанты в приобретении лесоматериала для построек, получении индивидуальных ссуд. В результате губительной войны многие борцы за советскую власть испытывали большие трудности с жильем. Гарантированные права на улучшение жилищной проблемы решились разными способами, в том числе с помощью выдачи земельных наделов, строительных материалов, денежных пособий. Так, участники повстанческого движения в Южной Осетии – В. Петриашвили, Н. Гассиев, В. Козакев, К. Джатиев, Д. Тедеев – получили некоторые суммы для по-

---

¹ Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1930. 4 февраля.

² ЦГА РСО-А. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 777. Л. 18.

³ ПО ЦГА РЮО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 364. Л. 46.

стройки домов и бесплатно – по 500 штук дранки¹. Местные власти шли навстречу желающим получить усадебные участки: «Поручив тов. Санакоеву Матвею, Газзаеву Петру, Остаеву Петру, Гассиеву Николаю и Харебову Герасиму просить ЦИК Юго-Осетии предложить горсовету о немедленном наделении приусадебными участками бывших красных партизан, список которых находится в горсовете»². Интересный факт удалось обнаружить в фондах ЦГА РЮО. Речь идет о строительстве домов на кооперативных началах, что было новым явлением в жизни Осетии. Ц. Абаев обратился в областной исполком с заявлением о желании участвовать в строительстве дома на кооперативных началах³. В ряде сел, партизаны смогли организовать образцовые колхозы, как пример индивидуальным домохозяевам⁴.

В рамках начавшейся коллективизации большевики возлагали большие надежды на красных партизан, как наиболее сознательную часть сельских жителей, призывая их вступить в кооперативы, создавать ККОВы. Говорящие названия кооперативов и коллективных хозяйств («Красный партизан», «Красный горец», «Ног Ир» (Новая Осетия – Авт.)) свидетельствуют о том, что власть рассчитывала на поддержку бывших комбатантов в коллективизации и делала их проводниками своей политики в сельской местности. В годы нэпа получили развитие кооперативы и торговые предприятия, организованные силами бывших партизан. Например, Северо-Осетинское партизанское Общество запросило в Управлении милиции разрешение на размещение аттракционов спортивно-коммерческих игр: «Альпийский тир», стрельба по вертящимся фигурам, «Счастливый номер», лото. Аналогичные мероприятия проводились и на юге Осетии. Проведение этих мероприятий возлагалось на группу красных партизан, а «средства от месячника будут идти на усиление

---

¹ ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.

² Там же. Л. 23.

³ ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 11. Л. 23.

⁴ ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 1319. Л. 96–98.

фонда помощи безработным красным партизанам и семьям их, которые в материальной поддержке нуждаются»¹.

Цены в этих кооперативах были ниже рыночных, существовала гибкая система льгот для покупателей из среды бывших красных партизан. Так, во Владикавказе была создана артель «Красный партизан». Она предоставляла услуги по сопровождению грузов на железной дороге². Кроме этого, Владикавказская партизанская комиссия выхлопотала для желающих заняться торговлей возможность открыть мясные лавки в некоторых населенных пунктах Осетии. Но, объективности ради, отметим, что, не имея никакого опыта торговли, в скором времени мясные лавки закрылись, контрольные органы обнаружили большие недостатки, которые закончились громкими уголовными делами³. Подобная деятельность способствовала не только материальной поддержке комбатантов, но и снижению градуса недовольства в их среде.

И все же местные власти были заинтересованы в привлечении бывших красных партизан к экономической жизни региона, предлагая им материальную и финансовую поддержку, льготные налоговые ставки.

Не только рядовые крестьяне, но и многие красные партизаны не всегда с пониманием относились к коллективному хозяйствованию. Та часть бывших партизан, которая получила долгожданный надел, не спешила лишиться его и переходить в коллектив. Но оказавшись под давлением партийного аппарата и опасаясь попасть в число лишенцев и спецпереселенцев, вынужденно принимала решение о вхождении в колхоз. Сталинская статья «Головокружение от успехов» давала некоторую надежду на свободу выбора формы хозяйствования. Но и здесь все обстояло не так просто: те, кто изъявил желание выйти из колхоза, лишились своего земельного надела.

Среди бывших красных партизан было много таких, кто потерял здоровье и нуждался в лечении. Областные власти определили регламент направ-

---

¹ ЦГА РСО-А. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 872. Д. 34.

² Там же. Д. 784. Л. 39.

³ ЦГА РСО-А. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 880. Л. 115.

ления на лечение. Северо-Осетинский облздравотдел проводил освидетельствование кандидатов, каждому давалось направление в лечебное заведение. На территории Северной Осетии насчитывалось несколько курортов (Цей, Тамиск и др.), в Южной Осетии – Джавский курорт. Так, в Юго-Осетии в 1926 г. путевки на Джавский курорт получили следующие лица: Джагаев Владимир, Джюев Архип, Джанаев Георгий, Джюев Семен, Санаков Михаил, Алборов Реваз, Гогошидзе Филипп, Джатиев Коста, Ванев Захарий¹. Здесь мы привели список курортников с определенной целью. Как и по стране в целом, в Осетии примерно половина курортных мест резервировалась для государственно-партийных функционеров, которые могли пребывать в отпуске от 30 до 60 дней². Преференции для руководящих кадров прослеживаются также по анкетам, в разделе «Какими льготами пользуетесь». Такая ситуация со льготами была характерной чертой нарождающейся партийно-советской номенклатуры. В своем большинстве низшие слои бывших партизан таких льгот не имели.

Власть заботилась о формировании культурных запросов в среде партизан. С этой целью для них предусматривались льготы на билеты для посещения бани, пользования прачечными; скидки при оплате радио, бесплатный вход в Пролетарский парк, музеи, а также скидка 50% на получение вне очереди билетов в театр и кино на 2 чел. Иногда создавались курьезные ситуации, когда из-за незначительных нарушений со стороны дирекции кинотеатров (отказ предоставить лучшие места в кинозале) бывшие партизаны требовали сурового наказания обидчиков.

Так, один из таких «ущемленных в правах» партизан написал гневные письма во все инстанции и даже в газету «Пролетарий Осетии», требуя сурового наказания директора городского кинотеатра, который отказался предоставить семье два льготных билета. В ответ получил разъяснение: «Для бывших красногвардейцев и красных партизан в кинотеатрах выделены лучшие

---

¹ ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 16. Л. 20–22.

² Там же. Л. 13.

места, а именно ложа специальная и балкон с 50%-ной скидкой, на каждый сеанс они продаются строго по представлению комиссии по делам красных партизан. Технически проделать так, чтобы «сколько угодно», нет возможности»¹, и похожих случаев фиксировалось не мало.

Большое внимание властью уделялось семьям погибших красных партизан, которые также имели определенные преференции, например, освобождались от некоторых видов налогов².

В конце 1921 г. СНК РСФСР издает декрет «О социальном обеспечении инвалидов», в соответствии с которым, инвалиды 1-й и 2-й групп, оставшиеся без попечения родственников, могут быть устроены в инвалидные дома³. По данным партизанской Комиссии Северо-Осетинской АО, в местном приюте числилось 4 инвалида 1-й группы и 27 инвалидов 2-й группы⁴. Приют находился в помещении казарменного типа, которое не предназначалось для размещения инвалидов. Богадельня финансировалась недостаточно, как, впрочем, и все учреждения, которые находились в юриспруденции собеса. По этой причине постояльцы не получали своевременной медицинской помощи.

В приют принимались лишь тяжелобольные люди, остальным государство дало возможность получения новой специальности, чтобы не оставаться на иждивении государства. Группы инвалидов направлялись для обучения в трудовые коммуны других городов. Так. В 1933 г. 5 инвалидов войны получили направления на учебу в Ростовскую трудовую коммуну инвалидов. Обучение их проходило в непростых бытовых и материальных условиях: им предоставили общежитие, питание, но выплачивать стипендии ни местный, ни ростовский собес не могли. Они считали, что «коммуна не обязана за свой счет выдавать стипендии, т.к. все затраты на обучение идут в ущерб своего

---

¹ ЦГА РСО-А. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 836. Л. 88.

² Там же. Д. 775. Л. 9.

³ Ковалев А.С. Социальное обеспечение нетрудоспособных граждан в условиях инвалидного дома в Сибири в 1920-1930-х гг. // Пространство и время. 2013. № 4 (14).С. 127–135.

⁴ ЦГА РСО-А. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 770. Л. 18.

хозяйства». Далее следовала просьба к собесу Северной Осетии своими силами решать проблему финансирования курсантов¹.

Проблема материального обеспечения стояла остро не только после окончания Гражданской войны, но и все последующее время. В анкетах и других документах эго-документах чувствуется неудовлетворенность бывших партизан своим жалким существованием. Отчасти финансовые проблемы могли быть решены за счет получения пенсий, которые часто оставались единственным средством существования. Обычная пенсия варьировалась от 6 до 20 руб. Ценнее была возможность стать персональным пенсионером республиканского или союзного значения. Но обласканными властью могли быть лишь те, кто имели неоспоримые заслуги и мог это доказать.

Из числа северо-осетинских красных партизан пенсии республиканского значения получали примерно 10% заявителей. Обычным делом стал отказ. Так, в ответ на письмо красного партизана из с. Ногир Ф. Джикаева ему пришел ответ: «Сообщаем, что, согласно Постановлению ЦИК и СНК СССР от 31.01.1937 г., правом на получение персональной пенсии пользуются лишь инвалиды Гражданской войны и военной службы в рядах РККА, бывшие красногвардейцы и бывшие красные партизаны в том случае, если врачебно-трудовой экспертной комиссией они были признаны инвалидами 1-й или 2-й группы и, кроме того, прошли перерегистрацию в 1935 году»². Инвалиды 3-й группы не имели оснований для персональных пенсий.

Особыми правами пользовались дети красных партизан, которые получали целевые места в средние специальные и высшие учебные заведения страны. Сами же бывшие партизаны в значительной своей массе так и не смогли повысить свой образовательный уровень, по причине тяжелого материального положения³. Кроме этого, слабая школьная подготовка была причиной исключения из учебного заведения. В конце 1920-х гг. неимение своих

---

¹ ЦГА РСО-А. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 818. Л. 8.

² ЦДНИРО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

³ Гаглоева Б.Б. Формирование национальной элиты Южной Осетии в 1920-1930-х гг. // Глобальный научный потенциал. СПб., 2018. № 12 (93). С. 198.

квалифицированных кадров привело к острому их дефициту в управленческой структуре Осетии.

Контент-анализ анкет красных партизан показал следующие результаты: 15% получали бесплатную медицинскую помощь, 10% получили скидку 50% при устройстве детей в детские сады, 10% платили льготный налог; не пользовались никакими льготами 65%; обойденные вниманием властей, бывшие партизаны обычно в графе «Какими льготами пользуетесь» ставили прочерк или писали «никакими». В своих жалобах комбатанты с горечью отмечали: «Я партизан, т.е. ветеран Красной армии, я имею полное право требовать все, что для меня нужно, и что для меня необходимо. Но мне дают этого сделать»¹.

Таких, обойденных льготами партизан, было много и в Южной Осетии. Несмотря на большие объёмы дотаций для нужд партизан Грузии, юго-осетинские красные партизаны ущемлялись по национальному признаку. К примеру, из 2 млн. руб., перечисленных в 1933 г. в союзную республику, Южная Осетия получила всего 54 тыс. руб., которых, конечно, не хватало на удовлетворение нужд всех бывших партизан².

Партизанские комиссии имели возможность рекомендовать или отказать соискателю в получении льгот. Но что было неприкосновенно, так это преимущественно право на устройство на работу, паек. В голодные 1932–1933 гг. многие красные партизаны получали хлебные карточки на всю семью, что держало их «на плаву». Хотя список этих льгот был крайне небольшим, но даже эти урезанные возможности были важны в обстановке тяжелого социально-экономического коллапса. Кроме того, признание за человеком таких льгот выделяло его из общей массы обывателей, признавало его заслуги перед властью, являлось пропуском в лучшую жизнь.

---

¹ ЦДНИРО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 12. Л. 7.

² Гаглоева Б.Б. Материальное положение красных партизан в 1930-х гг.: специфика и региональные особенности льготной программы // Общество: философия, история, культура. Краснодар, 2018. № 9. С. 51.

Определенные льготы имелись в отпуске лесоматериала для построек, получении индивидуальных ссуд, в бесплатном обучении детей и т.д.

Оборотной стороной социальной заботы государства стала налоговая политика. Введенный в 1923 г. единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН) объединил все налоги, которые должно было выплачивать крестьянство, размер его зависел от уровня доходности хозяйства, в расчете на одного едока, и формировался по прогрессивной шкале. Применение ЕСХН должно было ограничить крепкого единоличника, помочь маломощным хозяйствам.

В феврале 1929 г. было введено новое положение о едином сельскохозяйственном налоге, распространённом на операции по сдаче в наем сельскохозяйственной техники, наем работников и др.¹ Те льготы, которые предоставлялись единоличникам, не были на практике реализованы и носили декларативный характер. Кроме того, даже выплатив налоги, сельскому производителю не была гарантирована защита от дополнительных налогов, таких как самообложение. Обещанные товары за выполнение планов по самообложению, как правило, крестьяне тоже не получали. Так, к председателю ОкрИКа СОАО явилась группа крестьян. Один из делегатов, сдавший хлеб по самообложению, потребовал выдать ему по квитанции обещанные мануфактуру и гвозди. Когда председатель отказал ему, последний «выругался и порвал квитанцию о сдаче хлеба»². Делегация заявила, что сдавать хлеб нет нужды – мануфактуры нет, пусть хлеб лежит.

Еще одним тяжелым бременем на сельских тружеников легли обязательные хлебосдачи. Северная Осетия по плану на 1929 г. должна была сдать 55 млн. пудов зерна. Однако в этом году разразилась засуха, хлеба не хватало даже на пропитание. Но центральные власти не отступили от заданных цифр плана и в УК были введены новые статьи, которые и применяли для выкола-

---

¹ СЗ СССР. М., 1929. Ст. 102.

² ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 950. Л. 2.

чивания зерна, например, злостных уклонистов могли по ст. 61 УК¹ либо по второй части ст. 62 УК² по суду³.

Таким образом, социальная политика государства в отношении общества красных партизан и красногвардейцев в целом носила позитивный характер. Красные партизаны имели определенные преимущества перед остальными категориями населения в первоочередном получении работы в городе, наделении земельными наделами, в случае организации колхоза – в беспроцентной семенной и денежной ссудах; в культурном обеспечении, путевками в санатории и дома отдыха, детскими пайками и др. Вместе с тем не все комбатанты получали от государства льготы, это видно из анкетных данных, где примерно треть партизан указывает на их отсутствие. Подобная политика среди прочего выделяла из общей массы тех, кто продолжает верой и правдой служить режиму, и тех, кто не проявлял рвение и поэтому не удостоился никаких преференций.

Сделаем выводы по главе. Формирование движения Сопротивления в Северной Осетии в годы Гражданской войны имело комплекс причин, которые коренились как в социально-экономических особенностях региона, так и ментальных установках, национальном характере и т.д.

Сложность земельных отношений, отстаивание аграрной модернизации в Осетии тормозились условий существования крестьянства: крайне низкий

---

¹ Отказ от выполнения повинностей, общегосударственных заданий или производства работ, имеющих общегосударственное значение, – штраф, налагаемый соответствующим органом власти в пределах до пятикратного размера стоимости наложенного задания, повинности или работы; во второй раз – лишение свободы или исправительно-трудовые работы на срок до одного года. URL: http://www.coast.ru/referats/librery1/editions/perm1/3_17/htm (дата обращения: 14.09.2022).

² Организованное по взаимному соглашению сокрытие или неверное показание количества подлежащих обложению или учету предметов – в отношении организаторов и руководителей – лишение свободы на срок до двух лет или исправительно-трудовые работы на срок до одного года, с конфискацией части имущества или без этого, а в отношении остальных участников – штраф не свыше пятикратного размера причитающихся платежей. URL: https://istmat.org/files/uploads/49552/ugolovnyy_kodeks_rsfsr_1950.pdf (дата обращения: 15.09.2022).

³ Аграрная модернизация и крестьянство Северного Кавказа 1917–1937 гг.: сб. документов и материалов. В 2 т. / сост. С.А. Хубулова, Э.В. Хубулова. Владикавказ, 2018. С. 152.

жизненный уровень, нехватка земли, чересполосица, сохранение помещичьего землевладения, аграрное перенаселение.

Запутанность поземельных отношений проявлялась и в том, что одни категории населения – русские крестьяне и горцы – имели в 10 раз меньше земли, чем казачество Терской области.

Большим тормозом для поступательного развития аграрного капитализма было помещичье землевладение, которое не вписывалось в новые капиталистические отношения, было малоэффективным.

В конечном итоге все эти препоны стали питательной почвой для социальной борьбы в самых острых формах.

Обработанный, изученный материал позволил определить факторы, формы и динамику крестьянского протеста в годы Гражданской войны как острого этапа социального и политического противостояния в Осетии.

Социально-демографические характеристики участников партизанских отрядов Осетии дают основания заключить, что основная их часть состояла из людей, имевших жизненный опыт, участвовавших в политической борьбе в 1905–1907 гг., 1918–1920 гг. Лидерами революционных масс становились, прежде всего, представители национальной интеллигенции, прошедшие школу политического становления в среде российских социал-демократов. Отличительной особенностью Осетии было и то, что в основном это сельскохозяйственный регион, рабочие кадры исчислялись десятками. Поэтому говорить о союзе рабочих и крестьян в ходе Гражданской войны неверно. Следующим проявлением специфики региона является решение национального вопроса, который стоял довольно остро и в Северной (чересполосица, вызывавшая напряжение между казачеством и местным крестьянством, а также внутри последнего), и в Южной (борьба с грузинскими националистами за «черный передел») Осетии.

Революционные настроения рождаются как результат негативных социально-экономических условий. Очевидна взаимосвязь между растущими бытовыми неурядицами и социальной напряженностью в массах.

Психологический портрет красного партизана складывался не только на основе экономических характеристик (бедные, малоимущие слои населения), но также в результате политических, традиционно-бытовых, психологических, демографических, культурных факторов, которые в итоге определяли вектор общественного поведения индивида и разных групп населения.

Психология комбатанта часто оказывала негативное влияние на процесс адаптации в реалиях мирного времени. «Человек с ружьем» оказался на периферии новой жизни, не будучи включенным в общественные процессы того уровня, на который мог рассчитывать. Надежды на перемены так и остались иллюзией, жизненные практики оказались суровыми и безрадостными. Это наглядно проявилось в условиях межвоенного периода с кардинальными реформами. В начале 1920-х гг. страна оказалась на грани экономического коллапса. Особенно тяжело приходилось национальным окраинам, которые сильно отставали в своем развитии в мирные годы, а в ходе гражданской войны их экономика окончательно расстроилась.

Новая экономическая политика стала тем механизмом, который привела в рабочее состояние народное хозяйство Осетии. Последующие преобразования в ходе раннесоветской модернизации дали неплохие результаты: наряду с восстановлением уже существующих предприятий, в Осетии появились целые новые отрасли.

В области сельского хозяйства также произошли кардинальные перемены, которые изменили не только уровень хозяйствования, но и социальную структуру села путем создания коллективного хозяйства и нового типа тружеников – колхозного крестьянства. Все эти новации нашли свой отклик в социальной группе бывших комбатантов.

2. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ В ОСЕТИНСКОМ СЕЛЕ 1920–1930-Х ГГ.

2.1. Основные проявления общественных настроений и активности бывших красных партизан Северной и Южной Осетии в 1920–1930-х гг.

В исторической науке ведутся оживленные споры о поведении индивида в период транзитивных изменений общества; изучаются социально-экономические, политические, психологические, психические и иные факторы, которые послужили мотивацией для принятия тех или иных решений, в определении вектора индивидуального и коллективного поведения¹.

Эти проблемы затрагиваются в трудах отечественных историков, которые подходят к объяснению общественного поведения человека с разных методологических позиций: одни остаются сторонниками традиционного толкования (разделение населения между оппозиционными лагерями строго по классовому признаку); другие же связывают формирование индивидуальных взглядов с целым рядом главных и сопутствующих факторов различной социальной этиологии².

Историческая антропология стала рефлексией исследователей на видение процессов общественной динамики. Благодаря методам исторической психологии, авторы рассматривают поведение человека, группы людей в транзитивные периоды, когда происходят судьбоносные перемены, являющиеся во многом результатом человеческой деятельности, но в то же время оказывают существенное влияние на социум, меняя социальное поведение, мировоззрение и прочее. Эта проблема представляет большую сложность,

---

¹ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; Кром М. Отечественная история в антропологической перспективе // Исторические исследования в России-II: Семь лет спустя. М., 2003.

² Марченя П.П. Изучение массового сознания революционной эпохи 1917 г. в отечественной исторической науке. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Marchizuch_mass.pdf (дата обращения: 17.10.2022).

т.к. определить причины, толкающие обывателя в тот или иной политический лагерь, часто скрыты под толщей второстепенных факторов. Специалисты в области социальной психологии указывают, что в переломные эпохи люди делают выбор, исходя, из желания изменить, тот мир, в котором вынуждены жить и страдать, а также надеясь на благоприятный исход борьбы¹. Но, как правило, ожидание далеко не всегда соответствуют реальным итогам.

Методическая революция, переживаемая в отечественной науке, во многом стала возможна благодаря наработкам зарубежных исследователей². У последних большой интерес вызвали крестьянские восстания 1917–1920-х гг., которые западные историографы считали существенной и обособленной частью Гражданской войны. Многие авторы склонны к утверждению о том, что в противостоянии белых и красных крестьяне делали выбор в пользу последних, т.к. большевикам удалось привлечь сельских жителей идеями равенства и «черного передела»³. Однако позже, когда в деревне осуществлялись насильственные военно-коммунистические мероприятия, крестьянство увидело в большевиках антинародную, враждебную силу. Таким образом, мировоззрение разных социальных групп, в том числе крестьян, казачества, их политические предпочтения напрямую зависели от политики властей в конкретный период⁴.

---

¹ Булдаков В.П. Революция и историческая память: российские параметры клиотравматизма // Россия и современный мир: проблемы, мнения, дискуссии, события. 2008. № 2 (59). С. 5–27.

² Лебон Г. Психология толпы. М., 1998; Frame M. The Russian Revolution, 1905–1921. A Bibliographic Guide to Works in English. Westport; London, 1995; Smele J.D. The Russian Revolution and Civil War: 1917–1921. London; N.Y., 2003; Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М., 2001; Brovkin V.N. Behind the Front Lines of the Civil War: Political and Social Movements in Russia, 1918–1922. Princeton, 1994; Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800–1921 / ed. by E. Kingstone-Mann, T. Mixter. Princeton, 1991; Viola L. Peasant Rebels under Stalin. Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. Oxford, 1996.

³ Френкин М.С. Трагедия крестьянских восстаний в России. 1918–1921 гг. Иерусалим, 1987.

⁴ Holquist P.A. Russian Vendee: the Practice of Revolutionary Politics in the Don Countryside, 1917–1921: PhD diss. N.Y., 1995.

В региональной историографии социальной психологии крестьянства военного и межвоенного периода также начали уделять внимание¹. Эти разработки позволяют дать ответы на вопросы, которые не могут быть объяснены только историческими методами.

Разрушительное переустройство традиционной политической системы не могло не отразиться на современниках и участниках этого процесса. Транзитивные революционные изменения вызвали полную переоценку мировоззренческих установок, поведения. Люди, которые прошли войну, рисковали жизнью, вышли из нее с совершенно новыми жизненными установками, которые они проецировали на послевоенное общество². Получив на войне определённый опыт, бывшие красные комбатанты пытались внедрить его в послевоенную жизнь, делая мерилom ценностей. При заполнении анкет некоторые респонденты указывали в качестве профессии или общественной пользы: «рядовой стрелок-охотник»; «пулеметчик»; «использовать по военной линии». Многие партизаны, привыкшие получать четкие команды, даже в выборе общественной работы ждали указаний свыше. Отвечая на вопрос: «Какой общественной работой вы могли бы заниматься?», они в анкете писа-

---

¹ Семёнов А.А., Русанов В.С. Пространственные представления населения России в годы Гражданской войны (1917–1920 гг.) // Евразийский союз ученых. 2014. № 8–4. С. 151–152; Семёнов А.А. Общественно-политический кризис и разрушение традиционного сознания населения Северного Кавказа в годы Гражданской войны // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубан. гос. аграр. ун-та. 2013. № 90. С. 3–20; Семёнов А.А. Власть и население Северного Кавказа в период гражданской войны и НЭПа, 1917–1925. Славянск-на-Кубани, 2008; Фидельский С.В. Трансформация правовой культуры населения Юга России в годы Гражданской войны (1917–1920 гг.) // Вестник Чуваш. ун-та. Чебоксары, 2011. № 2. С. 122–125; Щербинин С.А. Власть в населении Северного Кавказа в период революции и Гражданской войны (1917–1920 гг.) // Вестник Адыг. гос. ун-та. Сер. 1. Регионоведение. Майкоп, 2005. № 2. С. 111; Атаев Ф.А. Политические партии и общественные движения на Северном Кавказе в годы Гражданской войны // Символ науки. 2015. № 11–2. С. 53–55; Сорокин А.Н., Хубулова С.А. Население Тверской области в условиях революционных трансформаций // История и культура народов Юга России: материалы Всерос. науч.-практ. конф. студентов и молодых учёных, посвященной 100-летию образования Чеченской Республики. Грозный, 2022. С. 107–112; Хубулова С.А. Терское казачество в политических коллизиях 1917–1930-х гг. // Социальное противостояние и его проявление на Юге России в XX – начале XXI в. (к столетию начала Гражданской войны и образования Донской республики): материалы Всерос. науч. конф. Ростов н/Д, 2018. С. 11–17.

² Пантюхина Т.Л. Мифотворчество как состояние сознания // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2018. С. 147–151.

ли: «Какой прикажут». Это так же являлось проявлением посттравматического синдрома. Посттравматический синдром – неизбежный спутник всех комбатантов – проявлялся в оппозиции к мирной среде, когда комбатанты не хотели принимать правила игры¹.

Бытовая неустойчивость, душевные переживания бывших красных партизан иногда служили основной причиной выхода из состава РКП(б).

Видимым элементов фронтового братства стало ношение военной и полувоенной одежды не только в массе рядовых, но и в среде партийно-государственной элиты: галифе, полувойенный френч, кубанка на долгие годы прижились в моде межвоенного периода.

В послевоенной жизни многие комбатанты искренне стремились идентифицировать себя с декларируемыми советскими проектами, стать советскими людьми². Создававшийся элитарный слой новых людей мог быть доступен для избранных, в том числе для тех, кто был отмечен государственными наградами³. Каждый бывший партизан стремился попасть в число героев, имена которых были на слуху, хотел получить заслуженные боевые награды, так как рассчитывал, что его отвага и самоотдача должны быть оценены.

Ещё одним важным сигналом для властей было позиционирование послевоенных практик красных партизан с военной жизнью. Они постоянно подчеркивали, что все силы отдали на алтарь победы большевиков: «Я каж-

---

¹ Сенявская Е.С. «Человек и война» как область исторических и междисциплинарных исследований (теоретические и прикладные проблемы) // Человек и война. XX век: проблемы изучения и преподавания в курсах отечественной истории. Омск, 2002; Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002; Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005; Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. М., 2007; Человек и война. XX век: проблемы изучения и преподавания в курсах отечественной истории. Омск, 2002; Пушкарев Л.Н. Источники по изучению менталитета участников войны (на примере Великой Отечественной) // Военно-историческая антропология. 2002.

² Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России в XX веке. М., 2011.

³ Савин А. «Ордена и отличия нам нужны»: роль наград в формировании советской идентичности // Россия XXI. 2015. № 5. С. 28.

дую минуту ждал смерти, но я её ничуть не боялся и не пожалел мою жизнь перед Октябрьской революцией»¹. В силу этнического менталитета такое признание заслуг хорошо воспринималось в обществе, поднимало авторитет и уважение среди односельчан и в фамилии. Власть поддерживала такие истории, ставила их биографии в пример молодым поколениям².

В мирной жизни военные навыки не имели применения, разве что в системе Осоавиахима, куда вступали многие бывшие красные партизаны в качестве рядовых бойцов, инструкторов и командиров (см. Приложение 4). Основная масса бывших красных партизан занимались мирным трудом, о славном боевом прошлом напоминали лишь анкетные данные (см. Приложение 5). Предложенная анкета является среднестатистической характеристикой партизанской группы. Региональной особенностью анкетирования «красных партизан» Южной Осетии был пункт о членстве в Осоавиахиме³. Чтобы отвлечь комбатантов от поисков виновных в их не востребованности, были приняты меры по реализации программы военизации населения, организации оборонно-массовой работы; по проведению «Недель обороны», смотров «Ворошиловских стрелков» и др.⁴ В связи с обострением международной обстановки в конце 1920–1930-гг., именно через осоавиахимовские кружки проходили обучение военному делу тысячи юношей и девушек. Многие бывшие красные партизаны выступили с обращением к властям о своей готовности вступить в РККА добровольцами для защиты границ СССР⁵. В остальном же их военный опыт остался в прошлой жизни.

---

¹ ЦДНИРО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 6. Л. 15.

² Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Иное понимание советской власти: история социальной борьбы красных партизан в 1920–1930-х гг. (на материалах Юга России) // Российская история. 2009. № 4. С. 107.

³ ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 1319. Л. 96–98.

⁴ Поршнева О.С. Стратегия борьбы с военной угрозой как механизм мобилизации советского общества на рубеже 1920–1930-х гг. // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2017. Вып. 17. С. 245–254.

⁵ Деятельность комиссии по оказанию помощи бывших красных партизан Осетии. 1920–1930-е гг.: сб. док. и материалов / сост. Б.Б. Гаглоева. Владикавказ: 2018. С. 51.

Когда по поручению ЦК ВКП(б) по всей стране был объявлен сбор воспоминаний бывших участников Гражданской войны, партизанские ячейки ходатайствовали о наградах для ветеранов, а также увековечивания их славных дел. Так, в 1926 г. несколько населенных пунктов Осетии обратились в СНК Северо-Осетинской АО с предложениями, где наряду с экономическими вопросами (снижение налога, предоставление долгосрочных кредитов) значились пункты о поощрении комбатантов: «Просить окрисполком ходатайствовать о выдаче грамоты всем бойцам 1918 г.; выделить 15 человек активных бойцов и наградить орденом Красного Знамени; просить окрисполком, в память бойцов, погибших за освобождение от контрреволюции, поставить памятник на том месте, где была впервые объявлена Советская власть; обязать каждого бойца написать свое воспоминание о боях и организации Красной армии...»¹

Проводились мероприятия и по мемориализации событий Гражданской войны. В Южной Осетии был объявлен сбор средств для постройки памятника партизанам, погибшим в революционных боях². Каждый участник Гражданской войны должен был подробно вспомнить свою партизанскую жизнь, описать военные операции, в которых он отличился, и т.д. «Кроме того, Комитет просит ваше Бюро», – обращался в местную партизанскую Комиссию председатель Комитета красных партизан и красногвардейцев Грузии, – а также товарищей в отдельности, которые знают нахождение какого-либо материала, касающегося партизанства, в каких-либо учреждениях, организациях изъять и переслать в Комитет красных партизан и красногвардейцев. Комитет надеется, что ваше Бюро, а также все товарищи вашего района поймут то широкое политическое значение сборника воспоминаний и примут все меры к активному участию в его выпуске. Этот ценный сборник, Комитет предполагает напечатать в нескольких десятках тысяч экземпляров³. Но награды за

---

¹ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М., 2001. Т. 4. Ч. 1. С. 339.

² ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 1319. Л. 44.

³ ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 1319. Л. 10.

военные заслуги получили немногие, обычным было награждение именным оружием, грамотой от командования. Можно назвать лишь Д. Тогоева, награжденного орденом Красного Знамени, а также М. Санакоева – кавалера ордена Красной Звезды.

«Фронтвой максимализм» приводил к тому, что бывшие красные комбатанты не отказывались от военных привычек в мирной жизни, стремясь решать возникающие препятствия с помощью силы, агрессии¹. Оказавшись не у дел, лишившись идеалов, за которые они сражались, бывшие красные партизаны переживали душевный кризис, который выплескивался либо в виде непримиримости и враждебности по отношению к власти, обманувшей их надежды, либо в виде апатии и равнодушия². Процесс вживания в иные, не фронтовые реалии, проходил не просто и медленно.

По праву фронтового братства многие красные партизаны обращались к своим командирам, которым они привыкли доверять, с разъяснением текущей политики.

Выражением первой позиции стало наличие большого количества оружия, которое фронтовики приносили с собой с войны. Много оружия осталось на полях сражений, им вооружалось мирное население. «Человек с ружьём» стал на долгое время опасным для советской власти, особенно в регионе, где межнациональные и земельные конфликты приняли вооруженную форму. Земельные переделы, которые осуществляли новые власти после завершения Гражданской войны, нередко сопровождалось вооруженными столкновениями между соперничающими селами, внутри сельского социума. «Терский губисполком, обращая внимание на возможность развития национальной вражды и могущих возникнуть в результате грабежей, усиленно настаивает на немедленном применении вооруженной силы...», – сообщали

---

¹ Сенявский А.С. Трансформация российского общества в XIX – XX вв. и личностные модели поведения // Человек и личность в истории России: конец XIX – XX в.: материалы междунар. коллоквиума. СПб., 2013. С. 71.

² Сенявская Е.С. Человек на войне: опыт историко-психологической характеристики российского комбатанта // Отечественная история. 1995. № 3. С. 10.

местные власти в ЦК РКП(б) в октябре 1923 г.¹ Ситуация стала выходить из-под контроля.

С этой целью на протяжении нескольких лет оружие изымалось, конфисковалось: сдавшим добровольно выплачивалось по 500 руб. за винтовку, спрятавшим ее – штраф 1000 руб.² Прокатившиеся по регионам страны массовые выступления крестьян, среди которых были и красные партизаны, утвердили власть во мнении, что оружие нельзя оставлять в руках народа.

Деятельная часть бывших партизан открыто выражала претензии к властям, отстаивая свое понимание пролетарской диктатуры, равноправия и всеобщего благоденствия. Так, один из членов Кадгаронской партийной ячейки, рассматривая окладной лист по налогу, с угрозой обратился к уполномоченному: «Что это за государство, берет такой большой налог, на что мне нужно такое государство, ни черта я не дам налога»³. Самые бесстрашные из бывших партизан открыто агитировали земляков против многочисленных поборов, нарушения принципа добровольности вступления в колхозы⁴. Именно такие смутьяны попадали в число антисоветски настроенных крестьян, и подвергались репрессиям и выселению. В результате большинство красных партизан Осетии закончило свою жизнь в застенках, лагерях. Точное количество пострадавших от властей до настоящего времени неизвестно, но сохранились сведения о 400 репрессированных в 1937 г.⁵, где из 190 чел., приговорённых к высшей мере наказания, 110 – это бывшие красные партизаны/командиры отрядов, из 183 приговорённых к исправительно-трудовым лагерям – 98 бывшие комбатанты и т.д.

В психологии некоторой части бывших «красных партизан» произошёл определенный сдвиг в сторону преувеличения значимости. По мнению исследователей, именно в этой сфере появлялись коммунисты категоричные,

---

¹ ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. ... С. 88.

² ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-56. Оп. 2. Д. 112. Л. 119.

³ ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-160. Оп. 1. Д. 66. Л. 4.

⁴ ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 1094. Л. 7.

⁵ Дзидзоев В.Д., Дзугаев К.Г. 1937 год в Южной Осетии. <http://zilaxar.com/istoriya/1937-god-v-yuzhnoy-osetii/> (дата обращения: 14.04.2022).

непримиримые, привыкшие в условиях войны не ценить человеческую жизнь, выполнять без раздумий приказы. Именно из их среды выходили борцы с врагами народа, но они сами также становились жертвой репрессий¹. Например, известный руководитель партизанского отряда в Алагирском ущелье, С. Кучиев, долгое время возглавлял Северо-Осетинскую Комиссию по проверке красногвардейцев и красных партизан, подписывал «отказные протоколы». В ходе политических репрессий 1937 г. был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян². Та же участь постигла М. Санакоева и многих других³. Как правило, люди из этого круга, получив небольшие должности, проявляли себя как правители с неограниченной властью, позволяя себе демонстрировать худшие качества чиновника⁴.

Это тоже являлось формой посттравматического синдрома поколения комбатантов. Социальная группа «красных партизан» раскололась на две части: на небольшую, но обладающую большой властью группу, высокомерно относящуюся к тем, кто так и не смог подняться по социальной лестнице, и значительную часть тех, кто не получил за заслуги никаких преференций от государства, и от тихо ненавидящую строй, людей его представляющих⁵. В партизанском сообществе было немало и конформистов, которые смирились с новой реальностью.

В отечественной литературе этот феномен стал активно изучаться в конце XX в. Одним из первых к вопросу обратился С.В. Яров, который связывал конформизм послевоенного общества с тотальной политизацией⁶. Основоположник российской школы военной психологии Е.С. Сеньевская указала на

---

¹ Тяжелникова В.С, «Военный синдром» в поведении коммунистов 1920-х годов // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. М., 2002. URL: <https://rabkrin.org/> (дата обращения: 10.10.2022).

² ЦГА РСО-А. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 1078. Л. 5.

³ ЦГА РЮО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 132. Л. 137–138 (о М. Санакоеве); ЦГА РЮО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 62. Л. 1–7 (об А. Джатиеве); ЦГА РЮО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 184. Л. 17–27 (о Р. Козаеве, А. Козаеве, М. Санакоеве, П. Газзаеве, Е. Лохове).

⁴ Хубулова С.А. Анкеты как часть источниковой базы... С. 136.

⁵ Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 86.

⁶ Яров С.В. Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х гг. СПб., 2006.

зависимость распространения практик конформизма от политических репрессий¹. Недоедание, отсутствие работы и безразличие власти приводило к обострению полученных в годы войны заболеваний. Серьезные физические недуги (контузии, ампутация конечностей, сердечно-сосудистые заболевания) нередко сопровождались душевными страданиями, которые адресаты облекли в следующие определения: «галлюцинации, тоска, склонность к самоубийству»; «ввиду крайне расстроенного здоровья оставил службу»².

Такие проявления посттравматического шока углублялись и подпитывались сложной социально-политической и экономической обстановкой в межвоенный период в Осетии.

Анализ отложившегося архивного материала позволяет проследить, в каких формах выражался пассивный протест бывших комбатантов. Прежде всего, внутренний протест граждане проявляли в неучастии разного рода политических компаниях – собраниях, избирательных мероприятиях³. Например, в апреле 1926 г. в ряде районов Северного Кавказа проходили выборы в низовые советы. В некоторых селах Северной Осетии, в результате сильного недовольства населения и слабости местных парторганизаций, середнячество «шло кулаками, проводя выставляемые последними кандидатуры»⁴. В с. Ногкау перед переборами, ночью, вывеска сельсовета была вымазана грязью, а почтовый ящик при здании был наполнен грязью⁵. Власть чутко следило за проявлением пассивных настроений среди сельского населения и строила свою политику работы с массами, используя действенные механизмы «управления настроениями»⁶. Избирательные кампании 1924–1926 гг. не

---

¹ Сенявская Е.С, Психология войны в XX веке. М., 1999. С. 97.

² ЦДНИРО. Ф. Оп. 1. Д. 6. Л. 7–9; ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 1078. Л. 32. Д. 1080. Д. 1081. Л. 12.

³ Аграрная модернизация и крестьянство Северного Кавказа (1917 – 1932 гг.): сб. документов и материалов / сост. Э.В. Хубулова, С.А. Хубулова. Владикавказ. 2018. Т. 1. 1917–1927 гг.

⁴ Там же. С. 457.

⁵ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 950. Л. 15.

⁶ Яхутль Ю.А. Выборы советов на Дону и Кубани (1925–1926 гг.): проблема выбора курса реформ // Власть. 2017. № 12. С. 123–129.

дали тех результатов, на которые рассчитывали местные партработники: все их выдвиженцы потерпели фиаско, за них не голосовали на сельских сходах¹.

Конструируя новую социальную структуру общества, большевики с помощью разных мер стремились произвести «очищение» от нежелательных элементов. С этой целью, например, соискатели звания «красногвардеец» и «красный партизан» должны были доказать свои заслуги перед властью.

В первой половине 1920-х гг. оформились просоветские сообщества, которым приходилось вырабатывать новые стратегии выживания и изменения политического статуса.

Вслед за экономическими реформами деревню потрясли репрессии, призванные покончить с самостоятельностью зажиточных крестьян. Проводя политику коллективизации, власти опирались на бедноту деревни, ко всем остальным социальным группам отношение было недоверчивое. Если с середняком можно было найти компромисс и также сделать его своим союзником, то с зажиточными хозяевами, большевистское руководство решило поступить предельно жёстко.

Некоторое время в стратегии новой власти не было четкого определения категории «кулак». Но в связи с пробуксовкой коллективизации был назначен главный противник этой компании, который ввиду своей зажиточности был достаточно независим и не шел в колхоз. В итоге в категорию кулаков попадали не только сельская буржуазия, но и середнячество, не желавшее идти в коллектив. Судебная система не останавливала своей работ: все больше приговоров квалифицировались по ст. 107 УК РСФСР².

На основе директивы Политбюро ЦК ВКП (б) «О мероприятиях по ликвидации хозяйств в районах сплошной коллективизации» местные власти

---

¹ ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 167. Л. 18.

² Ст. 107 УК РСФСР: «Не допускать открытия магазинов и лавок частными торговцами и всячески искоренять перекупщиков и спекулянтов, пытающихся нажиться за счет рабочих и крестьян... органы прокуратуры и местные органы власти принять меры к искоренению спекуляции, применяя к спекулянтам и перекупщикам заключение в концентрационный лагерь сроком от 5 до 10 лет» // Уголовный кодекс РСФСР. редакции 1926 года. (с изм. и доп., внесенными Постановлениями ЦИК СССР. От 19.02.1926. СЗ. 1926. № 9. Ст. 71; от 05.03.1926. СЗ. 1926. № 15).

стали составлять свои, не менее суровые законы, которые решили судьбу зажиточного населения деревни. Так, Северо-Кавказский крайком разослал на места свою директиву «О борьбе с кулацко-зажиточным элементом, срывающим работу по подготовке к весеннему севу», и вынесло решение об усилении борьбы с кулаком¹. В ней речь шла не только о качестве, но также и пособниках в лице сельчан, которые открыто, противились разрушительной политике коллективизации и не хотели идти в колхозы. Эти две категории были признаны главным противниками кооперирования, и было принято решение об их ликвидации. Такая политика шла в разрез установкам Центра, прекрасно ориентировавшегося в особенностях сельского быта в разных регионах большой страны: «В отношении кулацких хозяйств, члены которых активно участвовали в красных партизанских отрядах и в борьбе с бандитизмом, – указывалось в Постановлении Политбюро ЦК ВКП(б), – проявить особую осторожность, рассматривая каждый индивидуальный случай руководящей местной инстанцией, о чём соответствующие парторганизации должны дать срочные указания местам»². Именно в этом документе впервые давалась методика группировки кулацких хозяйств на 3 категории, от включения в которые зависела дальнейшая судьба крестьянина.

По мнению составителей, первая и самая опасная категория – это активные противники властей, способные подготовить антиправительственные акции, организовать физическое уничтожение колхозного актива и проч.³; их следовало заключать в концентрационные лагеря или расстреливать, их семьи подлежали высылки в восточные районы страны. За ними следовали и осужденные по второй категории – состоятельные крестьяне, активно выступавшие против коллективизации.

---

¹ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 185. Л. 3.

² Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: в 5 т. М., 2000. Т. 2. С. 256.

³ Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М., 1972; Измозик В.С. Политический контроль в Советской России 1918–1928 // Вопросы истории. 1997. № 5.

Наконец, третья категория состоятельных крестьян оставалась в пределах своего края, республики, но выселялась из своей деревни и без имущества¹. От местных партийно-советских властей требовалась активность и немедленное исполнение директивы ЦК ВКП(б).

Сельские жители также испытывали на себе нестабильность экономики, переход к кооперативному хозяйствованию, сопряженному с насильственными методами проведения.

В конце 1920-х гг. на Северном Кавказе была отмечена активность бывших красных партизан², что сильно беспокоило партийных товарищей³. Почвой для выступления являлась коллективизация, сопровождающаяся рядом искривлений и перегибов⁴.

Северный Кавказ стал регионом, в котором в период нэпа и коллективизации наблюдался рост крестьянского движения с участвовавшими в ней комбатантами. В 1930 г. по всей Осетии вспыхивали крестьянские выступления с большим количеством участников. Обращаем внимание на тот факт, что очагами сопротивления были, прежде всего, те села, в которых проживали бывшие партизаны красногвардейцы – Алагир, Чикола, Христиановское. В с. Ногир бывшие партизаны (С. Гадиев, братья Салбиевы) призывали отказаться от идеи создания колхоза, и за это были приговорены судом к 1 году лишения свободы⁵. Секретарь партийной ячейки ст. Чернореченской, бывший партизанский командир, С. Гатагов был обвинен в антисоветской деятельности за то, что задал уполномоченному по налогам крамольный вопрос:

---

¹ Трагедия советской деревни. М., 2000. Т. 2. С. 7.

² Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4-х т. М. 2000. Т. 2: 1923–1929 гг. С. 890.

³ Репрессивная политика советской власти в Северной Осетии. 1920–1930: сб. документов и материалов / сост. АТ. Царикаев. Владикавказ, 2009. С. 117.

⁴ Советская деревня глазами... М., 2003. Т. 3. С. 408.

⁵ Власть труда. 1930. 17 февраля.

«Зачем мы разоряем крестьян? Если они не смогут более сдавать государству хлеб, как мы будем жить?»¹

Всё чаще стали фабриковаться дела на тех, кто выбивался из «общего числа» законопослушных граждан. Самой ходовой стала ст. 58/2 УК РСФСР «Контрреволюционная деятельность»², под которую подводились все арестанты. Репрессивная политика проводилась разными, но действенными методами: расширительным толкованием уголовных статей, в том числе ст. 58 со всеми подпунктами, позволяющими под тяжёлые преступления подводить малозначительные нарушения; вторым методом стало обвинение по надуманным делам; наконец, социальное происхождение, национальная принадлежность также могли стать основанием для наказания³.

Авральные методы кооперирования способствовали тому, что местные власти искусственно завышали цифры хозяйств, названных кулацкими, второпях записывая в этот разряд те или иные крестьянские хозяйства, часто не заботясь о глубоком анализе их состояния. Это приводило к репрессиям в отношении середняцких, иногда даже бедняцких хозяев, а также бывших красных партизан и красногвардейцев, которые слишком активно выступали против перегибов в деревне⁴.

Нередко причисление бедноты и середняков к категории кулачества было связано и с возможностью сведения личных счетов: «В Дзауджикауском

---

¹ Туаева М.П. Политическое мышление и политическая культура крестьянства в первой половине 1920-х гг. // Северная Осетия: история и современность: сб. науч. тр. Владикавказ, 2006. Вып. 8. С. 39–45.

² Ст. 58/2 УК РСФСР: «Вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд, захват власти в центре ли на местах а тех же целях и, в частности, с целью насильственно оторгнуть от Союза ССР и отдельной союзной республики какую-либо часть ее территории или расторгнуть заключенные Союзом ССР с иностранными государствами договоры влекут за собой – высшую меру социальной защиты – расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства Союза ССР и изгнание из пределов Союза ССР навсегда...» URL: <https://stalinism.ru/dokumentyi/statuya-58-ukrfsr> (дата обращения: 15.10.2022).

³ Караман В.Н. «...Доказательств нет, а посадить надо». Методы репрессивной политики ВКП(б) в 1930-е годы // Россия и АТР. 2004. № 4 (46). С. 107.

⁴ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы. М., 2001. С. 69.

округе было раскулачено 167 хозяйств, из них снято обратно 90 хозяйств. В этом округе лозунг партии «ликвидации кулачества как класса» был превращён в орудие личных счетов, мести», – отмечалось в отчёте Северо-Осетинской областной РКИ в 1931 г.¹ Такая пагубная ситуация наблюдалась и в Южной Осетии.

Оперативные органы НКВД работали в усиленном режиме, разоблачая сети заговора, выявляя организаторов готовящихся выступлений и т.д. Нередко эти судебные процессы были инспирированы, чтобы, запугав население, подавить в зародыше любое недовольство². Особой остроты противостояние достигло в свобододлюбивом с. Христиановское – колыбели партизанской борьбы с бандами А.Г. Шкуро. Население обращалось к комбатантам, призывая их остановить анти крестьянскую политику, разрушающую традиционную систему хозяйствования³.

Чтобы снять напряженность в этой среде, союзные и областные власти пытались привлечь красных партизан к участию в колхозной работе⁴. Для этого «партизанские колхозы» получали материальную помощь, семенной фонд, особо необходимую сельскохозяйственную технику; создавались образцовые хозяйства как картинка будущей счастливой жизни. Но такая идиллия не всегда находила последователей в крестьянской среде.

В зависимости от мировосприятия, политических взглядов, в сообществе партизан не было единого мнения по отношению к политике партии. Неспособность местных властей вести доступную и понятную всем крестьянам разъяснительную работу по вопросам колхозного движения приводила к отторжению в крестьянской среде идеи кооперирования. Отчасти в это виноваты и лидеры юго-осетинского руководства. Так, в 1930 г. было выявлено, что местные партийные органы слабо руководили колхозным строительством в

---

¹ ЦГА РСО-А. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 40. Л. 97.

² Баликоев Т.М., Хубулова С.А. Социально-политическая напряженность в национальных районах Северного Кавказа в конце 20-х годов // Вестник СОГУ. 1999. № 1. С. 152–161.

³ Хубулова С.А., Гаглыева Б.Б. Жизненные стратегии ветеранов гражданской войны (на материалах Северной и Южной Осетии) // Изв. СОИГСИ. 2017. № 25 (64). С. 91.

⁴ ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 1319. Л. 67.

Южной Осетии. «В с. Эредви Цхинвальского района два месяца тому назад население вынесло постановление об организации колхоза. В с. Бузала никто из бригадников не мог точно ответить на вопрос: «Какая норма пая существует у колхозников после объединения в общем хозяйстве?»»¹

Власти заговорили о социально близких красных партизан и социально чуждых, которые поддерживали оппозицию. Это линия отчетливо прослеживалась на местном уровне. Так, в 1931 г. состоялось бюро Дигорского окружка, главный вопрос повестки дня был связан с партизанской «чисткой» в районе. В резолюции по данному вопросу было записано: «Задача встала вполне своевременно перед красными партизанами, в рядах которых очутились случайные, недействительные партизаны, а отдельные неустойчивые слабые элементы, поддавшись отсталым настроениям, кулацкому влиянию, не стоят теперь в рядах тех бывших «красных партизан», которые под руководством компартии борются за осуществление задач социалистического строительства»².

Юго-Осетинский обком ВКП(б) докладывал в ЦК, что в Южной Осетии «антисоветские элементы слабы, но все же следует принять самые усиленные меры к точному составлению «черных списков» (кулаки, бывшие попы, полицейские, порочный элемент и т.п.) – особенно в отдаленных темных районах, где пережитки старины ещё сильны (Ксанский, Рукский)»³. Несмотря на столь радужную оценку политической ситуации в регионе, они не могли не знать о том, что некоторые активисты стали яркими противниками перегибов колхозного строительства. Комсомольцы инициировали срыв схода, посвященного колхозному движению; нередко сельские активисты противились высылке зажиточных крестьян (с. Хвце Джавского района). Зафиксированы факты выхода из колхоза коммунистов – бывших «красных партизан»: одни

---

¹ Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД... Т. 3, кн. 1. С. 117.

² ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 89. Л. 63.

³ ПО ЦГА РЮО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 104. Л. 80.

выступали против принятия бедняков, другие считали, что коллективное хозяйство никогда не привьётся на осетинской почве¹.

Многие комбатанты не могли принять НЭП, связывая его с откатом от революционных достижений. Они понимали, что их «героическое» время ушло, романтика революции превратилась в суровую и чужую реальность. Это приводило к психическим расстройствам и суицидам среди коммунистов и бывших комбатантов. К этому стоит добавить и то обстоятельство, что чрезвычайное напряжение и фронтовые раны в создавшейся обстановке «разложения» давали о себе знать. Как считает В.П. Булдаков, красные партизаны так и не смогли приспособиться к мирной жизни, меряя её военными мерками, в новой обстановке они не смогли существовать².

Психологический надлом нередко выливался в такую крайнюю форму неприятия ситуации, как самоубийство. Специалисты утверждают, что рост суицидальности в 1920-х гг. связан с процессами дезинтеграции, он усиливается в послевоенный период, «инерция насилия оборачивалась против самих его активных носителей»³, не все партийные деятели принимали абсурдность процессов послевоенной жизни⁴. В одном из писем Р. Гаглоев с горечью отмечал: «Я, кажется, догадывался о причинах смерти Александра (а говорили, что умер от малярии). Сомнений нет, что он умышленно лишил себя жизни. Александр, Ефим, Илас, Лео... – Боже мой, сколько потерь...»⁵

Явление это приняло такой размах, что ЦК Компартии Грузии был вынужден разослать в местные организации следующий документ: «Ввиду того, что наблюдаются случаи кончающих самоубийством коммунистов, что не должно оставаться без учёта и изучения таких явлений, Орграспред ЦК КПГ

---

¹ Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД... Т. 3, кн. 1. С. 326.

² Булдаков В.П. Деструкция личности революционера в России в 1920-е гг. // Человек и личность в истории России, конец XIX–XX века: материалы международного коллоквиума (Санкт-Петербург, 7–10 июня 2010 г.). СПб., 2012. С. 162.

³ Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. М., 1994; Тяжельникова В.С. Самоубийства среди коммунистов в 1920-е гг. // Отечественная история. 1998. № 6. С. 162.

⁴ Булдаков В.П. Деструкция личности революционера... С. 174.

⁵ Гаглоева Б.Б. Жизненные стратегии ветеранов гражданской войны (на материалах Северной и Южной Осетии) // Изв. СОИГСИ. 2017. № 25 (64). С. 89.

просит в 5-дневный срок, со дня получения сего, сообщить в Орграспред ЦК следующие сведения за весь 1924 г.: количество самоубийц (отдельно членов и кандидатов); их социальное положение; возраст и партстаж. Желательно получить также краткую характеристику причин, побудивших покончить самоубийством»¹.

Гнетущая обстановка, перерождение некоторых коммунистов, их моральное разложение – всё это было далеко от тех картин будущего, которые рисовались на полях гражданской войны. Так, например, некоторые коммунисты принимали участие в азартных играх (лото, карты, тотализатор и т.д.), выпивали в духанах и трактирах, подчас при многочисленной публике, бежали по карательным органам Соввласти (ЧК, суд, милиция) в качестве ходатаев за провинившихся перед рабоче-крестьянской властью непристойных граждан и т.д.² Безобразное поведение, систематическое пьянство, хулиганство, дебоши, случаи поручительства за ложных партизан, связь с преступным миром, мошенничество стали визитной карточкой маргинальных кругов в партизанском сообществе, что, безусловно, подрывало авторитет не только партизан, но и Советской власти³. Орджоникидзевская партизанская комиссия на своем очередном заседании осенью 1935 г. разбирала личные дела бывших партизан К., П., Б., которые беспробудно пьянствовали, имели контакты с преступным миром, терроризировали население своими хулиганскими выходками⁴. Их не только лишили звания партизана, но и передали факты их преступной деятельности в НКВД для проверки⁵.

Не исключение были бывшие партизаны, которые за разные правонарушения или по навету «доброжелателей» отбывали наказание по ст. 58/10 УК РСФСР, под которую могли попасть самые разные нарушения: мелкие уголовные, политические и административные, но с определением шпионаж в

---

¹ ПО ЦГА РЮО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 162. Л. 4.

² ПО ЦГА РЮО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 162. Л. 57.

³ ЦГА РСО-А. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 853. Л. 1–4.

⁴ Там же. Д. 860. Л. 20.

⁵ ЦДНИРО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 9. Л. 19.

пользу иностранных государств, контрреволюционных организаций и частных лиц. Такое преступление каралось лишением свободы до трех лет, в особо тяжелых случаях – расстрелом¹. Как справедливо отмечал И.В. Нарский, «каждый волей-неволей апробировал широкий спектр малопочетных и рискованных способов выживания»².

Итак, влияние Гражданской войны не прошло бесследно для менталитета и социального поведения всех комбатантов и гражданского населения. Практики военного бытия (риск, героизм, беспощадность к противнику, жертвенность во имя высоких идей) стали теми доминантами послевоенной жизни, на которых воспитывались последующие поколения советских людей. Сами же участники революции и гражданской войны стали потерянными поколением, с трудом, адаптировавшимся к реалиям новой и чужой для них жизни. Романтические иллюзии разбились о суровую правду жизни с ее несправедливостью, трагизмом.

Революционные настроения рождаются как результат негативных социально-экономических условий. Очевидна взаимосвязь между растущими бытовыми неурядицами и социальной напряженностью в массах.

Психологический портрет красного партизана складывается не только на основе экономических характеристик (бедные, малоимущие слои населения), но также в результате политических, традиционно-бытовых, психологических, демографических, культурных факторов, которые в итоге определяли вектор общественного поведения индивида и разных групп населения.

Психология комбатанта часто оказывала негативное влияние на процесс адаптации в реалиях мирного времени. «Человек с ружьем» оказался на периферии новой жизни, не будучи включенным в общественные процессы того уровня, на который мог рассчитывать. Надежды на перемены так и безра-

---

¹ Уголовный кодекс 1926 г. URL: <https://bessmertnybarak.ru/> (дата обращения 10.09.2022).

² Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1920 гг. М., 2001. С. 499.

достными. Это наглядно проявились в условиях межвоенного периода с кардинальными реформами.

2.2. Формирование системы политического контроля над красными партизанами в 1920–1930-х гг. в Северной и Южной Осетии

События в Кронштадте, на Тамбовщине и других регионах показали, сколь опасен «человек с ружьем». Перед властью встала проблема консолидации своих сторонников в единый лагерь единомышленников. Основным критерием такого отбора служило социальное происхождение до революции 1917 г. Немаловажно было также выявление степени лояльности новому строю. С этой целью к середине 1920-х гг. для полной проверки каждого участника Гражданской войны по всей стране создаются специальные Комиссии красных партизан.

Кого считали красным партизанам, согласно новым инструкциям? В начале работы Комиссии не получили универсальных документов и на свое усмотрение «вершили суд». Так, в феврале 1926 г. на заседании бюро Северо-Осетинского обкома ВКП(б) вопрос получил такое определение: «Считать красными партизанами тех товарищей, которые с момента революции 1917 г. и по 1920 г. (восстановления соввласти в Осетии) принимали активное боевое участие с оружием в руках против белых и не изменяли интересам трудящихся»¹.

Каждый претендент на получение звания красный партизан обязан предоставить в комиссию перечень документов, позволяющих установить степень его участия в революции: заявление по установленной форме; две анкеты-рекомендации от боевых товарищей / командиров, в которых указывались, / конкретизировались сведения о красногвардейской и партизанской деятельности: где, как и в чей отряд попал, / вступил подавший заявление соискатель (добровольно или мобилизован).

---

¹ ЦГА РСО-А. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 763. Л. 14.

На Северном Кавказе в 1923–1925 гг. уже официально сформировалась структура партизанских комиссий. Так как Северная Осетия в середине 1920-х гг. вошла в Северо-Кавказский край, то головным центром для местных Комиссий являлась Северо-Кавказская комиссия по делам бывших красногвардейцев и красных партизан, образованная в начале 1926 г. при Северо-Кавказском исполкоме. Долгое время её возглавлял герой Гражданской войны Д.П. Жлоба.

Процесс формирования структуры партизанских комиссий носил затяжной характер. Тому было несколько причин: во-первых, как правило, партийно-государственные работники, наряду с основными обязанностями, имели большое количество общественных поручений, поэтому не успевали деятельно участвовать во всех собраниях и заседаниях. Это прослеживается по материалам протоколов заседаний партизанских Комиссий разного уровня, где среди присутствующих редко отмечены первые лица, которым по инструкции вменялось возглавлять президиум организации. Во-вторых, создание и работа сельских, окружных комиссий на местах также проходило медленно, что мешало оперативному сбору информации о количестве красных партизан, их материальном положении, нуждах¹.

Нередко Северо-Осетинская областная партизанская комиссия делала повторные рассылки, с просьбой предоставить ту или иную информацию, но не получала ответа. Наконец, партизанские комиссии областного, тем более окружного масштаба не всегда информировались о принятых в крае решениях². В результате по халатности местных деятелей часть бывших партизан не попадала в списки, которые постоянно пересматривались и уточнялись.

Подотчетной краевой была Северо-Осетинская партизанская комиссия, образованная в марте 1926 г., в соответствии с постановлением Северо-Осетинского облисполкома. Комиссия состояла из 5 человек: Кучиев Сергей (председатель), Хугаев Константин, Кучиев Семён, Елбаев Дзандар, Тиджиев

---

¹ ГАРО. Ф. Р-2993. Оп. 1. Д. 233. Л. 17.

² ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 362. Л. 6.

Александр – все известные руководители партизанских отрядов¹ Первоочередной задачей Комиссии была организация окружных партизанских комиссий с целью сбора данных о количестве партизан и красногвардейцев в каждом округе. Владикавказская партизанская комиссия была сформирована при президиуме городского совета, в то же время председателем ее неожиданно избран малоизвестный в местных краснопартизанских кругах Л. Михалаш².

Бывшие комбатанты были в полной уверенности, что комиссия поспособствует их плавной адаптации к реалиям нового времени, принимая во внимание заслуги перед властью; власть же таким образом рассчитывала держать под контролем их боевое содружество.

Как правило, ранее бойцы партизанских отрядов не получали никаких документов, подтверждающих их нахождение в конкретном соединении. Перед партизанскими комиссиями стояла задача собрать исчерпывающий материал по каждому бойцу и рекомендовать (или не рекомендовать) называть кого-то красным партизаном.

В Постановлении СНК СССР отмечалось, что «руководство и контроль над деятельностью Комиссий по выдаче удостоверений бывшим красногвардейцам и красным партизанам при горсоветах, райсоветах и райисполкомах осуществляется Комиссиями, образуемыми при центральных исполнительных комитетах автономных республик, краевых и областных исполкомах, в составе председателя – члена Президиума Центрального исполнительного комитета соответствующей автономной республики»³.

К концу 1927 г. наконец был составлен предварительный список красных партизан по округам Северо-Осетинской АО (см. Приложение 5). Этот список был неполным, т.к. у районных Комиссий не было достаточно сил для сбора информации. Часто информацию получали путём опроса нескольких

---

¹ ГАРО. Ф. Р-2993. Оп. 1. Д. 255. Л. 126.

² ЦГА РСО-А. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 765. Л. 92.

³ ЦГА РСО-А. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 819. Л. 8.

участников революционных событий, которые могли вспомнить одних и забыть о других.

На территории Юго-Осетинской автономной области действовали те же принципы, что и по всей стране, за исключением того, что областной Комитет красных партизан и красногвардейцев стал подчиняться и отчитывался Всегрузинскому комитету красных партизан. В состав Юго-Осетинского областного комитета красных партизан входили: Санакоев Михаил (председатель), Санакоев Владимир, Гассиев Николай, Газзаев Пётр, Джиоев Архип, Плиев Арон, Тедеев Дмитрий и Марданов Николай – бывшие ревкомовцы и приближенные к ним лица¹. Дела, рассмотренные районными (городскими) Комиссиями, передавались в Президиум областного Комитета красных партизан и красногвардейцев для утверждения и зачисления в ряды красных партизан. В Южной Осетии в 1927 г. числилось 2193 красных партизана и красногвардейца, к 1935 г. в результате многочисленных «чисток» и естественной убыли осталось всего 526 чел.²

В состав комиссий на всех уровнях в обязательном порядке входили: председатель – от партийной организации; остальные – представители военного ведомства, профсоюза, управления ОГПУ, Собеса; 3 человека от командиров красногвардейских и партизанских отрядов. Это список утверждался постановлением Президиума исполкома. Комиссия должна была проводить свои заседания в открытом порядке, при участии актива из бывших красногвардейцев и комбатантов, рабочих. О дне заседания и его повестке заранее сообщалось через местную печать. Делопроизводство комиссий динамично развивалось, отталкиваясь от тех требований и норм, которые устанавливали партийно-государственные органы.

В 1926 г. была разработана специальная анкета, состоявшая из 8 вопросов: год рождения, социальное происхождение, участие в боях и т.д. Запол-

---

¹ Деятельность комиссии по оказанию помощи бывшим красным партизанам Осетии 1920–1930-е гг.: сб. документов и материалов / сост. Б.Б. Гаглоева. Владикавказ, 2017. Т. 1. С. 167.

² ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 1304. Л. 2–34.

няя этот важный документ, соискатель обязан был дать полный и правдивый ответ на все вопросы, касающиеся социального происхождения, боевого пути, послевоенной жизни. В результате унификации делопроизводства появилась возможность в короткие сроки осуществлять проверку документов по всей стране. Данная процедура была более важна, в связи с тем, что часть бывших партизан Южной Осетии мигрировала в разные города России, в Северную Осетию, для перемены места жительства; в Осетию переселялись также бывшие красные партизаны из других районов страны. Их заявления в местные партизанские комиссии следовало в короткие сроки рассмотреть и принять решение¹.

Часто возникали ситуации, когда на новом месте комбатанту отказывали в приёме его документов, выражая недоверие к комиссии, выдавшей справки. Так, долгое время красные партизаны Южной Осетии, переселившиеся в с. Ногир Северо-Осетинской АО, не могли добиться от местной комиссии признания их статуса².

Большое значение для успешного прохождения документов имело социальное положение/происхождение. В анкетах специально вводилась графа «Социальное положение». Адресанты указывали свой социальный статус до революции и при советской власти: «вырос в семье бедняка»; «с малолетства работал в поле»; «вырос в батраках»; «был в услужении»³. Соискатель рассчитывал на то, что пролетарское происхождение вызовет особое расположение комиссии и поэтому подробно описывал свой трудовой путь до революции. Нелегко приходилось тем соискателям, у кого социальное происхождение не соответствовало требуемым канонам. Так известный в Осетии священнослужитель Х. Цомаев во время августовских событий 1918 г. смог спрятать у себя в доме несколько керменистов и спасти их от верной гибели. В мирное время Х. Цомаев отказался от сана и перешел работать в книжное

---

¹ ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 789. Л. 14.

² ГАРО. Ф. Р-2993. Оп. 1. Д. 226. Л. 6.

³ ЦГА РСО-А. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 1091. Л. 14–17; Оп. 1. Д. 1092. Л. 5; Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 1093. Л. 78; Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 1095. Л. 111.

издательство. Когда началась регистрация красных партизан, он также заручился рекомендациями известных деятелей партии «Кермен» и подал свои документы. Однако ему было отказано как священнослужителю¹. Или к примеру, другой случай, Бегизов Д.Л. в своей анкете указал, что во время революционных выступлений в Юго-Осетии он с двумя сыновьями (Бегизов Ч.Д., Бегизов Г.Д) смог дать приют руководителям революционного движения, бежавшим из Северной Осетии. Рекомендатели (8 человек) дали самую высокую оценку его деятельности, указав, что «грузинскими меньшевиками во время разгрома Юго-Осетии первым был сожжен дом Бегизова, имущество разграблено, его самого выселили с семейством в Северную Осетию»². Большевики Г. Бараков, Х. Рамонов также дали рекомендацию³, но ни одна из справок не была принята во внимание, и Д. Бегизову было отказано – как бывшему священнику, не принимавшего никакого участия ни в одном вооруженном восстании. Соответственно, согласно решению комиссии рекомендателей было предложено привлечь к уголовной ответственности за несоответствующую действительности информацию⁴.

Как показал контент-анализ анкет, ситуация для основной массы бывших партизан мало изменилась и в 1920-х гг.: «был бедняк, стал колхозник», «был крестьянин, перебрался в город» и т.д. И, как следствие, в графе «материальное положение» указывалось: «неимущий», «нет ничего, ни движимого, ни недвижимого», «дом—одна комната, одна корова». Основным средством существования был заработок (от 15 до 150 руб.), пенсия, «средства, добываемые от работы в огороде»⁵ и т.д. Исходя из приведенных данных, можно констатировать, что в основной своей массе бывшие партизаны были людьми малообеспеченными, без перспективы на изменение своего статуса. Раздражало и то обстоятельство, что сообщество красных партизан разделилось на

---

¹ НА СОИГСИ. Фонд Филология. Оп. 1. Д. 609. Л. 13.

² ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 631. Л. 4.

³ Там же. Л. 8.

⁴ ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 631. Л. 9.

⁵ ГАРО. Ф. Р-2993. Оп. 1. Д. 22. Л. 7; Д. 169. Л. 117; Д. 171. Л. 78; Д. 213. Л. 32.

тех, кто получал сполна все льготы, и тех, а их было большинство, кто так и не поправил своего социального положения. К примеру, учитель Козаев Р.Ш. имел полный соцпакет, персональную пенсию от комитета партизан, хорошее каменное жилье, а Бегизов Г.Д., потерявший дом, двоих детей во время бесчинств меньшевистских властей, не смог добиться хотя бы направления в санаторий для поправки состояния здоровья¹.

В исторической антропологии процесс перекройки социальных границ в переходные эпохи получил название социальной мобильности². Определил это понятие и ввел в научный оборот П.А. Сорокин. Он сформулировал основные составляющие явления: социальная циркуляция (горизонтальная и вертикальная), интенсивность и распространение в социальных нишах, их проницаемость, конфигурации социальной стратификации³. Вывод о том, что социальная циркуляция проходит в двух измерениях – горизонтальном и вертикальном – хорошо иллюстрируется материалами анкет⁴.

Первый вариант формулировался соискателями в виде следующих записей: «бедняк-горец, теперь колхозник», «рабочий и сейчас», «а ты как был батраком, так и остался тем же»⁵, «работой добываю себе кусок хлеба»⁶. «Положение мое в данный момент неважное, – горько сетовал бывший партизан, – и жалко, что много чужого элемента нашей власти, везде и всюду поустроились и живут чёртом, а ты как был батраком, так и остался тем же»⁷. Для этих людей единственным средством выживания была работа, обычно тяжелая, неквалифицированная.

---

¹ ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 24. Л. 3.

² Fitzpatrick Sh. *Education and Social Mobility in Soviet Union, 1921–1932*. Cambridge, 1979; Шишкин В.И., Савин А.И. Социальная мобильность в России в эпоху войн, революций и радикальных трансформаций первой половины XX в: основные направления и результаты изучения // *Гуманитарные науки в Сибири*. Новосибирск, 2014. № 4. С. 89–93.

³ Сорокин П.А. *Человек. Цивилизация. Общество*. М., 1992. С. 19.

⁴ ЦГА РСО-А. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 1095; ГАРО. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 380. Л. 41; Д. 393. Л. 12.

⁵ ЦДНИРО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 12. Л. 232.

⁶ ЦГА РСО-А. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 781.

⁷ ЦДНИРО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 12. Л. 232.

Но учитывая, что в 1920-е гг. в стране была безработица, даже такую работу приходилось добиваться не один день. Предприятия стояли, работы не было, своей очереди безработному приходилось ждать не один месяц: «По последней должности я – начальник канцелярии, – писал в своем обращении в партизанскую комиссию Пеньшов С., – но уже три месяца нахожусь на учете на Бирже труда. Положение мое ужасное, не знаю, сколько еще продержусь. Жена тяжело заболела от голода»¹; «Надеюсь, что советская власть, за которую я боролся, даст мне заработать хотя бы на кусок хлеба?»², – с надеждой спрашивал бывший партизан. Выдаваемое пособие по безработице не покрывало даже малой части расходов. В партизанские комиссии поступали заявления, полные трагизма, в которых бывшие комбатанты описывали свое нищенское существование: «Неурожай и другие хозяйственные причины поставили меня, – жаловался другой комбатант, – в настоящее время в очень тяжелые материальные условия»³. Первоочередным правом на получение работы пользовались красноармейцы и красные партизаны, но все постановления разбивались о реальность быта⁴. В условиях острой борьбы за выживание каждый индивид стремился получать желаемое и утвердиться в своей социальной нише.

Как удалось установить, в среде комбатантов долгое время сохранялись доверительные отношения. Поэтому партизаны прибегали к протекции своих бывших командиров: «Посылаю тебе тов. Скрыльникову, красного партизана, переговоры с ним на предмет принятия его в состав охраны на Реданте, – советовал директору городского водопровода секретарь партизанской комиссии, – за счет сокращения, имеющих замечания»⁵. Поэтому льготники рассматривались как конкуренты и от них старались избавляться. В своём письме на имя легендарного Д.П. Жлобы бывшие партизаны из Владикавказа с

---

¹ Хубулова С.А. Заявления бывших красных партизан Юга России в 1920–1930-х гг. // Вопросы истории. 2018. № 9. С.59.

² ЦДНИРО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 4. Л. 114.

³ ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 819. Л. 61.

⁴ ЦДНИРО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 4. Л. 125.

⁵ ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 827. Л. 1.

горечью отмечали: «На нас здесь смотрят как на зверей, на лесных партизан; даже близко к заводу, к учреждению не подойти»¹. Не так представляли себе мирную жизнь красные партизаны, униженно прося хотя бы незначительной материальной помощи для покупки питания, одежды. Партизанские комиссии были завалены заявлениями, письмами, и в которых адресанты описывали невыносимые условия жизни, болезни от недоедания, холода и проч.²

Примечательно то, что в своих заявлениях комбатанты просили не столько о денежных пособиях, а больше об устройстве на любую работу, чтобы иметь возможность обеспечивать семьи. Это позиция не иждивенца, социального трутня, а человека, оказавшегося в тяжелой ситуации, из которой самостоятельно не выбраться.

Те комбатанты, которые смогли трудоустроиться, получали небольшую зарплату, которой едва хватало на самые скромные расходы. «Работаю временно в Жилсоюзе чернорабочим», – написал в анкете красный партизан Саманц Г.Ш, – «заработок 1 руб. 60 коп. подённо»³. Поэтому, заполняя графу «Нуждаетесь ли в помощи», чаще всего писали: «материальной и медицинской», «нуждаюсь в материальной помощи для поднятия хозяйства». Принимая во внимание цены на товары первой необходимости, заработная плата в 40–150 руб. для семьи из 5 иждивенцев не покрывала даже необходимые расходы.

Не менее тяжелая ситуация складывалась и в жилищном вопросе. При отступлении деникинцы разрушали большинство домов в г. Владикавказе. Многие жители остались без крова, вынужденно размещались в землянках, чердаках и сараях. Не менее тяжелая ситуация была и в полностью разрушенном грузинской гвардией селах юга Осетии. Во многих анкетах указывалось, что деникинцы «сожгли дом и имущество», «разграбили все». В с. Христиановское части Шкуро сожгли большинство домов керменистов, парти-

---

¹ Цит. по: Хубулова С.А. Заявления бывших красных партизан...С. 60.

² ЦГА РСО-А. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 778. Л. 59.

³ ЦГА РСО-А. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 459. Л. 218–219.

зан. Не пощадили они и другие населенные пункты. Так, К. Гадзаов из с. Ахсарисар в анкете написал, что враги «сожгли дом и имущество»¹. Б. Гобеев потерял хозяйство, состоявшее из трех комнат, дощатого амбара и конюшни, «а также у него ограблена масса вещей и денег»². Можно привести примеры горизонтальной мобильности красных партизан (см. Приложение 6).

Итак, первый вариант развития социальной мобильности (горизонтальной) характерен для большинства бывших красных партизан в городе и сельской местности. Социальные роли до революции и после неё для них практически не изменились, люди так и не выбились на другой общественный уровень.

Вертикальная мобильность характеризуется продвижением по карьерной лестнице. Назначение партийцев на должности как система утверждается в 1923 г. постановлением Оргбюро ЦК «О назначениях». Для государства важно было создать такую партийно-государственную структуру, где каждый функционер обладал железной волей и готовностью любыми средствами выполнять партийные установки. Партийно-государственные органы были заинтересованы в повышении общего образования бывших партизан, с этой целью проводились мероприятия по повышению квалификации³.

По справедливому замечанию Е.Г. Гимпельсона, именно эти люди принимали близко идею о светлом будущем и становились проводниками политики партии на местах⁴. Обязательным условием карьерного роста должно было стать членство в партии и отношение к советской власти. Все проводимые назначения утверждались в районных комитетах партии. Так формировался управленческий аппарат. Анализ анкет позволяет выявить несколько возможных сценариев вертикальной мобильности.

---

¹ ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 828. Л. 9.

² Там же. Л. 21.

³ ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 1319. Л. 6–8.

⁴ Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы. 20-е годы (Руководящие кадры государственного аппарата СССР). М., 2001. С. 214.

Во-первых, получение должностей в низшем партийно-государственном звене. Вот выдержки из типичной биографии этой категории работников: «Гибизов А.А., член ВКП(б) с 1927 года, из крестьян, образование низшее, специального образования нет. Год проработал в сельском исполкоме переписчиком, потом год членом правления Севосоюза, затем три года «занимался земледелием», потом – заведующий учетом в райкоме ВКП(б)»¹. Так, «Гатикоев Сардо, участник революционных событий в Южной Осетии, после войны поселился в г. Владикавказе и стал служащим Райпо; Вазагов Мали стал председателем колхоза «Хонх»».

По мнению исследователей, борьба за власть советов, участие в гражданской войне, разорение сельского хозяйства, проводимая новой властью аграрная и социальная политика не могли не отразиться на традиционной крестьянской психологии². Городской образ жизни, возможности рабочего для более успешной жизни привлекали молодых сельчан, отражались на их жизненных установках. Проведенный Северо-Осетинским обкомом ВЛКСМ опрос среди сельской молодежи наглядно продемонстрировал эту тенденцию: лишь 15% предполагали связать свою жизнь с селом, 20% настроены были на получение образования и карьеру в промышленности, остальные хотели переселиться в город или уехать на строительство новых объектов народного хозяйства³.

Это желание подкреплялось не только успешной городской жизнью бывших односельчан, но и тем нажимом, который испытывала деревня, обложенная непомерными налогами. Сельская молодежь стремилась к быстрой адаптации к новым условиям, хотела освоить новую технику и трудовые навыки. Проводимые по стране оргнаборы на производство, всесоюзные стройки явились средством выхода из деревни, возможностью социального

---

¹ ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 812. Л. 92.

² Кабанов В.В. Влияние войн и революций на крестьянство // Революции и человек: социально-психологический аспект... С. 142–143.

³ Гутиева М.А. Политика коренизации кадров и особенности её реализации на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг. // Гуманитарные и социальные науки. Ростов н/Д, 2011. № 1. С. 3–6.

лифта в среду престижного рабочего класса или управленцев¹. Для комбатантов, не имеющих образования, такая карьера представлялась вполне удачной.

Среднее звено советских функционеров представляли секретари районных комитетов партии, председатели колхозов, заведующие отделами.

Многие бывшие красные командиры полагали, что их военный опыт дает им право рассчитывать на хозяйственные и партийные должности, хотя нередко не имели ни образования, ни понятия о той работе, на которую претендовали².

Власть понимала, что такие неподготовленные руководители не смогут профессионально справляться с обязанностями и по этой причине создавалась система совпартшкол, где слушатели не только получали политическое образование, но и расширяли общий кругозор. Например, Л.И. Газзаев после гражданской войны окончил Цхинвальскую педагогическую школу и был назначен секретарем РК ВКП(б) в Корнисском районе, затем переведен в аппарат обкома партии; А.Г. Кочиев закончил совпартшколу и работал председателем колхоза с. Рустау³.

Из группы бывших командиров партизанских отрядов складывался новый управленческий слой советских служащих (см. Приложение 7).

Сравнивая данные, можно отчетливо представить, что в этой когорте налицо восходящая мобильность. Следовательно, она основана, на том, что многие представители этой группы не только поменяли свое положение, но благодаря должностям в военных отрядах, смогли продвинуться по карьерной лестнице. Именно эта социальная группа оказалась самой динамичной. С одной стороны, представители этой когорты могли продвинуться по карьерной лестнице, добившись хороших результатов на своём поприще, зарекомендовав себя как хороших управленцев, с другой стороны, в связи с ростом

---

¹ Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991; Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы. 20-е годы (Руководящие кадры государственного аппарата СССР). М., 2001.

² Морозова О.М. Два акта драмы: боевое прошлое и послевоенная повседневность ветеранов Гражданской войны. Ростов н/Д, 2010. С. 231.

³ ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 7. Л. 2; Д. 1041. Л. 1.

молодых кадров, получивших специальное образование в советских вузах, неизбежно производилась ротация, которая вела к вытеснению бывших партизан на периферию социальной жизни. Так Н.М. Гассиев в 1923 г. в составе парттысячи был направлен на учебу, закончил ВТУЗ. Работал на ответственных постах, был секретарем Корнисского, а затем Лехурского райкомов партии, с января 1922 г. – секретарем Президиума ЦИК Юго-Осетинской АО, заведующий отделом обкома партии. В 1926 г. направлен на учебу в Москву, получил специальность геолога. По возвращению на родину назначен начальником разведки Квайсинских свинцово-цинковых месторождений с окладом в 840 р.¹ Льготами пользовались молодые люди, имевшие заслуги перед властью². В 1925 г. из области в высшие учебные заведения столицы по разнарядке было направлено свыше 1000 чел.

Система бронирования мест в вузах страны давала возможность готовить кадры для национальных республик. В 1920-е гг. стало активно практиковаться выдвиженчество, предполагавшее продвижение на руководящую работу передовиков производства. В условиях нэпа выдвиженчество осуществлялось тщательно, прежде всего, необходимо было рекомендовать тех людей, которые проявляли себя как выдержанные и передовые личности³. Система выдвиженчества помогла этой части бывших комбатантов подняться по карьерной лестнице. Выдвиженчество было возможно благодаря нескольким условиям, среди которых главенствующим было членство в ВКП(б)⁴. Анализ партийной переписи 1926 г. подтверждает данный тезис. Старые, до-революционные партийные кадры в региональной организации составляли не

---

¹ Гаглоева Б.Б. Формирование национальной элиты Южной Осетии в 1920–1930-х гг. // Глобальный научный потенциал. СПб., 2018. № 12.

² ЦГА РСО-А. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 213. Л. 61.

³ Метёлкина Л.Н. Бывшие партизаны как ресурс региональной элиты (на примере Восточной Сибири первой половины 1920–1930 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки. Тамбов, 2011. № 5–3 (11), ч. 3; Никулин В.В. Власть и общество в 20-е г. Политический режим в период нэпа. Становление и функционирование (1921–1929). СПб., 1997; Туфанов Е.В. Кадры региональных управленцев в 1920–1930-е гг.: становление и функционирование (на материалах Северного Кавказа). Ставрополь, 2018.

⁴ Бичегкуев Т.Т. Социокультурный облик коммунистов Северной Осетии в 1920-е гг. Владикавказ, 2011. С. 115.

более 10%, часть комбатантов встала в ряды ВКП(б) в 1918–1920 гг., но наибольший приток в партию произошел в 1925–1927 гг.

Первый слой коммунистов имел большой опыт подпольной работы, требовавшей хороших организаторских способностей. «Вновь обращенные» такого опыта не имели, но благодаря своим личным качествам, связям в партийных организациях, делали карьеру. Удачной возможностью для этой категории функционеров стала политика коренизации.

Е.В. Туфанов указывает на привлечение в управленческие структуры представителей местного населения, с целью преодоления великорусского шовинизма и насильственной русификации¹. Те комбатанты, которые имели хотя бы некоторый уровень грамотности, а также поручительство своих бывших командиров, могли рассчитывать на продвижение. Они занимали должности партийно-советского аппарата среднего звена. Именно на этом уровне государственной службы были выявлены серьезные перекосы: 30 бывших белых офицеров, 12 бывших священнослужителей, 17 кулаков². Самозванство как способ социальной мимикрии связано с тем, что некоторые люди пытались таким образом создавать себе новую биографию, влиться в ряды обласканных властью социальных когорт³.

В среде среднего звена наблюдалось «обрастание», когда коммунисты пользовались служебным положением и обогащались, нарушая тем самым кодекс большевика. В годы нэпа всё четче обозначилась эта весьма опасная ситуация, когда в среде сторонников власти обрастание имуществом, приобрело устрашающие цифры. По мнению большевиков, «обрастание» имуществом на столько притупляло классовую сознательность, что приходилось посылать специальные директивы для принятия мер по его устранению. И.В. Нарский объясняет стремление сделать карьеру как один из главных ме-

---

¹ Туфанов Е.В. Кадры региональных управленцев в 1920–1930-е годы: становление и функционирование (на материалах Северного Кавказа). Ставрополь, 2018. С. 60.

² ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 193. Л. 3.

³ Воробьев С.В. Власть и социальное конструирование советского общества в 1920–1930-е гг.: практика против теории // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2017. С. 506–507.

ханизмов адаптации людей, «когда в остановке нарастающей нищеты мотив выживания отодвигал и парализовал все стимулы к социально одобряемому поведению»¹.

И только примерно 10% комбатантов, в основном это лидеры движения, выдвинулись на высшие посты в новой иерархии власти. Именно в 1920–1930-х гг. формировался немногочисленный слой номенклатуры, которая имела хорошо оформленную систему привилегий². В 1926 г. Северо-Осетинский обком ВКП(б) утвердил номенклатуру ответственных должностей, представленную двумя списками. В список № 1 входили все высшие должностные лица СОАО от секретаря обкома ВКП(б) до секретаря обкома ВЛКСМ. Во второй список входили секретари партийных ячеек, например, завода «Кавцинк», секретарь партячейки с. Ногир и т.д.³

В зависимости от принадлежности к разряду, устанавливались должностные оклады (см. Приложение 3). Исходя из этого, люди, оказавшиеся в номенклатурных списках, имели преимущество перед остальными, т.к. получали не только повышенную зарплату, но и паек, социальные льготы.

Высшее звено партийно-государственной бюрократии занимали немногие участники революционных событий, у которых был определенный опыт общественной деятельности, показавшие себя хорошими организаторами масс, к тому же они получили хорошее образование либо до революции, либо

---

¹ Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001; Никулин В.В. Власть и общество в 20-е годы. Политический режим в период нэпа. Становление и функционирование (1921–1929 гг.). СПб., 1997. С. 444.

² Туфанов Е.В. К вопросу становления системы льгот и привилегий партийно-государственной номенклатуры 1920–1930 гг....; Браунинг К.Р., Сигельбаум Л.Х. Социальная инженерия. Сталинский план создания «нового человека» и нацистское «народное сообщество» // За рамками тоталитаризма. Сравнительные исследования сталинизма и нацизма. М., 2011. С. 301–348; Воробьев С.В. Власть и социальное конструирование советского общества в 1920–1930 гг.: практика против теории // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2017. С. 506–507.

³ ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 1. Д. 246. Л. 8.

в числе «красного студенчества», т.е. тех, кого направили на учебу в вузы страны¹.

В качестве иллюстрации восходящей карьеры бывшего красного партизана приведем биографию К.К. Борукаева. Получил образование на историко-филологическом факультете Петербургского университета. С мая 1917 г. активно участвовал в революционном движении на Тереке. В 1919 г. вступил в РКП(б). Во время деникинской оккупации был активным участником борьбы за установление советской власти, возглавлял подпольный ревком Северной Осетии. Делегирован на X съезд партии. С 1924 г. находился на ответственной работе в областных органах. Последняя должность – ответственный секретарь Северо-Осетинского обкома ВКП(б)².

Столь же примечательна была биография М.Д. Бегизова. Получил духовное образование в Ардонской семинарии, преподавал у себя в с. Едыс. В 1919 г. вступил в партию большевиков, руководил Юго-Осетинской организацией РКП(б). В 1921 г. работал в политбюро Юго-Осетии при ЧК Грузии в качестве уполномоченного № 1. В 1925 г. работал в Юго-Осетии ответственным секретарем райкома партии СКШ. В 1931–1933 гг. учился в Москве, в Институте экономики красной профессуры. По возвращении возглавил политотдел в Южной Осетии³.

Партийные и идейные сторонники возглавили все отраслевые комиссары. Именно у этой части бывших партизан отмечен восходящий карьерный рост. К примеру, в этом отношении показательна судьба партийного функционера Марданова Н.И., члена партии с 1919 г., участника освободительного движения 1918–1920 гг., заместителя командира повстанческого отряда 2-й Осетинской бригады. После демобилизации в 1923–1924 гг. он был направлен на командные курсы, принял участие в подавлении Кронштадт-

---

¹ Гаглоева Б.Б. Формирование национальной элиты Южной Осетии в 1920–1930-х гг. // Глобальный научный потенциал. СПб., 2018. № 12 (93). С. 198–203.

² Цит. по: Царикаев А.Т. Кто руководил Северной Осетией. 1924–1938 гг.: биографический справочник. Владикавказ, 2011. С. 14–15.

³ ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 1188. Л. 1.

ского мятежа, за что был награжден орденом Красного Знамени. По возвращению на родину назначен заместителем наркома внутренних дел Южной Осетии, позже стал начальником областной милиции, а затем назначен секретарём Ленингорского райкомов партии с окладом в 720 р. и т.д.¹ Карьерный рост произошел и в биографии В. Газзаева, который приказом ЦИК Юго-Осетинской АО назначен заведующим Юго-Осетинской 1-й советской типографии². Удачно сложилась карьера К.С. Алборова. Обладая не только хорошими организаторскими способностями, но имея поддержку в лице А. Джиева (члена ЦИК ЮОАО), Алборов начал свое восхождение с поста председателя Кударского сельского совета и дошел до должности заместителя председателя исполкома³.

Для успешного функционирования государственной системы должен происходить своеобразный обмен между партийно-государственной элитой и народной массой (некоторые слои элиты выталкиваются из своей ниши и отправляются вниз – к народу, встречное движение идет снизу, когда из гущи народных масс поднимаются талантливые представители, и/или те, кто пользуется поддержкой и покровительством патрона, способные пополнить слой элиты). Попавшие в структуру старались упрочить свои позиции и держаться своей ниши. Многим это удавалось вплоть до печальных событий второй половины 1930-х гг., когда по стране прокатился Большой террор.

Какие же ступени в этой иерархии занимали бывшие красные партизаны? (см. Приложение 7). Большинство их вступило в партию в 1922–1929 гг., это было одним из решающих условий карьерного продвижения. Прежде всего, они осваивали те специальности, которые были тесно связаны с их прежним занятием – милиция, ГПУ, охрана и т.д. Примерно 25% работников милиции представлены бывшими комбатантами.

---

¹ ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 5001. Л. 5.

² Там же. Д. 227. Л. 2.

³ Гаглыева Б.Б. Формирование национальной элиты Южной Осетии в 1920–1930-х гг. // Глобальный научный потенциал. СПб., 2018. № 12. С. 200.

В ряды сельской интеллигенции влилось примерно 5% бывших партизан, имевших образование и готовых преподавать в школе; 10% – это председатели колхозов, сельсоветов; 3–4% комбатантов входили в состав партизанских комиссий и получали неплохие продовольственные пайки, талоны на приобретение одежды, обуви и бесплатное отопление. Часть комбатантов получали работу в автоколоннах, на предприятиях, стройках в качестве шоферов, трактористов¹. Следовательно, именно из этих категорий населения постепенно складывалась местная элита.

Ответственным работникам из среды бывших партизан не были чужды радости жизни. Так, мандатная комиссия горсовета разбирала персональное дело члена горсовета Б-на, который февральским вечером устроил дебош в винном погребе. В состоянии сильного опьянения бузил, с револьвером в руках пугал завсегдатаев заведения, вызванный наряд милиции привел его в бешенство: «Я член горсовета, и никто меня не может задержать, что угодно, то и натворю»². Не отстал от коллеги и член горсовета К-в, который в нетрезвом виде устроил дебош³.

Возвращаясь к вопросам анкеты, отметим, что остальные пункты связаны с описанием боевого пути комбатанта. Последнему нужно было перечислить, в каких партизанских частях, служил и какую работу выполнял. Например, Е. Кисиев в своей анкете писал: «В 1918 г. участвовал во всех боях против белых в г. Владикавказе. Воевал в 1-м партизанском отряде под командованием тов. Семенова. При наступлении белых отступить не успел и остался работать в железнодорожной мастерской слесарем»⁴.

Б. Абаев так описал свой боевой путь: «В составе партизанского отряда принял участие в революционном движении крестьян Рукского района в 1919 г.; под предводительством Плиева Александра, участвовал в июньском

---

¹ ЦГА РЮО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 406. Л. 1–4.

² Хубулова С.А. Деятельность Северо-Осетинской комиссии по делам бывших партизан и красногвардейцев (1924–1935 гг.) // Известия СОИГСИ. 2017. № 23 (62). С. 139.

³ ЦГА РСО-А. Ф. Р-56. Оп. 8. Д. 16. Л. 27.

⁴ ЦГА РСО-А. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 859. Л. 21.

восстании 1920 г. трудящихся против грузинских меньшевиков. После разгрома повстанцев перешел вместе с отрядами в Северную Осетию»¹. В подтверждение своих слов он указал в качестве поручителей Г. Багаева и К. Багаева, с которыми сражался в одном партизанском отряде. Красные партизаны Южной Осетии в данной графе обычно отмечали следующее: «Вместе с частями повстанцев после разгрома июньского революционного выступления в 1920 г. был вынужден покинуть Юго-Осетию и перешел на Северный Кавказ». Согласно обработке данных анкет, примерно треть красных партизан и красногвардейцев имела опыт военной службы в царской России, т.к. была призвана в действующую армию в годы русско-японской или Первой мировой войны. Также из анкет удалось установить, что некоторые получили военное образование: «был курсантом на кадетско-сельских курсах тяжелой артиллерии», «пулеметчик в царской армии и в Красной армии»². Некоторые начинали рядовыми, но и в процессе службы проявили смелость, отвагу и имели возможность сделать неплохую карьеру по военной линии. Среди них – уже отмеченный М. Санагоев, Д. Тогоев, Г. Гассиев, Т. Кочиев и др.

Известно, что после оккупации территории Северной Осетии деникинские войска стали теснить красноармейцев и красных партизан к горам. Единственным возможным выходом из данного положения был переход в меньшевистскую Грузию. Современники так вспоминали переход через горы: «Ложбины были заполнены снегом, и от встряски при массовом скоплении людей угрожали обрушиться громадные глыбы. Люди, таким образом, рисковали каждую минуту быть погребенными под снежными лавинами. Спуск был почти отвесный, люди катились вниз, т. к. удержаться на подобной крутизне было невозможно. У многих пропало зрение от ослепляющей поверхности снега»³. Другая часть красногвардейцев и комбатантов нашла приют в горах Чечни и Ингушетии.

---

¹ ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

² ЦГА РСО-А. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 828. Л. 14.

³ ЦГА РСО-А. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 1094. Л. 32.

Нередко при заполнении анкеты соискатель старался приукрасить свое участие в боевых операциях. Так, М. Колиев, поставленный комендантом в с. Тугановский (Дур-Дур), «во время наступления на полковника Серебрякова в Кабарде был назначен командиром отряда. Когда арестовали Серебрякова, он сказал, что если бы у меня было 100 таких бойцов, как Колиев, то всю Терскую область мы взяли бы за неделю»¹. В рекомендации, данной командиром отряда Б. Канукову, представлена следующая характеристика: «Был неустрашим, и никогда не опасался за свою жизнь, выполняя мои указания...»² Но иногда, стремясь доказать свою исключительную роль в той или иной операции, соискатели могли попасть в курьезную ситуацию. Хорошо известный факт о захвате броневика в г. Владикавказе, в изложении некоторых бойцов, выглядел исключительной заслугой конкретного красногвардейца, и каждый раз другого.

Судьбоносным мог оказаться и пункт о нахождении на оккупированной территории или в плену. Каждый комбатант обязан был дать пространный ответ на эти вопросы и указать на сослуживцев, подтверждающих его слова. Так, Р. Гаглов в 1920 г. был арестован меньшевистским правительством, но смог бежать с поезда во время отправки в Кутаисскую тюрьму³; Т. Гаглов был взят меньшевиками в плен, приговорен к расстрелу, но ему также повезло бежать⁴. Другой соискатель указывал, что, находясь в плену, он «выпустил подпольный журнал о расстреле 26 коммунаров»⁵.

Что касается судьбы сотни красноармейцев и красных партизан, отступивших с территории Северной Осетии через Кавказский хребет в сопредельную Грузию, то и она оказалась не менее рискованной. Грузинское правительство вело затяжные переговоры, с целью выторговать для себя выгодные условия приема голодной, оборванной и тифозной массы. Чтобы воспре-

---

¹ ГАНИ РСО-А. Ф. 1849. Оп. 2. Д. 23. Л. 3–6.

² ЦГА РСО-А. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 874. Л. 2.

³ Архив ЮОНИИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 39. Л. 6.

⁴ ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 47. Л. 1–2.

⁵ ЦГА РСО-А. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 742. Л. 6.

пятствовать этим планам, министр рекомендовал правительству «пройти с войсками республики Грузия весь Южно-Осетинский район и надежно занять государственную границу с Терской областью, дабы превратить слияние Южной и Северной Осетии...оградить ее от вторжения контрреволюции с Северного Кавказа»¹.

В конечном итоге беженцы из России оказались размещенными в разных приграничных населенных пунктах став военнопленными. Большинство беженцев сразу оказались в плену меньшевистского правительства Грузии. Многие из них дважды переболели тифом из-за отсутствия должных условий жизни и питания. Определенная правительством норма питания составила $\frac{3}{4}$ фунта хлеба, что явно не хватало для поправки здоровья². В большинстве анкет данные события нашли своё отражение в разной степени. Однако следует отметить, что почти половина респондентов не смогла впоследствии добиться положенных им льгот для лечения.

Беженцы вспоминали о тех муках, через которые им пришлось пройти в плену: «Меня ежедневно истязали, т.е. избивали рукояткой парабеллума, выбили у меня 13 зубов, и я был избит так, что в продолжении двух месяцев не мог поправиться»³. Не лучше обстояли дела и у остальных партизан, которые содержались в помещениях, где даже не было кроватей: «...Спят на голом полу, ...воду для питья носят из Куры и употребляют негрязную и некипяченную...»⁴

Некоторые комбатанты так описывали своё пребывание в Грузии: «Около двух месяцев лежал в больнице, перенёс сыпной и возвратный тиф. После был чернорабочим, косил сено, убирал улицы в Тифлисе»⁵. В документах встречается и такое объяснение: «Ввиду тифозного состояния был взят в плен в 1919 году и пролежал больным до 1920 года, вплоть до прихода Крас-

---

¹ ГАНИ РСО-А. Ф. Р.-1849. Оп. 2. Д. 92. Л. 1.

² ГАНИ РСО-А. Ф. Р.-1849. Оп. 2. Д. 34. Л. 16.

³ Там же. Д. 92. Л. 9.

⁴ ГАНИ РСО-А. Ф. Р.-1849. Оп. 2. Д. 34. Л. 26.

⁵ ЦГА РСО-А. Ф. Р.-60. Д. 731. Л. 21.

ной армии»¹. Стремительное наступление частей генерала А.Г. Шкуро внесло некоторую дезорганизацию при отходе керменистов и красноармейцев в безопасные районы Осетии. В виду страшной эпидемии холеры и брюшного тифа, многие комбатанты месяцами лечились, и были не в силах заниматься работой, а тем более организовать подпольные отряды.

В письме на имя С.М. Будённого отвергнутый комиссией партизан писал: «Надо знать, кого выбрасывать из партизан, и надо знать ту обстановку, в какой мы были в плену у белых»². Но для проверочной комиссии такие подробности были не нужны, следовало предоставить неопровержимые доказательства своей подпольной деятельности в плену. Если не находилось людей, подтверждающих факт плена и поведение соискателя, то документы возвращались с резолюцией, и следующей формулировкой: «Отказать, документы изъять на основании того, что оставался 1 год и 2 месяца на территории белых/ грузинских меньшевиков, и анкета никем не подтверждена»³.

Эти и другие препоны лишали возможности многих комбатантов быть причисленными к сообществу красных партизан (см. Приложение 9 а). Конечно, проверка нужна была выявления лжепартизан, которых в 1920-е гг. появилось довольно много. В результате скрупулёзного изучения всех пунктов анкет и рекомендаций удавалось раскрыть некоторых из них. Так отказали Г-ву, который указал на своё участие в составе партизанского отряда И. Харебова в Сачхеретских событиях 1920 г. Проверочная комиссия в своём заключении указала: «Отказать, так как в 1920 году в Сачхере не было восстания»⁴. Партизанская комиссия Владикавказа в результате проверки отказала некому красному комбатанту, выяснив, что он «служил в белой армии добровольно»⁵. Еще один лжепартизан был изобличен как офицер контрразведки в штабе А.Г. Шкуро. Но в большинстве случаев сведения счетов стано-

---

¹ ЦГА РСО-А. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 775. Л. 439.

² Там же. Д. 777а. Л. 74.

³ Там же. Л. 19.

⁴ ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 149. Л. 1–2.

⁵ ЦГА РСО-А. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 777а. Л. 16.

вилось рычагом, под воздействием которого в стан лжепартизан попадали и заслуженные боевые лидеры.

Но основная масса красных партизан не получила от новой власти никаких вознаграждений и, кроме этого, лишилась возможности получать льготы. Исследователи отмечают высокую петиционную активность комбатантов. В поступающих жалобах отчетливо проявлялся психологический надлом, когда заслуженный человек протестовал против низведения его до ничтожного состояния.

Апеллируя к властям, своим бывшим командирам, известным общественным деятелям, «маленький человек» пытался донести свои заботы, тяготы, искал помощи и поддержки. К концу 1920-х гг. большинство красных партизан оказались за бортом новой жизни и тех бонусов, которые они не получили¹.

В своих письмах адресанты указывают на тяжелое материальное положение, невозможность удовлетворить самые скромные житейские нужды (см. Приложение 6). Бывшие соратники по борьбе обращались к своим командирам и просили не оставлять их в беде и помочь материально. Также они просили помочь им устроиться на работу, определить на учёбу детей и т.д. В эго-документах по-прежнему сохранялась военная риторика; в своих обращениях они называли респондента «революционный товарищ», «боевой друг»². Такие письма – прошения получали Д.П. Жлоба, С.М. Буденный, К.С. Бутаев, М.И. Калинин. Иногда помощь поступала, что было не только материальной, но и моральной поддержкой бывшего партизана, который считал: «Про нас, как красных партизан, забыли и думать, что мы есть на свете»³.

---

¹ Лившин А.Я. Власть и общественные настроения послереволюционной эпохи (по письмам во власть). URL: <http://ecsocman.hse.ru/> (дата обращения: 19.01.2022).

² Хубулова С.А., Гаглоева Б.Б., Сосронова З.В. Послереволюционная жизнь бывших красных партизан (по материалам Северной Осетии) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. Грозный, 2018. № 6 (43). С. 79–89.

³ ЦДНИРО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 2. Л. 193.

Комиссии не располагали достаточными финансовыми возможностями, и выделяемые единовременные пособия в размере 3–5 руб. не спасали от голода и нищеты¹ (см. Приложение 10).

Те партизаны, которые смогли пройти через все препоны, признавались надежными и верными сторонниками большевиков. Это дало возможность исследователям говорить о безоговорочной поддержке политики ВКП(б) всеми комбатантами².

Одних представленных соискателем документов было явно недостаточно, требовалось установить круговую поруку среди красных партизан, чтобы каждый отвечал за всех, а все – за одного. С этой целью стали практиковать рекомендовать людей, которые сами прошли «чистку», по этой причине их поручительствам можно было доверять. Но если что –то в рекомендации вызывало малейшее сомнение, документы переправлялись в УНКВД, где проверялись документы не только соискателя, но и поручителей³.

Требовалось выявить родственные или кумовские связи, в случае недостоверной информации, например, в УК Грузии (ст.95) предусматривалось уголовное наказание. Так, в случае с Пухаевым С., которому дали рекомендации пять активных краснопартизанских лидеров, в том числе Карсанов П. (командир отряда). Последних рекомендовалось «привлечь к строгой партийной ответственности из-за подложных справок, а беспартийных привлечь к ответственности уголовного порядка за подлог»⁴. Таким образом, деятельность партизанских комиссий в 1920-х гг. предполагала отпор среди краснопартизанского сообщества. Именно анкеты и протоколы партизанских ко-

---

¹ ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 795. Л. 23.

² Метёлкина Л.Н. Бывшие красные партизаны как ресурс региональной элиты (на примере Восточной Сибири первой половины 1930-х годов) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 5 (11), ч. 3. С. 120.

³ Чистиков А.Н. «Надо арестовывать осторожно»: судебная ответственность советской бюрократии 1917–1920-х гг. // Россия в XX веке: проблемы политической, экономической и социальной истории. СПб., 2008. С. 126.

⁴ Деятельность комиссии по оказанию помощи бывшим красным партизанам Осетии 1920–1930-е гг.: сб. документов и материалов / сост. Б.Б. Гаглоева. Цхинвал, 2018. Т. 2. С. 97.

миссий станут основой репрессивных дел, широко развернутых НКВД в 1937 г., по отношению к выявленному ядру этнических лидеров.

Обычно жалобы отличались большим трагизмом. В фондах партизанских Комиссий отложилось большое число заявлений с описанием тяжелой материальной ситуации в семьях, с жалобами на то, что невозможно получить работу, накормить детей и т.д. Обращаясь к адресанту, заявитель вспоминал, что в годы гражданской войны он не щадил своего здоровья и даже жизни ради светлого будущего. Когда же, наконец, установилась новая власть, она не принесла видимых облегчений в жизни¹.

Таким образом, в ходе работы партизанских Комиссий в исследуемый период стали складываться контуры будущего раскола в краснопартизанской социальной группе, оно разделилось на большинство неимущих, бесправных, обиженных и небольшой слой состоявших в карьере сослуживцев. Система выдвиженчества приводила часто к несправедливой возможности принижения некогда сильных руководителей, что также послужило детонатором недовольства.

2.3. Репрессии в отношении бывших красных партизан Северной и Южной Осетии в 1930-х гг.

В конце 1920-х гг. в стране стал складываться диктаторский режим, предполагавший контроль во всех сферах жизни. Тезис И.В. Сталина об обострении классовой борьбы по мере построения социализма повлек за собой разоблачительные процессы, выявление несогласных с генеральной линией государства. Руководитель Коммунистической партии заявил, что, прежде чем констатировать создание социально однородного государства, надо ликвидировать создание социально однородного государства, надо ликвидировать всех классовых врагов. По мнению исследователей, благодаря

---

¹ Даренская И.В. «Письма во власть» как источник анализа отношений власти и общества в 1920–1930-е гг. // Вопросы всеобщей истории. Владикавказ, 2013. Т. 15. С. 31–32.

хорошо организованной кампании по разоблачению скрытых врагов стало возможно переформатирование массового сознания советских граждан, манипулирование им. В русле этого процесса происходило дальнейшее ужесточение мер по лишению прав новых категорий населения. Таким образом, создавалась регулируемая государством структура общества¹.

Проводимые политические процессы затрагивали не только традиционных оппонентов режима (кулачество, «бывшие»), но коснулись даже тех общественных сил, которые всегда считались надежной опорой власти (некоторая часть партии, бывшие красные партизаны и др.). В циркулярном письме ЦК ВКП(б), поступившем на места в ноябре 1929 г., от партийных организаций требовался самый подробный анализ процессов, происходивших в партизанской среде. Прежде всего, следовало произвести подсчет проживающих в данном населенном пункте партизан, затем определить их имущественное положение, нужды семьи. Местные партийные ячейки должны были охарактеризовать настроения партизанского сообщества, их отношение к мероприятиям, участие в общественной жизни; идеологическую работу среди партизан, при возможности продвижение по служебной лестнице².

Так как местные партийные ячейки не проявляли должного внимания к сбору информации, было принято решение о создании Комиссий по проверке бывших красных партизан и красногвардейцев, взамен тех Комиссий, которые функционировали в 1926–1929 гг. и не справлялись, по мнению властей, с новыми задачами. Это мероприятие носило долговременный характер и проходило в рамках ужесточения политического режима в условиях переходного общества. 25 марта 1930 г. Постановлением СНК РСФСР по всей стране создавались филиалы Всесоюзной комиссии по делам бывших красногвардейцев, красных партизан годы и дружинников 1905 г.

---

¹ Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы) / С.А. Красильников, Л.И. Пыстина, М.С. Саламатова [и др.]; отв. ред. С.А. Красильников. 2-е изд. М., 2017. С. 11.

² Посадский А.В. Феномен красных партизан. 1920–1930-е годы. URL: <https://biblioteka.by/m/articles/view/Феномен-красных-партизан-1920-е-1930-е-годы> (дата обращения: 09.08.2022).

Северо-Осетинская комиссия была образована 19 мая 1930 г. (Постановление ЦИК Северо-Осетинской автономной области). В своей деятельности комиссия руководствовалась инструкцией по организации и проведению проверки рядов красных партизан.

Если комиссии, созданные в 1920-х гг., занимались проверкой документов красных партизан и оказанием социальной помощи, то комиссии 1930-х гг. работали исключительно для чистки списков, передав социальные вопросы в распоряжение собесов. В 1920-е гг. критерии отбора красных партизан и красногвардейцев были просты: ответить на вопросы анкеты, заручиться рекомендациями двух соратников.

В начале 1930-х гг. требования к отбору стали жёстче. Наряду с заполнением анкеты из 14 пунктов (часть вопросов была перенесена из анкеты образца 1926 г., но с большей детализацией), прилагались заверенные рекомендации не просто от участников Гражданской войны, а от непосредственных свидетелей боевого пути рекомендуемого (см. Приложение 11). Важно было уточнить и ряд других вопросов в биографии соискателя: является ли он членом профсоюза; не лишен ли право выборов в советы; семейное положение; общее образование; был ли под судом или следствием; был ли арестован, наказан административно или в ином порядке (когда, где, за что) до революции или после; полученное военное образование: а) в царской армии; б) в Красной армии; когда, где и в какой именно дружине или отряде Красной гвардии служил; если вступил в краснопартизанский отряд, то на какую должность; кто был начальником отряда и где он находится на момент заполнения анкеты; подробно перечислить ,в каких местностях, каких годах и в каких именно боях принимал участие; имеет ли ранение (когда и где ранен); имеет ли знаки отличия и награды за боевые действия и какие; о службе в отрядах какие имеются документы(приложить заверенную копию); если нет документов, которые могут подтвердить службу в отрядах, приложить официальное подтверждение не менее двух руководителей; отношение к военной

службе в настоящее время, где состоит на учете и по какой должности (если снят с учёта, то по какой причине)¹.

В условиях политического контроля и конституционных ограничений прав части населения было важно не пропустить в ряды красных партизан лишенцев. Поэтому анкетные вопросы продиктованы вызовами времени.

Многие комбатанты получили ранения разной степени тяжести. В результате случайной выборки 500 анкет установлено, что ранения получили примерно 40%: «ранен в грудь, пролежал 1 год и 2 месяца»; «имею контузию в боях на Армавирском фронте»; «получил ранение в двух местах, бедро и голень, оттуда до сих пор идет гной»; «болен двухсторонним туберкулезом и воспалён позвоночный столб». Из получивших ранения около 15% стали инвалидами: «ампутирована правая нога», «удалён глаз», «лишился руки»².

Жестокость, присущая любой войне, в ходе гражданского противостояния перешла все допустимые границы. В своих анкетах и автобиографиях комбатанты отмечали факты негуманного отношения к мирному населению, в том числе к семьям красногвардейцев и красных партизан. Комиссию интересовали вопросы к рекомендателям: служил ли соискатель в Красной армии после расформирования Красной гвардии; состоял ли в родстве (и в каком) с тем гражданином, которому выдает это поручительство; кому конкретно, где и когда были еще выданы поручительства, для получения права льгот и звания красный партизан и красногвардейца; где, когда и при каких обстоятельствах рекомендатель узнал бойца, которому выдает рекомендацию³.

С 1931 г. ежегодно проводились перерегистрации и обстоятельные проверки анкет всех красных партизан, даже тех, кто ранее был утвержден в этом звании. Большой проблемой было как прохождение регистрации, так и сохранение звания в последующих проверках.

---

¹ ЦГА РСО–А. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 1095. Л. 27.

² Там же. Д. 834, 836, 859.

³ ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 9. Л. 4.

Задачей проверок было не только выявление самозванцев, обманом проникших в ряды партизан и пользовавшихся всеми льготами, но вместе с тем комиссия получила партийное наставление – очищаться также от тех, то чернил имя красного партизана своим поведением¹.

Работа комиссий должна была строиться путем привлечения красных партизан к проводимым на селе мероприятиям, вовлечения их в ряды актива, идущего впереди², действенным механизмом на этом пути должны были стать льготы, предоставляемые ветеранам.

Над районными комиссиями возвышалась республиканская Комиссия, которую возглавляли первые лица республики, обязательно представители ОГПУ, военкомата, а также Истпарта, которому поручалось собирать материалы для последующей публикации воспоминаний участников революционных событий³. Северо-Осетинский Истпарт был создан после окончания Гражданской войны, в 1921 г. Основная его задача заключалась в сборе материала по истории революции и войны, а также воспоминаний участников этих событий.

Важно было так организовать партизан, получивших удостоверения, чтобы они, посещая открытые собрания партизанских ячеек, разоблачали «кулацкую сущность требований созыва отдельных партизанских собраний, которая сводится к попытке сохранить в отношениях к партизанам сплошной, а не классовый подход»⁴. Такое указание в инструкции свидетельствует о том, что власть была заинтересована в расколе партизанского сообщества, противопоставляя «своих» остальным. Эта тенденция сохранилась и в период проводимых репрессий.

В инструкции был прописан механизм организации и работы Комиссии. Решения Комиссии могли быть в месячный срок обжалованы в Президиум соответствующего исполкома или Совета; определены методы – откры-

---

¹ ГАРО. Ф. Р-2993. Оп. 1. Д. 213. Л. 8.

² Там же. Д. 169. Л. 38.

³ Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК .1931. 29 сентября.

⁴ ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 317. Л. 18.

тость и представительность. Не возбранялось проводить заседания с выездом на предприятия и колхозы.

Проходящему перерегистрацию бывшему партизану, а также каждому заявившему о своей принадлежности к краснопартизанскому движению и революционным событиям, помимо заявления, следовало предъявить несколько документов, удостоверяющих личность, и не менее двух справок от рекомендателей¹ (см. Приложение 12) от ответственных политических руководителей партизанского движения, краткие сведения о боевой деятельности, с указанием примерных дат, местностей, где отряды оперировали, нескольких фамилий известных командиров и участников этих событий. Желательным было предоставление характеристики от администрации учреждения по месту последней работы, справки, выданные Истпартом или партийной организацией не ниже райкома, подтверждающие участие бойца в боях, заверенную копию архивных документов, указание прохождения проверки в одном из городов России (если таковая имелась).

Обязательным стало в рекомендациях сослуживцев указывать, что претендент проявил себя с лучшей стороны и всегда выступал за идеи большевиков. Так, в справке, данной М. Бибилову для предоставления в комиссию, отмечено, что он «показал себя весьма выдержанным и стойким коммунистом, беззаветно храня порядки советской законности. Согласно личному желанию, тов. Бибилову получить марксистское образование, Облпартком Юго-Осетии находит необходимым удовлетворить его просьбу»².

Вместе с тем, следует отметить некоторые изменения во внутрипартизанском социуме в 1930-е гг. Если в 1920-х гг. командиры всегда откликались на просьбы своих подчинённых, даже плохо помня их поименно, то с постоянными «чистками» рекомендатель стал более осторожным. Так, бывший комбатант, позже занявший руководящий пост в Орджоникидзевском горсовете, отказал своему однополчанину в помощи, сославшись на то, что

---

¹ ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 1080. Л. 41.

² Хубулова С.А., Гаглоева Б.Б. «Про нас, про красных партизан...»... С. 61.

«всякая инстанция, получив мое свидетельствование, вполне естественно, имела бы право сомневаться, в том, что моя рекомендация соответствует действительности»¹.

В случае если комиссию не удовлетворяли представленные документы, она могла запросить ОГПУ (НКВД) провести проверку изложенных фактов. Но наибольшие жалобы стали поступать на решения самих комиссий. Несмотря на указание фиксировать в протоколах причину отказа, это часто нарушалось, в следствие чего отвергнутые бойцы в своих жалобах стали отмечать факт, отсутствия аргументов для отказа. Соответственно затруднялась сама процедура оспаривания решения партизанской комиссии.

Комиссии по чистке работали напряженно, т.к. в отведенные сроки необходимо было осуществить проверку документов большого количества претендентов. Свои заседания Комиссия начинала в пять часов вечера и заканчивала глубокой ночью². Такую загруженность можно было бы посчитать причиной допущенных ошибок при разборе личных дел, однако многие заявления партизан свидетельствовали именно о предвзятом отношении со стороны членов Комиссий. Например, в ходе одной из таких чисток в июле 1933 г. было заслушано 109 чел., из них отказано 22; 67 прошли проверку, остальным было предложено передать в комиссию подтверждающие документы³. Причем из тех, кому было отказано, 10 чел. сразу оспорили решение комиссии.

Опасения комиссии вызывало поведение некоторых особо обиженных, которым было отказано в причислении к партизанскому сообществу: в адрес комиссии высказались всевозможные угрозы, вплоть до убийства. Неприязнь вызывали те члены Комиссии, которые своими действиями мешали, по мнению адресантов, прохождению проверки. Так, П.А. Севрюков обратился с письмом на имя секретаря обкома ВКП(б) К.С. Бутаева, в котором дал не-

---

¹ ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 1083. Л. 7.

² ПО ЦГА РЮО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 157. Л. 103.

³ ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 817. Л. 9.

лестную характеристику председателю Орджоникидзевской комиссии по проверке красных партизан Л. Михалашу. «Заявляю, что председатель партизанской комиссии Михалаш – авантюрист, жулик»¹. Не исключал субъективности председателя президиума Комитета красных партизан Южной Осетии и обиженный отказом В. Джиоев: «Достаточное количество рекомендаций, подтверждающих мое участие партизанских выступлениях, заставляют меня сомневаться в беспристрастности подхода главы Президиума к этому заявлению»².

Для плодотворной работы комиссий по проверке были разработаны инструкции, которые постоянно дополнялись и совершенствовались. Появление новой инструкции в 1932 г., в которой круг отказников был описан более подробно, чем ранее, вызвало мощную волну запросов из окружных, областных комиссий в краевую и даже в ЦК ВКП(б). Они касались определения процедур, связанных с лишением и восстановлением в правах красных партизан. По инструкции каждый соискатель обязан был лично присутствовать при разборе его дела и суметь ответить на вопросы. Если того требовали обстоятельства, то приглашались и рекомендатели³.

При особо сложных делах привлекали представителей красных партизан округов. Вот выдержки из протоколов заседания Правобережной районной Комиссии от 14 февраля 1931 г. Среди других рассматривалось дело Б. Бирагова. Присутствующие задавали следующие вопросы: «Где находился в 1918 г.?»; «Кто был командиром?»; «Какие задания выполнял?». На все вопросы были получены удовлетворительные ответы, и соискатель считался зачисленным в общество красных партизан. На заседании Алагир-Ардонской комиссии по «чистке» заслушивалось дело Б. Цибирова. Все единогласно проголосовали «за», учитывая не только его заслуги в годы Гражданской войны, но и участие в колхозном строительстве⁴. В рядах Орджоникидзевской

---

¹ ГАРО. Ф. Р-2993. Оп. 1. Д. 171. Л. 96.

² ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 619. Л. 1.

³ ЦГА РСО-А. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 917. Л. 9.

⁴ ЦГА РСО-А. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 1094. Л. 42.

организации красных партизан значился и Г.К. Орджоникидзе, «как первый организатор, вдохновитель и руководитель красногвардейских и партизанских отрядов на Северном Кавказе»¹.

Часто положительное решение выносилось благодаря личным качествам партизана и, наверняка, отношению комиссии к его персоне, например, социальному происхождению. Нередко в своих анкетах соискатели указывали на бедность семьи, из которой они происходили: «происхожу из семьи горца-бедняка», «с детства привык к тяжелому труду». Этим соискатели хотели подчеркнуть не только свое пролетарское происхождение, но и то, что советская власть – это власть неимущих. По мнению соискателя, такая характеристика своего социального происхождения, должна была стать веским аргументом в его пользу.

Определенная субъективность принятия решений отчетливо прослеживается в материалах протоколов комиссий в разных районах Осетии: указывается фамилия, перечисляются заслуги перед революцией, а потом без прений соискатель утверждается в списках партизан². Так решением городской партизанской комиссии от 1 июля 1932 г. большим списком были утверждены бывшие комбатанты, в каждом из личных дел была стандартная запись: «Усматривая из представленных заявлений и приложенных материалов, что он действительно в 1918 г. добровольно вступил в красный партизанский отряд, считать его проверенным и признать бывшим красным партизаном»³.

Однако в ряде протоколов зафиксированы прения по рассказам претендентов, от исхода которых зависело признание/непризнание прав на звание красного партизана. Политическая гибкость власти заключалась в умении балансировать между сторонниками и противниками режима: поддерживая одних, она обрушивала на головы других карательные меры. Те люди, которые проявляли хоть какое – то свободомыслие, лишались не только социаль-

---

¹ ЦГА РСО–А. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 779. Л. 25.

² ЦГА РСО–А. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 1085. Л. 231; Д. 1087. Л. 23; Д. 1097. Л. 172.

³ ПО ЦГА РЮО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 231. Л. 4.

ной поддержки, но и политически прав, что в конечном итоге скидывало их на социальное «дно» в сообществе маргиналов¹.

В результате анализа протоколов заседаний комиссий по проверке бывших партизан разного уровня удалось определить ряд причин, по которым комбатант получал отвод.

Основная задача «чисток» заключалась в выявлении политических настроений, общественного поведения претендента в условия осуществления преобразований народного хозяйства, и прежде всего, коллективизации. Поэтому важно было определить степень участия бывшего партизана в создании коллективных хозяйств, выполнении хлебозаготовок, выплаты налогов и активной пропаганде партийных установок. В отводе, данном комиссией партизану Ч., указывалось на его участие в боях у с. Христиановское, на то, что он «в составе Юго-Осетинской бригады сражался против грузинских меньшевиков», но «выступает против всех проводимых властями кампаний, представителей называет бандитами, никого не слушает»². Человеку могли поставить в вину плохую работу в колхозе, отсутствие гражданской позиции. Так, из числа красных партизан были исключены: Медоев, как единоличник; Цаболов, как торговец³.

Большое значение имела характеристика партизана его командирами как стойкого и верного борца за советскую власть. К примеру, бывший красный партизанский командир Дикаев в официальном отзыве о Х. Гогичаеве писал: «Тов. Х.Н. Гогичаев находился в сформированном мною краснопартизанском отряде из беженцев Южной Осетии против грузинских меньшевиков и проявил себя как один из выдержанных и политически устойчивых това-

---

¹ Хубулова С.А., Хубулова Э.В. Жалобы бывших красных партизан о лишении статуса как исторический источник повседневной жизни 1920–1930-х гг. // Кавказский мир: проблемы образования, языка, литературы, истории и религии: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 80-летию ФГБОУ ВО « Чеченский государственный университет». Грозный, 2018. С. 386.

² ЦГА РСО-А. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 1080. Л. 42.

³ Медойти С. Воспоминания колхозника / предисл. В.Д. Дегоева // Дарьял. Владикавказ, 1996. № 1. С. 172; ЦГА РСО-А. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 1085. Л. 47.

рищей»¹. Семья умершего красного партизана также могла быть приравнена к утвержденным, если соратники погибшего давали хорошую характеристику, и подтверждали его участие в боях. Членам семей убитых и умерших бывших красных партизан (а именно – жене, матери и отцу), если они были престарелыми или неспособными к труду, а также несовершеннолетним детям вместо удостоверения выдавали справку, по которой на заявителей распространялись льготы. Так, вдова бывшего партизана И. Плиева подала заявление в бюро красных партизан Юго-Осетии. Рекомендации дали Н. Марданов, И. Санакоев. Комиссия утвердила семью Плиева в списке красных партизан и приняла решение распространить льготы на его детей².

Второй причиной отвода могла стать недостоверная информация о боевом пути комбатанта. Каждый партизан – гвардеец должен был описать свою партизанскую жизнь, участие в Гражданской войне и т.д. В графе анкеты об участии в боевых частях, как правило, отмечалось добровольное вступление в партизанский отряд³. Так, развернутую характеристику своего боевого прошлого дал А. Габисов из с. Христиановское, который живо описывал боевые эпизоды своей службы. Однополчане подтвердили эти факты, и Комиссия утвердила Габисова в списке красных партизан⁴. В. Газзаев описывал один из этапов своего боевого пути: «Осенью 1920 г. от революционного Юго-Осетинского народа эмигрантов был делегатом на 1 съезд народов Баку вместе с З. Харебовым и др. Причем на этом съезде была оглашена декларация от имени осетинского народа. По возвращению из Баку, это было во второй половине сентября, я застал во Владикавказе момент Бургустанского восстания. Тогда же я выехал туда, причем Мате Санакоевым мне в г. Владикавказ был вверен осетинский отряд из 200–250 человек, которых я доставил в

---

¹ ЦГА РСО-А. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 319. Л. 7.

² ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 249. Л. 1.

³ Хубулова С.А. Анкеты как часть... С. 85.

⁴ ЦГА РСО-А. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 1101. Л. 12.

г. Кисловодск на помощь Бургустанским красногвардейцам и сдал их в штаб Дзиги (Ивану) Парастаеву»¹.

Самым объемным по информации был раздел анкеты, посвященный боевому пути комбатанта. Это обстоятельство вызвано тем, что лишь заслуги перед большевистской властью могли гарантировать от нее бонусы в виде пенсии, льгот и проч.² Каждый респондент стремился как можно подробнее описать свой вклад в дело победы над белыми. В анкетах претенденты указывали на свою должность в отряде, например, П. Огурцов отметил, что «был секретарем при самооборонческом комитете Молоканской слободки»³. Д. Битаров указал, что «в партизанских отряда Рукского района был рядовым, потом стал взводным»⁴; Б. Тихилов записал, что был командиром одного из дигорских партизанских отрядов⁵.

Орджоникидзевская комиссия по проверке бывших партизан по итогам разбирательства дела Б. пришла к выводу, что он «ответами на вопросы комиссии не подтвердил боевые события, а также не знал, какие части были на том участке, где он, якобы, участвовал. Точно также не подтверждается его участие представленными справками»⁶.

Иногда революционный стаж комбатанта оказывался меньше, чем нужно было для получения почетного звания. Отказали в получении партизанской книжки-удостоверения красному партизану М. Гаглоеву, как не имеющему боевого стажа, который был активным участником освободительной борьбы в Южной Осетии, имел ранение в горло, в мирное время получил образование в Московском институте транспорта, построил до 200 км. Железной дороги, представлен к ордену Ленина⁷. Я. Сиукаев также не прошел чистку 1932 г., ввиду «малого возраста». «Считаю, – написал в своем заявле-

---

¹ ЦГА РЮО.Ф. 27. Оп. 1. Д. 227. Л. 1.

² ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 91. Л. 4.

³ Гражданская война в Северной Осетии... С. 115.

⁴ ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 22. Л. 2.

⁵ ЦГА РСО-А. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 329. Л. 11.

⁶ ЦГА РСО-А. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 158. Л. 8.

⁷ ПО ЦГА РЮО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 127. Л. 1–4.

нии Я. Сиукаев, – что восемнадцать лет – это не малый возраст для бойца». Другим бойцам отказывали по причине позднего вступления в партизанские отряды, что якобы, сильно повлияло на революционный стаж¹.

Большое внимание члены комиссии обращали на факты пребывания в плену и нахождение на оккупированной территории. Так, на очередном заседании Северо-Осетинской областной комиссии возник спор по поводу кандидатуры Б. После оглашения его биографии и боевой деятельности один из комиссии высказался против, мотивируя свою позицию тем, что «партизаном называется тот, кто открыто выступил с оружием в руках против нашего врага, однако если принять во внимание слова тов. Б., то становится ясным, что он не принадлежит включению в ряды красных партизан»². Члены комиссии не пришли к единому мнению, и решение было отложено.

Часто причиной отказа становился факт нахождения на территории белых. Если было установлено, что в этот период человек не прекращал своей подпольной работы, он получал право на заветную книжку партизана. Не всегда убедительными были объяснения, что соискатель тяжело болел и по этой причине не мог вступить в подпольную организацию, поэтому комиссия могла и отказать. Еще менее привлекательным для общественности был факт, что, оставшись в плену, красный партизан прекращал всякую борьбу и «никакого участия больше не принимал»³.

Всегрузинский Совет бывших красногвардейцев и красных партизан при ЦИК ССР Грузии пришел к следующему выводу в результате обстоятельной проверки документов: «Д., колхозник, беспартийный, утверждающий, что участвовал в восстаниях 1918–1920 гг., скрывался у себя дома во время разгрома Юго-Осетии и не имеет никаких справок о том, что он действительно скрывался, а не служил у меньшевиков. Вследствие этого исклю-

---

¹ ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 127. Л. 1–4.

² ЦГА РСО-А. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 1092. Л. 7.

³ ЦГА РСОА. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 1098. Л. 21.

чить из рядов партизан и отобрать партизанское удостоверение № 327»¹ (см. Приложение 13).

Еще более весомым аргументом для отказа были выявлены факты коллаборационизма с белогвардейцами: «А-в, гр-н с. Христиановское, середняк, 35 лет. В 1919 г. принимал участие в расстреле тифозно больных красноармейцев в родном селе. Был телохранителем коменданта с. Христиановское, ввиду чего о занесении в список красных партизан отказать»².

Девиантное поведение бывших комбатантов также препятствовало прохождению проверки. Участнику обороны с. Христиановское Гурдзибееву окружная комиссия отказала в выдаче партизанской книжки ввиду уголовного дела. Сам соискатель дал также объяснение: «Группа жуликов создала на меня уголовное дело. Заведующий столовой Ц., проворачивал грязные делишки, занимался спекуляцией. Давал мне поручения, только потом я узнал о его деяниях и потребовал объяснения. Ц., уволил меня и представил в суде дело так, как будто это я стал виновником растраты. Мне присудили 3 месяца тюрьмы, но и Ц. попался на воровстве и получил 5 лет»³. Гурдзибеев по этой причине не смог пройти две «чистки», и только в 1935 г. получил партизанскую книжку. Но были среди бывших партизан и такие, кто не гнушался заниматься спекуляцией и другими неблагоприятными делами.

Немало доставалось руководящим чиновникам и бывшим партизанам от бдительных сограждан. И для этого были причины. Многие красные партизаны открыто заявили о том, что жертвовали собой не только ради светлой идеи, но и для достижения определенных высот, кресел, материальных выгод. Было прекращено членство бывшего партизана Б., которой вел недостойный образ жизни⁴. Бывший командир красногвардейского отряда Б. захватил лишнюю жилую площадь, на которую не имел права. Уполномоченные указывали ему на этот недопустимый факт. Тогда вспылывший Б. начал

---

¹ ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 1985. Л. 169.

² ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 156. Л. 3.

³ ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 1104. Л. 2.

⁴ ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 304. Л. 22.

кричать и угрожать уполномоченным, мол, «я вас убью». Б. заявил, что он красный партизан, член партии и никого не боится¹. Так комиссия могла лишиться звания красный партизан и людей, замеченных в неблаговидном поведении. Некто К., хронический алкоголик, «выдает ложные поручительства – рекомендации за стакан вина, занимается склочничеством и сплетнями среди своих товарищей»².

Причиной отказа в зачислении могло стать лишение избирательных прав. Документы такого лишенца вообще отказывались принимать. Если соискатель не доказывал свою лояльность по отношению к проводимой политике, он также не мог рассчитывать на благосклонность комиссии. В протоколе конференции красных партизан Южной Осетии этот факт был отмечен обстоятельно, по-детски наивно, но в духе времени: «Мы знаем, что Ленин и Троцкий были большие друзья по совместной работе, но как могло случиться, что после смерти Ленина Троцкий мог изменить линию и старался подменить Ленинизм Троцкизмом, за что был изгнан. Так и нам, партизанам, надо зорко следить, чтоб в наши ряды не проникли такие, которые в будущем окажутся такими изменниками, как Троцкий»³.

Масло в огонь подливали некоторые граждане, оказавшиеся в плену губительных иллюзий о том, что их «сигналы» во власть помогают разоблачению идейных врагов. В комиссию часто поступали заявления с негативной информацией о жизни кого-то из бывших партизан⁴. Здесь следует обратиться к такому источнику, как жалобы–сигналы во власть⁵.

---

¹ ЦГА РСО-А. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 1096. Л. 19.

² ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 954. Л. 3.

³ ЦГА РСО-А. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 859. Л. 93.

⁴ ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 1319. Л. 96–97.

⁵ Измозик В.С. Политический контроль в Советской России, 1918–1928 гг. // Вопросы истории. 1997. № 5. С. 42–52; Суровцева Е.В. Письмо-донос как разновидность жанра «письма вождю» (сталинская эпоха) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 10. С. 243–245; Дик А.А., Слезин А.А. Обзоры политических настроений как источники по изучению социально-политической истории 1920-х г. // Вестник Тамбов. гос. техн. ун-та. 2005. Т.11, № 4. С. 1044–1046.

Отметим особенность этого вида источника. В ходе работы комиссий по оказанию помощи красным партизанам в 1920-х гг. разбирались письма, заявления о тяжелом материальном положении, о трудоустройстве, о направлении детей на учебу и т.д., т.е. в это время комиссии взяли на себя функции Собеса, решая социальные проблемы. Сигналы от граждан в этот период если и поступали, то в небольшом количестве. В 1930-е гг. доноительство стало поощряться режимом¹.

С психологической точки зрения такие письменные источники объясняются разными побудительными мотивами: банальной алчностью, личным соперничеством, уверенностью в полезности своего сообщения².

Это дает возможность реконструировать поведенческие практики и желание быть услышанным. Некоторые из них проливают свет на внутри личностные отношения. Большой интерес представляют так называемые сигналы с мест. Доносители имели целью сделать объект доноса объектом административно-правовых санкций. Исследователи выделяют несколько разновидностей доноса, и самый простой – манипулятивный, связанный с завистью, соперничеством в карьере, склоками³. Например, некто, пожелавший остаться инкогнито, написал пространное письмо в адрес комиссии красных партизан, в котором сообщал, что А-в держит в страхе всё село, «он занимается кляузами [так в документе – Б.Г.], его боятся и назначали в ревизионную комиссию в колхозе, начисляют трудовни, хотя не работает в поле. Всех пугает, что он красный партизан и может посадить в подвал ГПУ». Перечислив ещё некоторые прегрешения, доноситель констатирует: «Если все партизаны такие, то они теряют свой авторитет»⁴.

---

¹ Даренская И.В. «Письма во власть» как источник анализа отношений власти и общества в 1920–1990-е гг. // Вопросы всеобщей истории. 2013. Т. 5. С. 31–32.

² ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 1103. Л. 23–24.

³ Нехамкин В.А. Донос как социально-психологический феномен (из отечественного опыта 1930-х годов) // Историческая психология и социология истории. 2014. Т. 7, № 2. С. 69.

⁴ Фицпатрик Ш. Срывайте маски!: Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011. С. 240.

В ходе изучения существа доноса нередко выяснилось, что факты надуманные и только бросают тень на честного партизана. Например, по просьбе Юго-Осетинского комитета по проверке бывших красных партизан, делом С. Кобесова занялись органы НКВД. Поступивший в комитет донос «изобличал» Кобесова как лжепартизана, который в боях не участвовал, не был комбатантом. Произведенное расследование показало, что он «в указанных боях принимал активное участие, а также участвовал в партизанских боях с грузинскими меньшевиками. Материалы дела передать в Юго-Осетинское бюро красных партизан для восстановления в правах г-на Кобесова Сандро (Хушула)»¹.

Иногда разбирательством взаимоотношений членов партии и бывших партизан занимались областные властные органы. Так, на заседании партколлегии областного РКК было рассмотрено дело членов партии Пе-ва и Г-ева. «Дело возникло на почве того, что Г-в дал отвод П-ва во время чистки красных партизан, за что П-в был исключен из рядов красных партизан. Это послужило созданию взаимных склок и собиранию необоснованных материалов с обеих сторон. *Постановили:* Предъявленные обвинения П-ва к Г-ву считать недоказанными. За беспричинную склоку предупредить обоих выговорами»². Чтобы разобраться в правдивости критики, на заседание вызывались ответчик и обвинитель одновременно.

Во время проверки партдокументов бывший секретарь Юго-Осетинского обкома КП(б) Грузии, который стал жертвой судебных процессов в годы «Большого террора», был обвинен в том, что преследовал Газзаева Александра Семёновича – члена партии с 1919 г.: «Проверкой установлено, что Газзаев А.С. в меньшевистской армии не служил, а был руководителем партизанского отряда, боровшегося против меньшевистского правительства. Товарищ Газзаев А.С. восстановлен в правах члена партии и на работе»³.

---

¹ ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 1087. Л. 18.

² ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 134. Л. 11.

³ ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 559. Л. 1.

Бывший студент МГУ А. Бутаев, исключенный из вуза по причине своего социального происхождения, писал в комиссию по чистке о том, что стал жертвой клеветы, и его отец не был «министром торговли и промышленности в Горском правительстве», а наоборот, являлся членом партии «Кермен»¹. После соответствующего разбирательства Бутаев был восстановлен в рядах студенчества.

Следующая причина вытекает из вышеозначенной. Нужно принять во внимание тот факт, что любые переходные эпохи вызывают стремление некоторых людей мимикрировать к изменившейся социальной среде и по возможности слиться с ней. Пользуясь неразберихой в системе проверочных комиссий, некоторые создавали себе революционную биографию, используя для этого подлоги и подкуп для получения рекомендаций. Так, по полученным от ОГПУ сведениям, некто Гудушаури (он же Пиранашвили) Павел имел три судимости и был исключен из состава партизан г. Владикавказа. Спустя время он появился в Тбилиси с новой партизанской книжкой и стал требовать включить его в местную партизанскую организацию².

Нередко заседания комиссии становились ареной межличностных счетов. В своем письме бывший партизан К-в дал этому объяснение: «Я безжалостно преследовал всех осмеливавшиеся попирать незыблемость Советской власти и на этой почве нашёл себе врагов, жаждущих моей крови. Мои враги не дремали, они по пятам следили за мной и бессовестными доносами на меня осаждали ЧК Грузии и другие учреждения, пока не добились моего осуждения. Мои враги торжествуют, я сделался жертвой их неугомонных и авантюристических происков»³.

Отсутствие причин отказа, а также то, что члены Бюро не вынесли моё заявление на обсуждение общего собрания красных партизан (процедура, которой подвергались все остальные заявления, кроме моего), достаточное ко-

---

¹ ПО ЦГА РЮО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 248. Л. 117.

² ПО ЦГА РЮО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 123. Л. 27.

³ ЦГА РСО-А. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 834. Л. 30.

личество рекомендаций, подтверждающих мое участие в партизанских выступлениях, заставляют меня сомневаться в беспристрастности подхода главы Президиума к этому заявлению¹.

Нередко доносы фабриковались теми, кто хотел получить от власти больше, чем заслужил, и считал виной своего карьерного застоя другого.

Чтобы смыть с себя клеймо, каждый исключенный из рядов бывших красных партизан обращался во все инстанции и просил оказать содействие в разбирательстве его дела². В условиях неуклонного роста численности «вычищенных» увеличился поток жалоб (см. Приложение 14). Упорство, с которым многие боролись за свои права, объяснялось, в частности, тем, что условия их существования становились невыносимыми из-за отсутствия льгот: «Прошу не отрывать меня от выплат, так как будучи в возрасте и с плохим здоровьем мне нечем больше восстановить свое материальное положение»³; «Без партизанской книжки тут невозможно ни работать, ни учиться»⁴.

Нередко жалобщики сталкивались с бездушием тех, от кого зависел исход разбирательства: «Заявляю твердо, что никогда при Советской власти и перед нею никакое зло не сделал, на что я могу предоставить заверенные документы»⁵. На членов городской комиссии поступила коллективная жалоба бывших красных партизан. Возмущение соратников вызывало несправедливое решение, вынесенное красному партизану Гасинову, который прошел две проверки, а в 1932 г. его исключили, сославшись на открывшиеся обстоятельства пребывания последнего в течении года на оккупированной территории. Как оказалось, дело в комиссии утеряли и вынесли решение даже без личного присутствия соискателя⁶. Также незаконно дали отвод участнику Ав-

---

¹ ПО ЦГА РЮО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 155. Л. 88.

² ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 619. Л. 1.

³ Голоса народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / отв. ред. А.К. Соколов. М., 1997. С. 295.

⁴ ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 299. Л. 1.

⁵ ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 132. Л. 3.

⁶ Деятельность комиссии по оказанию... С. 360.

густовских событий 1918 г. В. Рожнову, который имел несчастье остаться на территории, контролируемой белыми¹.

Проанализировав жалобы красных партизан, постараемся выяснить, насколько удачной была их адаптация к новой социальной действительности.

Многочисленные жалобы отвергнутых партизан и красногвардейцев по всей стране вызывали в населении настроения недовольства и обиды, люди обвиняли местные власти в незаконном расширении ограничительных пунктов, связанных с непризнанием заслуг комбатантов. СНК СССР в 1932 г. было принято постановление об устранении нарушений в проведении «чисток» бывших красногвардейцев и красных партизан. Учитывая, что жалоб было много, а сроки рассмотрения были непродолжительные, можно предположить, что большинство заявлений остались без ответа. Письма во властные структуры являются отображением ситуации, при которой часть социума, довольно удачно и безболезненно вписывалась в новые реалии, в то время как другие также стремительно выбрасывались на обочину². Среди них были и те, кто имел несомненные заслуги перед властью, но в конечном итоге остался не у дел³. Наиболее веским основаниями для восстановления они считали особые заслуги перед советской властью. В заявлениях часто подчеркивалось бывшее бедняцкое прошлое, часто с подробным описанием прошлого: тяжелая жизнь, безземелье.

Например, один из просителей писал: «Мои лета (55 лет), моё классовое положение, как рабочий, действительный участник боев, заставляет меня просить Вас более справедливо и глубже подойти к моей просьбе и восстановить меня в правах бывших красных партизан. Мои товарищи, участники со

---

¹ ГАРО. Ф. Р-2993. Оп. 1. Д. 226. Л. 34.

² ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 973. Л. 13.

³ Рожков А.Ю., Мамонтова О.А. Письма «во власть» как исторический источник изучения социальных проблем студенчества в советской России 1920-х гг. // Общество: философия, история, культура. Краснодар, 2019. № 1 (57). С. 89.

мною одних и тех же боев, находятся уже в рядах красных партизан, и я полагаю, что также своей кровью заслужил это звание»¹.

К середине 1930-х гг. прежде организованная и сплоченная партизанская общность усилиями властей раскололась на два противоположных лагеря – героев революции и её изгоев. И это не было последним ударом. В Осетию партийно-советские органы 1920 гг. формировались из коммунистов-фронтовиков, бывших красногвардейцев и красных партизан. В ходе Большого террора социальная группа партизан понесло еще большие потери. Многие, не только рядовые, но бывшие организаторы и руководители революционного движения оказались в числе репрессированных. Генеральная «чистка» партийно-советского аппарата одним из способов мобилизации для осуществления политики «чрезвычайщины»². Стало очевидно, что партизанское братство мешало власти своим фрондёрством, и необходимо было создать сеть осведомителей³.

В 1935 г. деятельность партизанских комиссий была завершена, главная задача этих организаций была реализована – социальная группа красных партизан расслоилась, начались внутренние дразги, что сильно ослабило комбатантов. Власти они не могли больше причинить неприятностей, поэтому их роль была сыграна.

Пришедшие на смену старым кадрам советские руководящие работники всячески избавились от предшественников, на этой почве в партийно-советских органах региона идет выдавливание старых работников⁴. В результате омоложения партийно-советской номенклатуры власть могла не сомневаться в их преданности и постоянной готовности претворять в жизнь указаний ЦК ВКП(б). Тех, кто вызывал сомнения, пытался самостоятельно мыслить убивали в ходе партийных чисток и репрессий. Показательна в этом от-

---

¹ Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / сост. А.Я. Лифшиц, И.Б. Орлов. М., 1998.

² ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 779. Л. 24.

³ Маргиналы в социуме ... С. 197.

⁴ Хубулова С.А., Гаглоева Б.Б. Мутное зеркало истории: жизнь и судьба комбатантов гражданской войны в условиях перехода к миру... С. 95–100.

ношении судьба многих государственных деятелей, которые прошли через революционные бои в годы Гражданской войны¹.

Оставаясь одними из наиболее социально и политически активны участников жизни региона, бывшие партизаны транслировали свою позицию, с которой большевики были вынуждены считаться / не соглашаться. Так, осознавая, что внешнеполитические силы воспрепятствовали волеизъявлению осетинского народа, в недра партизанского социума, вызревал план «о поднятии повторного вопроса по объединению». Такой шанс был выделен в 1924 г., до попытки принятия Конституции СССР 1925 г., Конституции Грузинской ССР и отображения в них корм, политико-правового статуса автономной область. Передовая часть комбатантов создает комиссии / группы по началу «движения за объединение Северной и Южной Осетии» под эгидой С. Такоева². Совместные переговоры с центром четко дали понять, что центробежные процессы не только не остановлены, но и продвигаются наиболее организованной частью бывших партизан. Сложилась парадоксальная ситуация. Если ранее в пределах юга предпринимались попытки национального государственного строительства с северной частью, через Горскую АССР в РСФСР, в отрыве от Закавказья, то тогда северокавказские политики готовы были рассмотреть вливание единой Осетии в состав советской Грузии³, т.е. не отказывались от любой возможности согласования действий в процесс получения государственного суверенитета.

Следует особо подчеркнуть, что эффективное взаимоотношение и закрепление хоть каких-либо прав осетин как метода сохранения стабильности в регионе встречало неприкрытое, организованное и категорическое сопротивление определенных политических и националистических сил в грузинских верхах. Решающую и зловещую роль не только в судьбе этой группы, но

---

¹ ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1... С. 547.

² Советский проект. 1917–1930-г.: этапы и механизмы реализации: сб. науч. тр. / под ред. О.В. Горбачёва и Л.Н. Мазур. Екатеринбург, 2018.

³ ПО ЦГА РЮО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 208. Л. 10.

и будущего Южной Осетии сыграл Михака Санакоев. Последний не только не пострадал во время восстаний и геноцида 1920 г., но одновременно числился и в рядах меньшевиков, а затем в компартии. Получив власть, он стал инициатором исключения до 22 чел. бывших «спартаковцев» (подпольная организация, созданная в 1919 г. в поддержку партизан)¹.

Одновременно под влиянием идей «беспощадной борьбы с политическими противниками» началось движение за постоянную дискредитацию / исключение из общего общественно-политического процесса героев 1918–1921 гг. и членов их семей, с использованием выдуманных доносов, системы партийных чисток, страниц местной прессы и проч.² Так, с 1924 г. газетная периодика, через статьи новой советской интеллигенции, стала подвергать острой критике бывшего комбатанта, просветителя, общественного деятеля А.А. Тибилова. Ему вменялись в вину, помимо «систематического развития буржуазно-националистических идей в литературной деятельности», дружба с известными писателями – партизанами, К. Дзесовым, К. Фарнионом, Г. Дзагоевым, Ч. Бегизовым, С. Косирати и др. а также положительные отзывы о произведениях прозаиков, признанных режимом к этому времени «неудобными советской деятельности», из-за разоблачительных описаний реального положения Юга³. Все это было не случайно, ибо как представитель группы наравне с Р. Гагловым, Б. Кочиевым, ставший вопрос «о вхождении в Горскую Советскую Социалистическую Республику, а через нее в РСФСР», он не мог не вызывать опасения, его обвиняли «как бывшего эсера»⁴.

Разгромные статьи после совместных, значимых событий культурного, образовательного характера часто дублировались и в газете «Правда», вызы-

---

¹ Новиков В.В. Проблема осетинского единства в XX–XXI вв. Исторический и политический аспекты. Ранние советские годы // Кавказские научные записки. Сухум, 2012. № 4. С. 122.

² Борьба трудящихся Юго-Осетии за Советскую власть 1917–1921 гг. Документы и материалы. Сталинир, 1960. С.93–94.

³ ПО ЦГА РЮО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 190. Л. 156.

⁴ ПО ЦГА РЮО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 190. Л. 158.

вая у одной части комбатантов разочарование и обиду, а у другой – уверенность в правильности тактики и направления советской действительности¹.

Зачастую каждая заметка служила либо исключением из партии, либо пятном при трудоустройстве. Так, в связи с появившимися заметками в прессе о С. Гаглое, бывшем руководителе партизанских отрядов в 1919–1920 гг., а также Алекки Дзассохове, по решению Президиума обкома первый отчислен, а второй снят с работы, о чём не преминула сообщить редакция «Молодого ленинца»².

В это же время разгромной критике подверглись коллективы краеведческих институтов обеих Осетий. Директору Юго-Осетинского института Ч. Бегизову, бывшему партизанскому лидеру, поставили в вину тот факт, что он «по личной инициативе», без ведома обкома, внёс предложение об обсуждении на конференции вопроса об окончании осетинских фамилий», указывая на пагубность практики их обозначения на грузинский лад. Бюро обкома, осуждая внесение указанного предложения на обсуждение конференции, как проявление националистических настроений, требовало наказания³.

Отличительной чертой работы проверочных Комиссий, проводимых под неустанным вниманием представителя Грузинской союзной комиссии Г. Масхулия, в 1931–1932 гг. появилось самое большое количество отказов в присвоении статуса (причем среди них – наиболее активная часть «красных партизан», в прошлом ратующих за объединительные процессы – Р. Гаглов, С. Кулаев, М. Гаглов, Г. Санакоев и др.)⁴.

Причем отмечается возможность исправлять отказные решения, вынесенные партизанской Комиссией отдельными лицами, лояльными к республиканским властям. Так, на момент проведения заседания, исключённый из партии Ц. Абаев, брат торговца и мецената И. Абаева, по непонятным мотивам впоследствии занял пост заместителя председателя партизанской комис-

---

¹ ПО ЦГА РЮО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 190. Л. 156.

² ПО ЦГА РЮО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 191. Л. 79–84.

³ ПО ЦГА РЮО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 409. Л. 47–48.

⁴ ПО ЦГА РЮО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 62. Л. 405.

сии с пакетом льгот. Наблюдается преувеличение не только собственной значимости, но и причисление к наиболее престижной категории – рабочему классу. Так, во время проверки некоторые партизаны в графе «Социальное происхождение» предпочли указывать «рабочий» вместо «не из крестьян» (Абаев Ц., Тогоев К., Козаев В. и др.)¹.

Наряду с обвинительными заключениями, в связи с иностранными разведками, в Осетии проходили процессы по разоблачению буржуазных националистов. На заседаниях процессы по разоблачению буржуазных националистов. На заседаниях партийно-государственных органов раздавались призывы «вычислить» из рядов строителей социализма двурушников, троцкистов. В августе 1936 г. на заседании Юго-Осетинского обкома партии заслушано закрытое письмо ЦК ВКП (б) «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока». В постановлении выдвигалось требование «представить в ЦК полный список всех врагов партии (жуликов, аферистов, меньшевиков, троцкистов и т.д.), которые разоблачены и у которых партдокументы – с начала проверки последних и по сей день. Список необходимо составить отдельно на членов и отдельно на кандидатов партии, с коротким объяснением: кто он, каким путём завладел партдокументами и т.д.»². Таким образом, инакомыслие приравнивалось к уголовным преступлениям.

Под расстрельные статьи попадали многие бывшие красные партизаны, которые за свои героические поступки в годы гражданской войны получали награды. Их обвиняли в национализме, приверженности идеям Л.Д. Троцкого и Н.И. Бухарина (Мамсурова, Бутаева, Цаллагова, Таболова, Баракова с женой Еленой и др.), чем немало навредили осетинскому народу³. Среди репрессивных и расстрелянных были известные своим революционным прошлым общественные деятели, которые в 1920–1930-х гг. руководили разными

---

¹ ПО ЦГА РЮО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 233. Л. 3.

² ПО ЦГА РЮО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 112. Л. 2.

³ ПО ЦГА РЮО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 136. Л. 106.

ми сферами народного хозяйства республики. Кирилл Кесаев – известный командир партизанского отряда («носит Красный Орден, а также получает персональную пенсию от государства»), был исключен из партии как буржуазный националист, возглавивший «группу 19-ти»¹.

В приговоре Бекира Цаллаева было сказано: «За предательский прием врага народа Симон Такоева... Парторганизации района также известно, что Цаллаев был связан с врагом народа Рамоновым»².

Среди расстрелянных бывших лидеров революционного движения Северной Осетии были: К.С. Бутаев, Д.Д. Елбаев, С.А. Такоев, Д.Н. Тогоев, Г.Ф. Бараков. Партия «Кермен» (см. Приложение 15), сыгравшая исключительно важную роль в установлении советской власти в Северной Осетии, была также объявлена националистической, а те ее лидеры, которые уцелели в боях гражданской войны, были репрессированы³.

В воспоминаниях соратников лидеры партизанских отрядов предстают как герои. Но это было характерно для 1920-х гг., а в 1930-х гг. знакомство с репрессированным командиром могло негативно отразиться на его окружении. Так, по воспоминаниям партизана Т., «тов. Тогоева все красные партизаны любили и слушали как храброго и находчивого старшего товарища-партизана. Тов. Тогоев воспевается в осетинских революционных народных песнях»⁴. Однако спустя короткое время Осетия, вслед за другими регионами страны, оказалась в условиях поиска троцкистов и других оппозиционеров. Чекистами была выдумана история о Народной контрреволюционной партии, фигурантами которой стали, бывшие красные партизаны⁵. Были арестованы и переданы многие видные керменисты: Халаев, Тогоев, Тавасиев и др.⁶ Не менее лестная характеристика дана известному общественному деятелю Осетии А.М. Джатиеву: «8 июня 1920 г. Джатиев провозглашает советскую

---

¹ Цит. по: Репрессивная политика... С. 229.

² ГАНИ РСО-А. Ф. 1849. Оп. 2. Д. 7. Л. 111.

³ Там же. Д. 34. Л. 58.

⁴ Там же. Д. 57. Л. 12.

⁵ ГАНИ РСО-А. Ф. 1849. Оп. 2. Д. 124. Л. 1 об.

⁶ ЦГА РСО-А. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 412. Л. 297.

власть в Юго-Осетии он переехал на Северный Кавказ и проводил большую работу по устройству беженцев из Юго-Осетии... В 1928 г. за проявленное мужество и героизм в борьбе против врагов социалистического отечества, во время меньшевистского господства, а также в боях против белогвардейцев на Северном Кавказе Джатиев был награжден орденом Красного Знамени... Джатиев был беспредельно предан партии и народу»¹. Однако даже это не помогло спасти Джатиева А. от репрессий, после суда он умрёт в ссылке.

Обращает на себя внимание рассмотрение напоследок дел партийной верхушки Юго-Осетинской автономной области. Видимо эта группа / назначенцы, ранее одобренные руководством советской Грузии, должны, готовы были до последнего убеждать население в партийной лояльности.

Не менее ожесточенно центральные органы боролись с любым проявлением национального возрождения на местах. Так, Юго-Осетинский обком ВКП(б) подвергся разгромной критике в связи с тем, что во время обсуждения «Сталинской Конституции была допущена грубая политическая ошибка, выразившаяся в буржуазно-националистической постановке вопроса об объединении Северной и Южной Осетии»².

В 1936–1938 гг. НКВД Грузинской ССР также инспирировал немало политических дел, участников которых спешно обнаружили в среде бывшего военно-политического ядра комбатантов. Первого сентября 1936 г. полный список врагов партии («жуликов, меньшевиков, троцкистов» и т.д., якобы разоблаченных ЦК КП(б) Грузии), куда попадала и вся интеллектуальная элита Южной Осетии, лег на стол последних³. Начались аресты по надуманным причинам.

В 1937 г. этой когорте «из числа националистически настроенных интеллигентов и руководителей области» уже вменялось «требование объединения Северной и Юной Осетии», которое, в какой бы «безобидной» форме

---

¹ ЦГА РСО-А. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 1074. Л. 9.

² ГАНИ РСО-А. Ф. 1849. Оп. 2. Д. 44. Л. 5.

³ ПО ЦГА РЮО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 160. Л. 67–72.

не выдвигалось, в конечном счёте сводилось к требованию отделения Южной Осетии от Грузинской ССР. А значит, наносила удар по тщательно создаваемой советской идеологии «братской дружбы, установившейся и укрепившейся национальной политике среди народов Закавказья и Советской Грузии, и в частности дружбе между трудящимися Грузии и Южной Осетии»¹. Вскоре произошли кадровые перестановки².

Были сфабрикованы дела против известных общественных деятелей, активных участников повстанческого движения: Гаглыева Р., Тибилова А., Козаева Р., Санакоева В., Кочиева Б., Бегизова Ч., Кулаева С., Газзаева П. и др., которых называли идейными вдохновителями объединения северной и южной частей Осетии³.

Так комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) Грузии рассматривала дело И.М. Джатиева, врача, которого обвинили в том, что «разновременно, в связи с проработкой проекта новой сталинской конституции, вёл антипартийные разговоры об объединении Северной и Южной Осетии, заявляя, что решение ЦК КП(б) Грузии для него необязательно и не является авторитетом»⁴.

Большой террор не ограничился физическим уничтожением бывших красных партизан, это было многогранное политическое явление, оказавшее пагубное воздействие на все стороны жизни советского общества 1930-х гг., в том числе на «места памяти»⁵.

В обязательном порядке из библиотек, читален и книготоргующей сети были изъяты произведения, статьи, учебники и т.д. Таутиева Бориса, Джиджоева Ивана, Санакоева Лади, Кочиева Бидзина, Гаглыева Рутена и многих других⁶.

---

¹ ПО ЦГА РЮО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 136. Л. 106.

² ПО ЦГА РЮО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 160. Л. 124–128.

³ ГАНИ РСО-А. Ф. 1849. Оп. 1. Д. 313. Л. 162.

⁴ ПО ЦГА РЮО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 222. Л. 226–228.

⁵ ПО ЦГА РЮО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 201. Л. 1.

⁶ ПО ЦГА РЮО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 201. Л. 1.

Как указывает К.Г. Дзугаев, «окончательное решение осетинского вопроса в годы Большого террора приняло столь неумолимые для южных осетин формы: процент расстрелянных среди южных осетин составил 44,44% (против 21,9% у грузин), а 10 лет лагерей получили еще 40,74%»¹.

Зачистка культурного пространства Осетии продолжилась и в топонимическом ландшафте. В годы Большого террора происходит переименование населенных пунктов, улиц, организаций и др., названных ранее в честь видных большевиков, объявленных в 1930-е гг. «врагами народа». Так, в Северной Осетии с. Бухарино было переименовано в Кирово, в марте 1938 г. на заседании президиума горсовета г. Орджоникидзе был заслушан вопрос о переименовании улиц: «Улицу, носящую имя ныне разоблаченного врага народа Гикало [героя Гражданской войны, видного партийного деятеля – Б.Г.] – переименовать в улицу Некрасова. Улицу, носившую имя буржуазной националистки Веры Тибиловой [возглавляла женское движение в области – Б.Г.], переименовать в улицу Ленина, сделав ее продолжением ул. Ленина, сняв немедленно домовые таблички, заменив их на новые»².

Эти карательные, часто унижительные методы избавления от неудобных, привели многих комбатантов в лагерь конформистов. Партизанское единство было уничтожено, и теперь власть могла не опасаться сопротивления с их стороны. И всё же надо отметить, что бывшие красные партизаны, которые в мирное время стояли в рядах строителей новых отношений, сыграли исключительную роль в развитии общества.

Сделаем выводы по итогам главы. Идея большевиков о построении социализма не допускала превратного толкования планов партии. Коллективизация, которая не давала крестьянству право выбора, проводилась жестокими методами. Это вызвало большое противодействие со стороны активной части сельских тружеников. Как правило, активными выразителями недовольства

---

¹ Дзугаев К.Г. Понятие «окна возможностей» применительно к интеграционно-воссоединительному процессу Осетии (1936 г.). Цхинвал; Владикавказ, 2018. С. 49.

² Цит. по: Политическая элита Северной Осетии. 1924–1941 гг. ... С. 117.

выступали бывшие участники гражданской войны, которым казалось, что их слова и действия что –то значат для властей.

Для ограничения влияния комбатантов в конце 1920-х гг. формируется система контроля через «комиссии красных партизан». Теперь, чтобы доказать свою героическую военную историю, каждый претендент должен был привлечь в качестве свидетелей несколько однополчан. И даже полный пакет документов не всегда был гарантией успешного исхода проверки. Сообщество бывших красных партизан перестало быть малоуправляемой частью советского общества и уже не выделялось из общей массы. Политические процессы, происходившие в обществе в 1930-е гг., призваны были создать социум управляемый и контролируемый. Комбатанты со своей святой верой в социальную справедливость и желанием добиваться ее всеми доступными, в том числе вооруженными методами, становились врагами породившего их большевизма.

Власть поощряла доноительство, не всегда разбираясь в его причинах. Считая это тем рычагом, через который возможен контроль над соцгруппой красных партизан. В 1930-х гг. такая форма контроля расцвела и стала наиболее активной.

Постепенно в годы Большого террора расстрельные списки пополнялись представителями национальной интеллигенции, обвинённых в причастности к националистическим организациям, якобы цель которых, свержение Советской власти и отделения от СССР.

Таким образом, психологический портрет красного партизана складывался не только на основе экономических характеристик (бедные, малоимущие слои населения), но также в результате политических, традиционно-бытовых, психологических, демографических, культурных фактов, которые в итоге определяли вектор общественного поведения индивида и разных групп населения.

Психология комбатанта часто оказывала негативное влияние на процесс адаптации в реалиях мирного времени. «Человек с ружьем» оказался на

периферии новой жизни, не будучи включенным в общественные процессы того уровня, на который мог рассчитывать. Горизонт надежд так и остался иллюзией, жизненные практики оказались суровыми и безрадостными.

Это наглядно проявилось в условиях межвоенного периода с кардинальными реформами. В начале 1920-х гг. страна оказалась на грани экономического коллапса. Особенно тяжело приходилось национальным окраинам, которые сильно отставали в своем развитии в мирные годы, а в ходе гражданской войны их экономика окончательно расстроилась.

Особенно тяжело приходилось национальным окраинам, которые сильно отставали в своем развитии в мирные годы, а в ходе Гражданской войны и при переходе к нэпу их экономика окончательно расстроилась.

Новая экономическая политика стала тем механизмом, который привел в рабочее состояние народные хозяйства, в том числе Осетии. Последующие преобразования в ходе раннесоветской модернизации дали неплохие результаты: наряду с восстановлением уже существующих предприятий в Осетии появились отрасли. В области сельского хозяйства также произошли кардинальные перемены, которые изменили не только уровень хозяйствования, но и социальную структуру села путем создания коллективного хозяйства и новый тип тружеников–колхозное крестьянство.

Все эти новации нашли свой отклик во многих социальных нишах, в том числе среди бывших комбатантов. Те изменения, которые происходили в жизни в бывшем партизанском сообществе воспринимались по –разному. Те партизаны, которые получили возможность приспособиться к новым условиям жизни, воспринимали мероприятия большевиков с полной симпатией; другие, так и оставшиеся на обочине жизни красные партизаны, не смогли смириться с тем, что жизнь идет не в том русле, которое они представляли в революционных сражениях. Это вызывало у них неприятие, отторжение и открытое недовольство.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённый анализ истории общественных настроений и активности бывших красных партизан Гражданской войны в Северной и Южной Осетии в 1920–1930-х гг. позволяет сделать следующие выводы.

Развивающийся российский капитализм неизбежно втягивал в свою орбиту аграрный сектор. Сельское хозяйство стало ориентироваться на потребности рынка, однако эти тенденции встречали серьезные препятствия в виде специфических форм землевладения, особенно в казачьих областях. Система чересполосицы, установленная в Терской области, серьёзно осложняла не только хозяйствование, но и межнациональные отношения, настраивая казаков против крестьянства, один кавказский этнос против другого, создавая узел противоречий.

Пауперизация крестьянского социума привела к тому, что подавляющее большинство осетинского сельского населения составили беднота и батраки, в то время как в казачьей среде ситуация была намного лучше, ввиду довольно больших земельных наделов. Такая, с точки зрения крестьян, несправедливость должна была решаться путем «черного передела».

В Южной Осетии поземельные отношения осложнялись внешними факторами, в виде национального угнетения со стороны грузинской знати. Комплекс социально-экономических, этнических, политических причин стал двигателем крестьянского протеста, вылившегося в массовое движение в ходе революционных событий 1917–1920 гг. В этот период основными были погромные настроения в отношении помещичьих хозяйств и несправедливого распределения земли. Отметим, что именно в ходе революции 1917 г. в сознании крестьянства произошел своеобразный ментальный сдвиг/перелом.

Революционные события оказали серьезное влияние на устои традиционного миропонимания. Основная масса крестьянства оказалась перед выбором политического пути.

Решение о вхождении в тот или иной лагерь принималось под воздействием разных факторов. Прежде всего, это предыдущий опыт борьбы, полученный в ходе Первой русской революции 1905–1907 гг. В этот период в Осетии развернулось широкое народно-освободительное движение, направленное на «черный передел» земель и культурную автономию.

Во многом этому способствовали в том числе демобилизации из российской армии. Большую роль в революционизировании осетинского крестьянства сыграли фронтовики, которые возвращались с Первой мировой войны, прошли ужасы военной жизни. Нередко последних привлекало к агитаторам то, что они имели награды за храбрость, которая так ценилась на Кавказе. Это делало их харизматическими лидерами, пользовавшимися кредитом доверия земляков.

Вторым двигателем оказалась местная немногочисленная интеллигенция, политические предпочтения которой традиционно были связаны с социал-демократическими партиями. Находясь в гуще революционных брожений, в центре страны, студенты, будущие чиновники, учителя, врачи принимали участие в общественном движении, состоя членами кружков. Возвращаясь на родину, они распространяли полученные знания в среде соотечественников, разъясняя политическую и экономическую ситуацию в стране. Их воздействие на население было столь сильным, что многие крестьяне стали членами революционно-демократических партий «Кермен» (Северная Осетия) и «Чермен» (Южная Осетия), войдя в состав вооруженных отрядов для защиты революции. Как показал анализ эго-документов, многие повстанцы свой выбор связывали с мнением старших сородичей, что являлось сохранением традиционных норм поведения.

Эти же факторы стали основополагающими в ходе Гражданской войны, когда общество расколосось на противостоящие политические силы. Как известно, исход борьбы определяется численностью и организованностью того или иного политического лагеря. Малочисленность регулярных пробольшевистских воинских частей, как в Северной, так и в Южной Осетии, могла

стать причиной неспособности последователей большевиков отстоять результаты достижений в аграрной, национальной и политической сферах. В таком аграрном регионе, как Осетия, исход борьбы зависел от позиции крестьянства. Благодаря вышеперечисленным факторам, поддержка местного крестьянства обеспечила в конечном итоге победу большевикам.

Касаясь демографической картины краснопартизанского движения, отметим широкие возрастные границы. В основном были представлены люди среднего и молодого возрастов, как наиболее подверженные активным действиям и больше других воспринимающих новые идеи, обещавшие лучшую жизнь.

В руководителях партизанских отрядов обычно ходили либо фронтовики, не обязательно имевшие полное образование, либо интеллигенты студенты. Как правило, именно они и составили затем костяк новой партийно-советской номенклатуры, делая успешную карьеру.

Тактика действий красных партизан в Осетии носила характер партизанской войны. Являясь мобильными, партизанские отряды постоянно меняли места дислокации, были трудноуловимыми для преследующих их белогвардейских частей. Партизаны планировали свои действия, имели разветвленную сеть информаторов из местного населения. Это позволяло иметь достоверные сведения о противнике, совершать точечные налеты на деникинские обозы, стоянки противника, освободить насильно мобилизованных в армию мужчин. Действия красных партизан имели целью уничтожение отрядов противника. Как показал анализ источников, борьба деникинской администрации с краснопартизанским движением велась как с неприятелем — методом оккупации районов восстания (дополнительные повинности), карательными акциями (расстрелы, сожжение жилищ, убийства мирного населения). Несмотря на многочисленные потери, красные партизаны стали вооруженной силой большевиков и вместе с прибывшими на Кавказ в 1920 г. частями Красной армии разгромили части Добровольческой армии.

После завершения Гражданской войны партизанские отряды были расформированы, комбатанты возвращались в места проживания. Для решения вопросов, связанных с адаптацией к мирной жизни, формировались комиссии помощи бывшим красным партизан. Для более плавного вхождения в новые мирные реалии власть обозначила ряд льгот для красных партизан, которые для многих так и остались на бумаге. Большинство бывших комбатантов вернулось к прежним занятиям хлебороб, землепашцев, чернорабочих. В период нэпа многие бывшие партизаны пополняли ряды безработных, влача полуголодное существование. Для этих групп партизанского сообщества изменений в социальном статусе не произошло: они оказались на обочине новой жизни, несмотря на свои героические поступки в годы войны. Их надежды на лучшую жизнь так и не были реализованы, что приводило к психологическим проблемам, резким реакциям на любую несправедливость; вызывало озлобление и открытое недовольство.

Социальные лифты оказались доступны лишь немногим. Прежде всего, продвижение по карьерной лестнице зависело от уровня образования; большинство же красных партизан были безграмотны. Во-вторых, наиболее привлекательной могла стать карьера в партийно-советских органах, но и туда попадали лишь единицы, чьи боевые заслуги были неоспоримы.

Ещё большее разочарование испытали бывшие партизаны в период нэпа, когда их представления о социальной справедливости рушились под действием отказа от социалистических принципов. Красные партизаны, как выразители крестьянских настроений, обозначили стремление последних к свободе, хозяйственной деятельности, без насилия и принуждения.

Эти и другие факторы стали причиной открытых антисоветских выступлений в Осетии в 1920-х гг., цель которых заключалась в реализации крестьянских идеалов. В Осетии, как и на Северном Кавказе в целом, власть вела войну с так называемым «политическим бандитизмом», т.е. крестьянскими выступлениями против политики продразверстки, вооруженных рек-

визиций и др. Фактически это война с крестьянством, в который входили и красные партизаны.

Еще одной формой раскола партизанского сообщества, к примеру, в Южной Осетии, стало организованное властью переселение части бывших красных партизан в Северную Осетию и Пятигорский округ. Новые грузинские власти не хотели иметь в своей республике такой социально неспокойный элемент, как осетинские красные партизаны, проявлявшие недовольство проводимой политикой национального ущемления. С этой целью часть партизанского сообщества для его ослабления, во-первых, была выселена за пределы Грузии в российские регионы, для растворения в массе населения, мотивируя это необходимостью наделения землей (хотя в Грузии после проведенной национализации земли было достаточно для всего населения), во-вторых, в России имелись вооруженные силы, способные подавить любое проявление недовольства проводимой политикой.

Неизбежно внешние факторы оказывали разрушительное влияние на внутреннюю структуру краснопартизанского сообщества. Если в военные годы в социальной группе красных партизан существовало равноправие, и все считались боевыми товарищами, то в дальнейшем это братство оказалось колебленным.

Особенно ярко стремление использовать в мирных условиях свой боевой опыт проявилось в период насильственной коллективизации, бывшие красные партизаны стали представлять для власти угрозу. Этого допустить было нельзя, поэтому следовало установить контроль за несогласными. На первых порах созданные комиссии по проверке документов действовали достаточно лояльно, довольствуясь теми сведениями, которые предоставлял соискатель. Однако со временем такая лояльность перестала устраивать власть, и она пошла по пути ужесточения проверок, которые стали проходить как «чистки».

Во время «чисток» одних заверений в преданности не хватало, каждый должен был заручиться рекомендациями нескольких сослуживцев, которым,

в случае подлога, грозило уголовное наказание. Такая жесткая проверка вызвала к жизни еще одно негативное явление – доноительство. Оно также расшатывала социальную группу партизан, подвергая коррозии воинскую дружбу. Сказанное по большей части распространялось на низшие и средние слои комбатантов, не касаясь руководящего звена номенклатуры.

Но в 1930-е гг., в период Большого террора, репрессии коснулись, прежде всего, партийно-советских работников высшего республиканского звена. Обласканные ранее властью, получая награды, должности, в ходе репрессий бывшие красные партизаны обвинялись в националистических настроениях, членстве в политических группах, деятельность которых якобы была направлена на развал страны.

Таким образом, политический режим расправился со своими бывшими сторонниками, которые в новых условиях не поняли установленных правил игры и наивно верили в свой политический «иммунитет».

Оставшаяся часть комбатантов предпочла отказаться от поисков правды, и растворилась в советском обществе. Такая социальная группа, как красные партизаны, прекратила своё организованное существование во второй половине 1930-х гг.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Неопубликованные источники

Архивные материалы

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

1. Ф. 17. Центральный Комитет КПСС. Оп. 18. Отдел руководящих партийных органов. Сектор информации. Компартия Грузии. Д. 1002, 1006, 1102, 1107.

2. Ф. 70. Комиссия по истории Октябрьской революции и Российской коммунистической партии (большевиков) (Истпарт). Оп. 3. Истпартотдел ЦК ВКП(б). Комиссия по изучению истории Коммунистической партии и Октябрьской революции. Воспоминания. Д. 601, 617, 806, 894.

Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО).

3. Ф. 7. Северо-Кавказский крайком ВКП(б). Оп. 1. Д. 185, 193, 950.

4. Ф. 912. Начальник 18-й кавалерийской дивизии Жлоба Дмитрий Петрович. Оп. 1. Д. 2, 4, 6, 9, 12.

Государственный архив Ростовской области (ГАРО).

5. Ф. Р-2993. Комиссия по делам бывших дружинников красногвардейцев и красных партизан. Оп. 1. Д. 22, 169, 171, 213, 223, 225, 226, 242, 380, 392, 393.

Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А).

6. Ф. 20. Управление Сунженского отдела Терской области. Оп. 1. Д. 3113.

7. Ф. Р-36. Исполнительный комитет Терского областного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 1. Д. 67.

8. Ф. Р-44. Комиссия по делам бывших красногвардейцев и красных партизан при Северо-Осетинском областном исполнительном комитете. Оп. 1. Д. 158, 304, 1074, 1077, 1078, 1080, 1081, 1082, 1083, 1084, 1085, 1086, 1087, 1088, 1090, 1091, 1092, 1093, 1094, 1095, 1096, 1101, 1102, 1103, 1104, 1985.

9. Ф. Р-45. Северо-Осетинское представительство при ВЦИК в Москве. Оп. 1. Д. 199.

10. Ф. Р-46. Северо-Осетинская областная контрольная комиссия ВКП(б) и рабоче-крестьянская инспекция. Оп. 1. Д. 40.

11. Ф. Р-47. Исполнительный комитет Владикавказского окружного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 1. Д. 63, 122, 167, 503.

12. Ф. Р-51. Исполнительный комитет Притеречного районного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 1. Д. 57, 63.

13. Ф. Р-56. Исполнительный комитет Орджоникидзевского городского совета депутатов трудящихся Северо-Осетинской АССР. Оп. 2. Д. 112; Оп. 8. Д. 16.

14. Ф. Р-60. Комиссия по делам бывших красногвардейцев и красных партизан. Оп. 1. Д. 317, 318, 392, 412, 459, 731, 742, 763, 765, 770, 775, 775, 777, 777а, 778, 779, 780, 781, 784, 785, 789, 812, 818, 819, 819, 827, 828, 830, 834, 836, 853, 859, 859, 860, 861, 872, 874, 880, 891, 973.

15. Ф. Р-97. Северо-Осетинское областное земельное управление. Оп. 1. Д. 84.

16. Ф. Р-123. Народный комиссариат просвещения Горской АССР. Оп. 1. Д. 213.

17. Ф. Р-160. Революционный трибунал Горской АССР. Оп. 1. Д. 4, 66.

18. Ф. Р-414. Министерство сельского хозяйства Северо-Осетинской АССР. Оп. 1. Д. 7, 9.

Государственный архив новейшей истории Республики Северная Осетия – Алания (ГАНИ РСО-А).

19. Ф. 1849. Истпарт. Оп. 1. Д. 23, 70, 87, 92; Оп. 2. Д. 7, 34, 44, 57, 62, 63, 65, 92, 124, 313, 1215, 1321, 1325.

Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания (НА СОИГСИ).

20. Ф.1. История Осетии. Оп. 1. Д. 132, 254.

21. Ф. 21. Октябрьская революция и гражданская война на Тереке. Оп. 1. Д. 132, 179.

Центральный государственный архив Республики Южная Осетия (ЦГА РЮО).

22. Ф. 27. Бюро красных партизан и красногвардейцев Юго-Осетии. Оп. 1. Д. 1, 2, 35, 104, 155, 157, 162, 185, 193, 950.

23. Ф. 27/С. Протоколы заседания облсовета бывших и красных партизан и красногвардейцев Юго-Осетии по утверждению и зачислению в ряды партизан. Оп. 1. Д. 2, 9, 10, 11, 16, 23, 47, 56, 91, 93, 127, 132, 149, 156, 194, 211, 227, 249, 299, 394, 483, 490, 559, 619, 631.

24. Ф. 1309. Переписка с другими областями по делам красных партизан. Оп. 2. Д. 62, 136, 165, 187, 190, 201, 222, 1041, 1188, 1304, 1319, 5001.

Политический отдел Центрального государственного архива Республики Южная Осетия (ПО ЦГА РЮО).

25. Ф. 1. Юго-Осетинский обком КП(б) Грузии. Оп. 1. Д. 62, 136, 160, 190, 409.

Архив Юго-Осетинского научно-исследовательского института (Архив ЮОНИИ).

26. Ф. 1. Исторические документы. Оп. 3. Д. 6, 39, 49.

Опубликованные источники

Нормативно-правовые акты

27. Декрет № 2 Всегрузинского Центрального исполнительного комитета советов и Совета народных комиссаров ССР Грузия «Об образовании Автономной области Юго-Осетии» // Правда Грузии. – Тифлис, 1922. – 22 апреля.

28. Декрет «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» // Декреты Советской власти. – Москва: Госполитиздат, 1957. – Т. 1. – С. 113–115.

29. Декреты Советской власти. 25 октября 1917 – 16 марта 1918 г. – Москва: Госполитиздат, 1957. – Т. I. – 626 с.

30. Конституция (Основной Закон) Северо-Осетинской Автономной Советской Социалистической Республики. 1938 // Социалистическая Осетия. – Орджоникидзе, 1938. – 6 июля.

31. Конституция РСФСР 1925 года // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства РСФСР. – 1925. – № 30. – Ст. 218.

32. Конституция СССР 1936 года. – Москва: Издание ЦИК СССР, 1937. – 37 с.

33. О порядке наложения административных взысканий. Декрет ВЦИК и СНК от 23 июня 1921 года. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче – Крестьянского Правительства РСФСР. – М., 1921. – № 52. – Ст. 3.

34. О советской Рабоче-Крестьянской милиции. Декрет СНК от 3 апреля 1919 года // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР. 1919 год. – Москва, 1943. – № 13. – Ст. 133.

35. Положение о службе Рабоче-Крестьянской милиции. Декрет ВЦИК и СНК от 29 сентября 1925 года // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР. – 1925. – № 68.

36. Положение «О социальном обеспечении инвалидов-красноармейцев и их семейств». – URL:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?rnd=1BD536B056D660DFCFDC4AFE67C60D75&req=home> (дата обращения 10.04.2022).

37. Сборник постановлений и распоряжений Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета XI созыва и его Президиума. – Москва: Типография «Красный пролетарий», 1925. – 119 с.

38. Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик. Отдел первый. – Москва, 1924–1937. – 543 с.

39. Съезды народов Терека. В 2-х т. – Орджоникидзе: Ир, 1977. – Т. 1. – 350 с.

40. Циркуляр НКЮ РСФСР местным органам о мероприятиях по подавлению сопротивления «кулаков» 3 февраля 1930 г. // Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: в 2 кн. / под ред. Н. Н. Покровского. – Москва: РОССПЭН, 2005. – Кн. 1. – С. 59.

Документы Коммунистической партии

41. Коммунистическая партия Советского Союза. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1986). – Москва: Политиздат, 1983-1990. – Т. 2. 1917–1922. – 1983. – 606 с.; Т. 3. 1922–1925. – 1984. – 494 с.; Т. 4. 1926–1929. – 1984. – 575 с.; Т. 5. 1929. – 1984. – 446 с.

42. Материалы по отчетному документу Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) на 6-й партконференции. – Ростов-на-Дону, 1927. – 16 с.

43. Материалы по отчетному докладу Северо-Кавказского крайкома РКП(б) на IV партконференции. – Ростов-на-Дону, 1923. – 32 с.

44. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов / сост. К. У. Черненко и М. С. Смиртюков. Т. 1: 1917–1928 годы. – Москва: Политиздат, 1967. – 783 с.; Т. 2: 1929–1940 годы. – 798 с.

45. XVI конференция Всесоюзной коммунистической партии (б). 23–29 апреля 1929 г. Стенографический отчет. – Москва; Ленинград: Госиздат, 1929. – VII, [1] с., 336 с.

*Работы и выступления советских партийных
и государственных деятелей*

46. Бутаев, К.С. Избранное / К. С. Бутаев. – Владикавказ: Иростон, 2003. – 445 с.

47. Бутаев, К. С. Политическое и экономическое положение Горской республики: (доклад на 2-ой Горской областной конференции РКП 23 августа 121 года: [тезисы] / К. С. Бутаев. – Владикавказ: б. и., 1921. – 46 с.

48. Бухарин, Н. И. Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз / Н. И. Бухарин. – Москва: Госиздат, 1925. – 106 с.

49. Каменев, Л. Б. Статьи и речи. 1905–1925 / Л. Б. Каменев. – Москва: Госиздат, 1925. – 319 с.

50. Ларин, Ю. Советская деревня / Ю. Ларин. – Москва: Экономическая жизнь, 1925. – 384 с.

51. Лацис (Судрабс), М. И. Два года борьбы на внутреннем фронте: Популярный очерк двухгодичной деятельности Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности / М. И. Лацис (Судрабс). – Москва: Госиздат, 1920. – 81 с.

52. Ленин, В. И. Государство и революция / В. И. Ленин // Ленин, В. И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – Москва: Политиздат, 1974. – Т. 33. – С. 1–120.

53. Ленин, В. И. К вопросу о задачах Рабкрин, их понимании и их исполнении / В. И. Ленин // Ленин, В. И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – Москва: Политиздат, 1974. – Т. 44. – С. 127–132.

54. Ленин, В. И. Телеграмма С. П. Середе. 19 августа 1919 г. / В. И. Ленин // Ленин, В. И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – Москва: Политиздат, 1970. – Т. 50. – С. 154.

55. Ленин, В. И. Успехи и трудности Советской власти / В. И. Ленин // Ленин, В. И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – Москва: Политиздат, 1969. Т. 38. – С. 41–73.

56. Сталин, И. В. Вопросы ленинизма / И. В. Сталин. – Москва: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. – 250 с.

57. Такоев, С. А. К истории революционного движения на Тереке (По личным воспоминаниям) / С. А. Такоев // Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения. – Владикавказ, 1926. – Вып. 2. – С. 309–385.

58. Тухачевский, М. Н. Борьба с контрреволюционными восстаниями / М. Н. Тухачевский // Война и революция. – 1926. – № 7. – С. 12–21.

Статистические материалы

59. Всесоюзная перепись населения 1926 года. – Т. 5. Крымская АССР. Северо-Кавказский край. – Москва: ЦСУ СССР, 1928. – 169 с.

60. Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги / сост. Н. А. Араловец и др.; вступ. ст. В. Б. Жиромкий, И. Н. Киселева; авт. коммент. Я. Е. Водарский и др. – Москва: Институт истории СССР, 1991. – 238 с.

61. Горское ЦСУ. Итоги сельскохозяйственной переписи 1920 г. – Владикавказ, 1923. – 45 с.

62. Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1923–1927. Документы и материалы / отв. ред. В. П. Данилов, отв. сост. Е. А. Тюрина. – Москва: Наука, 1991. – 426 с.

63. Материалы о потребительской кооперации Северного Кавказа. – Ростов-на-Дону, 1926. – 28 с.

64. 15 лет Советской Юго-Осетии. – Сталинир, 1935. – 43 с.

65. Северная Осетия. К 10-летию Октября. – Владикавказ, 1927. – 58 с.
66. Терский календарь на 1913 год. – Владикавказ, 1912. – 158 с.
67. Экономика компромисса. К 100-летию НЭПа в России. Сборник документов / науч. ред. А. В. Юрасов, отв. ред. Е. Р. Курапова, В. С. Пушкарев. – Москва: Кучково поле; Музеон, 2021. – 872 с.

Документы личного происхождения

68. Борцы революционного движения в Юго-Осетии. Сборник / сост. И. Н. Цховребов и др.; предисл. И. Н. Цховребова. – 2-е изд., доп. – Цхинвали: Ирыстон, 1987. – 258 с.
69. Воспоминания участников гражданской войны в Юго-Осетии (1917-1921 гг.). Сборник. – Сталинири: Госиздат Юго-Осетии, 1957. – 235 с.
70. Гассиев, В. Э. Первое поколение / В. Э. Гассиев. – Москва, 2010. – 200 с.
71. Гассиев, В. Э. Так было / В. Э. Гассиев. – Сталинир: Госиздат Юго-Осетии, 1957. – 110 с.
72. Гражданская война в Северной Осетии: по воспоминаниям участников / отв. ред. М. Д. Ботоев. – Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1965. – 382 с.
73. Грузинская Демократическая Республика (1918–1921 гг.). Национально-государственное строительство. – URL: <https://history.wikireading.ru/216089> (дата обращения: 22.11.2022).
74. Кесаев, А. К. Из истории борьбы трудящихся Северной Осетии за власть Советов / А. К. Кесаев. – Орджоникидзе: Ир, 1979. – 240 с.
75. Коцоев, П. Свобода не дается без жертв. Из истории Горской республики / П. Коцоев // Наш Дагестан. – Махачкала, 1994. – № 172–173. – С. 19-22.
76. Медойти, С. Воспоминания колхозника / С. Медойти; предисл. В.В. Дегоева // Дарьял. – Владикавказ, 1996. – № 1. – С. 172–179.

77. Октябрь во Владикавказе / под ред. Е. Поляковой, Б. Гофман, М. Шаусен. – Владикавказ: Типография «Красный Октябрь», 1927. – 56 с.

78. Октябрьская революция и гражданская война в Северной Осетии / предисл. С. Д. Кулова; ред. А. И. Мельчин. – Орджоникидзе: Ир, 1973. – 299 с.

79. Санакоев, В. А. Гражданская война в Юго-Осетии 1917–1921 гг. / В. А. Санакоев // Известия Южно-Осетинского научно-исследовательского института. – Сталинир, 1935. – Вып.2. – С. 31–36.

80. Сухоруков, В. Т. XI армия в боях на Северном Кавказе и Нижней Волге (1918–1820 гг.) / В. Т. Сухоруков. – Москва: Воениздат, 1961. – 172 с.

Периодическая печать

81. Ёрыгон большевик (Молодой большевик). – Цхинвали. – 1924–1927.

82. Большевикон аивад (Большевистское творчество). – Цхинвали. – 1932–1935.

83. Власть труда. – Владикавказ. – 1924–1929.

84. Ирон газет (Осетинская газета). – Владикавказ. – 1909.

85. Ленинон (Ленинец). – Цхинвали. – 1940.

86. Ног цард (Новая жизнь). – Владикавказ. – 1907.

87. Пролетарий Осетии. Орджоникидзе. – 1929–1936.

88. Социалистическая Осетия. – Орджоникидзе. – 1940–1957.

89. Южная Осетия. – Цхинвал. – 1983–1990.

90. Журнал Фидиуæг (Глашатай). – Цхинвал. – 1932–1939.

91. Хурзæрин (Заря). – Цхинвали. – 1924–1926.

92. Молот. – Ростов-на-Дону. – 1929.

Сборники опубликованных архивных документов

93. Аграрная модернизация и крестьянство Северного Кавказа 1917–1937 гг. Сборник документов и материалов. В 2-х т. / сост. С. А. Хубулова, Э. В. Хубулова. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2018. – Т. 1: 1917–1927 гг. – 425 с.; Т. 2: 1928–1932 гг. – 427 с.
94. Борцы революционного движения Юго-Осетии / сост. К. З. Бязров, З. Н. Ванеев, Н. Д. Гаглоев и др. – Сталинири: Госиздат Юго-Осетии, 1961. – 234 с.
95. Борьба за советскую власть в Северной Осетии (1917–1920 гг.). документы и материалы / сост. Е. А. Кияницкая, Е. П. Кричина. – Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1957. – 357 с.
96. Великая и забытая в документах эпохи: Тематический аннотированный перечень документов к 100-летию начала Первой мировой войны 1914–1918 гг. / Н. В. Чиплакова, Л. С. Зассеева, Л. Р. Ленник. – Владикавказ: Веста, 2014. – 112 с.
97. Восстановительный период в Северной Осетии. 1921–1925 гг. Сборник документов / сост: А. К. Джанаев, Е. П. Кричина, Т. Г. Купча, Е. А. Кияницкая. – Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1965. – 372 с.
98. Геноцид осетин: 1920 год: документы и материалы / сост., подгот. текстов и вступ. ст. Р. С. Бзаров. – Изд. 2-е. – Владикавказ: Арвы-Асин, 2011. – 111 с.
99. Голод в СССР. 1929–1934: В 3-х т. Т. 1: 1929 – июль 1932 / отв. сост. В. В. Кондрашин. В 2 кн. – Москва: Международный фонд «Демократия», 2011. – Кн. 1. – 656 с.; Кн. 2. – 560 с.
100. Голоса народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / отв. ред. А. К. Соколов. – Москва: РОССПЭН, 1997. – 328 с.
101. Деятельность комиссии по оказанию помощи бывшим красным партизан Осетии. 1920–1930-е гг. Сборник документов и материалов / сост.

Б. Б. Гаглоева. – Владикавказ: Изд-во Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова, 2007. – Т. 1. – 376 с.

102. Деятельность комиссии по оказанию помощи бывшим красным партизанам Осетии. 1920–1930-е гг. Сборник документов и материалов / сост. С. А. Хубулова. – Владикавказ: Изд-во Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова, 2016. – 233 с.

103. Деятельность комиссии по оказанию помощи бывшим красным партизан Осетии. 1920–1930-е гг. Сборник документов и материалов / сост. Б. Б. Гаглоева. – Цхинвал: Изд-во Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова, 2018. – 375 с.

104. Из истории борьбы трудящихся Юго-Осетии за Советскую власть. / сост. З. Н. Ванеев, П. В. Догузов. – Сталинир: Госиздат Юго-Осетии, 1956. – 43 с.

105. Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927–1937 гг.). Документы и материалы / под ред. П. В. Семернина, Е. Н. Осколкова. – Краснодар: Книжное издательство, 1972. – 217 с.

106. Москва, Кремль, Ленину. Сборник документов и материалов / сост. В. Б. Сайко. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1969. – 129 с.

107. Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. – Москва: РОССПЭН, 1998. – 664 с.

108. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: В 2 кн. Сборник документов и материалов / отв. ред. Н. Н. Покровский. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005–2006. – Кн. 1. – 912 с.; Кн. 2. – 1123 с.

109. Репрессивная политика советской власти в Северной Осетии. 1920–1930: Сборник документов и материалов / сост. А. Т. Царикаев. – Владикавказ: СОИГСИ, 2009. – 320 с.

110. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): Сборник документов. В 10 т. / отв. ред. А. Н. Сахаров, В. С. Христофоров. – Москва: РОССПЭН, 2001. – Т. 4, Ч. 1. – 656 с.

111. «Тянут с мужика последние жилы...»: Налоговая политика в деревне (1927–1937 гг.): Сборник документов и материалов / отв. ред. Н. А. Ивницкий; отв. сост. Н. Е. Глущенко, М. М. Кудюкина. – Москва: Собрание, 2007. – 638 с.

112. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы в 4 т. / отв. ред. А. Берелович, В. Данилов; отв. сост. Л. Борисова, В. Данилов, Н. Перемышленникова. – Москва: РОССПЭН, 2000. – Т. 2. 1923–1929 гг. – 428 с.

113. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. – Т. 1. 1918–1922 гг. – 864 с.

114. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. В 5-ти т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы; отв. ред. В. П. Данилов; отв. сост. В. Данилов, М. Кудюкина. – Москва: РОССПЭН, 1999. – Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929. – 880 с.; 2000. – Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. – 927 с.

115. Хронология исторических событий // История Юго-Осетии в документах и материалах (1800–1864 гг.) / сост. И. Н. Цховребов. – Сталинир: Госиздат Юго-Осетии, 1960. – Т. 2. – 22 с.

116. Хубулова, С. А. Осетия: трагедия разделенного народа. Документы и материалы / С. А. Хубулова // Военно-исторический журнал. – 2009. – № 1. – С. 19–23.

117. ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Сборник документов и материалов / сост. Л. С. Гатагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. – Москва: РОССПЭН, 2005. – Кн. 1. 1918–1933. – 784 с.; Кн. 2. 1933–1945. – 1095 с.

Литература

118. Абаев В. Д. Экономическое развитие Юго-Осетии / В. Д. Абаев. – Цхинвал: Госиздат Юго-Осетии, 1956. – Ч. 3. – 237 с.
119. Аверьянов, А. В. Особенности формирования и коренизации государственного аппарата в контексте национального строительства на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг. / А. В. Аверьянов, А. Е. Батыров // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2021. – Т. 12, № 10. – URL: <https://ras.jes.su/history/s207987840017055-9-1> (дата обращения: 22.11.2022).
120. Авсарагов, М. Промышленность и сельское хозяйство Северной Осетии за 10 лет советской власти (1920–30) / М. Авсарагов // Революция и горец. – Ростов-на-Дону, 1930. – № 8. – С. 35–39.
121. Авторханов, А. Г. Против кулацкой контрабанды на историческом фронте горских народностей / А. Г. Авторханов // Революция и горец. – Ростов-на-Дону, 1932. – № 4. – С. 113–119.
122. Аграрная политика Коммунистической партии на Дону и на Северном Кавказе (1920–1937). Сборник статей / отв. ред. С. М. Смагина. – Ростов н/Д: Издательство Ростовского университета, 1985. – 165 с.
123. Азизян, А. К. Для чего нужна крестьянину индустриализация страны / А. К. Азизян. – Москва; Ленинград: Госиздат, 1929. – 112 с.
124. Аксёнов, В. Б. Слухи, образы, эмоции: массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918) / В. Б. Аксёнов. – Москва: Новое литературное образование, 2020. – 992 с.
125. Амбарцумян, К. Р. Кавказ в политике Добровольческой армии на Юге России: международный контекст (1918–1920 гг.) / К. Р. Амбарцумян, Т. А. Булыгина // Вопросы истории. – 2020. – № 11–1. – С. 159–169.
126. Ардасенов, А. Г. Избранное / А. Г. Ардасенов. – Владикавказ: Республиканское издательско-полиграфическое предприятие, 1997. – 335 с.

127. Атаева, Ф. А. Политические партии и общественные движения на Северном Кавказе в годы Гражданской войны / Ф. А. Атаева // Символ науки. – Уфа, 2015. – № 11–2. – С. 53–55.

128. Б и С. Бандитизм на Тереке / Б. и С. // Коммунистический путь. – Пятигорск. – 1923. – № 22–24. – С. 10–21.

129. Баев, А. Устройство горцев-переселенцев Северной Осетии / А. Баев // Известия Осетинского научно-исследовательского института. – Владикавказ, 1927. – Вып. II. – С. 277–287.

130. Баликоев, Т. М. Социально-политическая напряженность в национальных районах Северного Кавказа в конце 20-х годов / Т. М. Баликоев, С. А. Хубулова // Вестник Северо-Осетинского государственного университета. – Владикавказ, 1999. – № 1. – С. 152–161.

131. Банкротство мелкобуржуазных партий России. 1917–1922 гг. Сборник научных трудов. В 2 ч. / редкол.: И. И. Минц (отв. ред.) и др. – Москва: Институт истории СССР АН СССР, 1977. – Ч. 1. – 218 с.

132. Баранов, А. В. Актуальные теоретические аспекты исследований советской этнополитики 1920-х гг. (на материалах Юга РСФСР) / А. В. Баранов // Взаимоотношения советской власти и общества при реализации национальной политики 1920-х гг.: историческая реальность, память, наследие: материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. В. В. Касьянов, А. В. Баранов. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. – С. 9–14.

133. Баранов А. В. Взаимоотношения власти и крестьянства на Тереке в условиях свертывания нэпа (1926–1927 гг.) / А. В. Баранов // Научная мысль Кавказа. – Ростов-на-Дону, 2020. – № 2. – С. 67–74.

134. Баранов А. В. Наследие Гражданской войны во взаимоотношениях казачества и крестьянства Юга России с властью в 1920-х гг. / А. В. Баранов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведения. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 116–127.

135. Баранов, А. В. Социальное и политическое развитие Северного Кавказа в условиях новой экономической политики (1921–1929 гг.) / А.В. Баранов. – Санкт-Петербург: Нестор, 1996. – 353 с.

136. Бичегкуев, Т. Т. Социокультурный облик коммунистов Северной Осетии в 1920-е гг. / Т. Т. Бичегкуев. – Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований, 2011. – 182 с.

137. Блиев, М. М. Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений / М. М. Блиев. – Москва: Европа, 2006. – 458 с.

138. Борисенко, И. П. Советские республики на Северном Кавказе в 1918 году. В 2-х т. / И. П. Борисенко. – Ростов-на-Дону: Северный Кавказ, 1930. – Т. 1. – 199 с.; Т. 2. – 238 с.

139. Боров, А. Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе / А. Х. Боров. – Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет, 2007. – 298 с.

140. Боярский, В. И. Партизанство вчера, сегодня, завтра / В. И. Боярский. – Москва: Граница, 2003. – 477 с.

141. Бразевич, С. С. Историческая социология революционного насилия: концентрационные лагеря как организованная форма насилия в годы Гражданской войны / С. С. Бразевич // Революция 1917 года в России: события и концепции, последствия и память: материалы международной конференции, посвященной 100-летию революции 1917 г. в России. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2017. – С. 276–285.

142. Браунинг, К. Р. Социальная инженерия. Сталинский план создания «нового человека» и нацистского «народное сообщество» / К. Р. Браунинг, Л. Х. Сигельбаум // За рамками тоталитаризма. Сравнительные исследования сталинизма и нацизма. – Москва: РОССПЭН, 2011. – С. 301–348.

143. Бубнов, А. Ю. «Гражданская война памяти»: конструирование нарративов о гражданской войне в России в онлайн-дискуссии / А. Ю. Бубнов // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2019. – № 6. – С. 29–43.

144. Булдаков, В. П. Деструкция личности революционера России, 1920-е гг. / В. П. Булдаков // Человек и личность в истории России, конец XIX – XX века: Материалы международного коллоквиума (Санкт-Петербург, 7-10 июня 2010 г.). – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2012. – С. 162–182.

145. Булдаков, В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия / В. П. Булдаков. – Москва: РОССПЭН, 1997. – 373 с.

146. Булдаков, В. П. Революция и историческая память: российские параметры клиотравматизма / В. П. Булдаков // Россия и современный мир: проблемы, мнения, дискуссии, события. Проблемы. Мнения. Дискуссии. События. – 2008. – № 2 (59). – С. 5–27.

147. Булдаков, В. П. Утопия, агрессия, власть: психосоциальная динамика постреволюционного времени, Россия, 1920–1930 гг. / В. П. Булдаков. – Москва: РОССПЭН, 2012. – 756 с.

148. Булдаков, В. П. Хаос и этнос: этнические конфликты в России, 1917–1917 гг.; условия возникновения, хроника, комментариев, анализ / В. П. Булдаков. – Москва: Новый хронограф, 2010. – 1090 с.

149. Булыгина, Т. А. Региональная история: поиски новых исследовательских подходов / Т. А. Булыгина [Электронный ресурс]. – URL: history.vuzlib.org/book_o064_page_75.html (дата обращения 14.06.2020).

150. Булыгина, Т. А. Организация Истпарта как инструмента выработки советского конструктора исторической памяти: региональный контекст / Т. А. Булыгина, В. С. Клопихина // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. – Ставрополь: Издательство Северо-Кавказского федерального университета, 2018. – Вып. VI. – С. 115–121.

151. Бурджалов, Э. Н. СССР в период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства (1930–1934) / Э. Н. Бурджалов. – Москва: Наука, 1950. – 95 с.

152. Буркин, И. Г. Октябрьская революция и гражданская война в горских областях Северного Кавказа / И. Г. Буркин. – Ростов-на-Дону: Партиздат, 1933. – 64 с.

153. Бутырина, П. А. Из национально-освободительной борьбы Южной Осетии / П. А. Бутырина // Борьба классов. – 1934. – № 4. – С. 10–18.

154. Ванети, З. И. Народное хозяйство Юго-Осетии за 10 лет и перспективы его развития / З. И. Ванети // Известия Южно-Осетинского научно-исследовательского института. – Сталинир, 1933. – Выпуск 1. – С. 323.

155. Великая российская революция, 1917: сто лет изучения. Материалы Международной научной конференции (20 октября 2017 г., Москва) / отв. ред. Ю. А. Петров. – Москва: Институт российской истории РАН, 2017. – 808 с.

156. Виола, Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления / Л. Виола. – Москва: РОССПЭН, 2010. – 366 с.

157. Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления / отв. ред. и сост. Е. С. Сеньявская. – Москва: РОССПЭН, 2005. – 464 с.

158. Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. Актуальные проблемы изучения / отв. ред. и сост. Е. С. Сеньявская. – Москва: РОССПЭН, 2007. – 416 с.

159. Воробьев, С. В. Власть и социальное конструирование советского общества в 1920-1930-е гг.: практика против теории / С. В. Воробьев // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований: сборник научных трудов. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2017. – С. 506–507.

160. Воробьев, С. В. Красные партизаны Троицкого округа в середине 1920-х гг.: во власти и против власти / С. В. Воробьев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – Челябинск, 2021. – Т. 21. – № 1. – С. 14–21.

161. Восленский, М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза / М. С. Восленский. – Москва: МП «Октябрь»; Советская Россия, 1991. – 622 с.

162. Гаглоева, Б. Б. Анкеты бывших красных партизан как источник по социально-политической истории 1920–1930-х гг. (на материалах Северной и Южной Осетии) / Б. Б. Гаглоева // Альманах Казачество. – 2020. – № 49 (7). – С. 59–64.

163. Гаглоева, Б. Б. Деятельность партизанских комиссий Южной Осетии в 1920–1930-е гг. / Б. Б. Гаглоева // Разработка и решение актуальных и научных проблем: вопросы теории и практики. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции (г. Смоленск, 31 мая 2017 г.). – Смоленск: Общество с ограниченной ответственностью «НОВАЛЕНСО», 2017. – Ч. 1. – С. 26–28.

164. Гаглоева, Б. Б. Материальное положение красных партизан в 1930-х гг.: специфик и региональные особенности льготной программы (на материалах Юга Осетии) / Б. Б. Гаглоева // Общество: философия, история, культура. – Краснодар, 2018. – № 9 (53). – С. 51–54.

165. Гаглоева, Б. Б. Формирование национальной элита Южной Осетии в 1920-1930-х гг. / Б. Б. Гаглоева // Глобальный научный потенциал. – Санкт-Петербург, 2018. – № 12 (93). – С. 198–203.

166. Гимпельсон, Е. Г. Советские управленцы. 20-е годы (Руководящие кадры государственного аппарата СССР) / Е. Г. Гимпельсон. – Москва: Институт российской истории РАН, 2001. – 225 с.

167. Гиоев, М. И. Антиденикинский фронт на Кавказе / М. И. Гиоев. – Орджоникидзе: Ир, 1984. – 256 с.

168. Гиоев, М. И. Борьба большевиков Терека за разрешение аграрного вопроса в период социалистической революции / М. И. Гиоев. – Орджоникидзе: Типография Горского профессионально-технического училища № 1, 1966. – 178 с.

169. Гиоев, М. И. Победа Советов на Тереке – торжество ленинского интернационализма / М. И. Гиоев, Р. Х. Гугов, З. А. Гойгова. – Орджоникидзе: Ир, 1983. – 208 с.

170. Гончарова, И. В. Современные концептуальные подходы в историографии коллективизации / И. В. Гончарова // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2015. – № 1 (64). – С. 1–28.
171. Гражданская война 1918–1921 / под общ. ред. А. С. Бубнова [и др.] – Москва: Военный вестник, 1928. – Т. 1. – 415 с.
172. Гражданская война в СССР: в 2 т. / под общ. ред. Н. Н. Азовцева. – Москва: Воениздат, 1980. – Т. 1. – 260 с.
173. Грациози, А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933 / А. Грациози. – Москва: РОССПЭН, 2001. – 300 с.
174. Григоров, Г. Старый и новый быт / Г. Григоров, С. Шкотов. – Москва; Ленинград: Молодая гвардия, 1927. – 27 с.
175. Гутиева, М. А. Политика коренизации кадров и особенности ее реализации на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг. / М. А. Гутиева // Гуманитарные и социальные науки. – Ростов-на-Дону, 2011. – № 1. – С. 3–6.
176. Данилов, В. П. К характеристике общественно-политической обстановки в советской деревне накануне коллективизации / В. П. Данилов // Исторические записки. – Москва: Наука, 1966. – Т. 79. – С. 3–49.
177. Даренская, И. В. «Письма во власть» как источник анализа отношений власти и общества в 1920–30-е гг. / И. В. Даренская // Вопросы всеобщей истории. – 2013. – Т. 15. – С. 31–32.
178. Датиев, И. М. Земельный вопрос в Горской Советской Социалистической Республике / И. М. Датиев. – Владикавказ, 1921. – 51 с.
179. Деревня при НЭПе. Кого считать кулаком, кого тружеником. Что об этом говорят крестьяне. – Москва: Красная новь, 1924. – 104 с.
180. Джигоев, З. А. О революционной борьбе трудящихся Грузии после падения царизма / З. А. Джигоев // Труды Сталинирского пединститута. – Сталинир, 1955. – Т. 2. – С. 312.
181. Дзахова, Л. Х. Горская республика в восстановительный период: экономика и социальная политика / Л. Х. Дзахова. – Владикавказ: Издательство Северо-Осетинского государственного университета, 2003. – 158 с.

182. Дзидзоев, В. Д. 1937 год в Южной Осетии / В. Д. Дзидзоев, К. Г. Дзугаев // Вестник Владикавказского научного центра. – 2007. – Т. 7, № 1. – С. 23–29.

183. Дзидзоев В. Д. Южная Осетия в ретроспективе грузино-осетинских отношений / В. Д. Дзидзоев, К. Г. Дзугаев. – Цхинвал: Ирыстон, 2007. – 271 с.

184. Дзокаев, К. Х. Материалы по истории коллективизации крестьянских хозяйств Северо-Осетинского АССР / К. Х. Дзокаев // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. – Джауджикау, 1945. – Вып. 2. – Т. X. – С. 3–11.

185. Дзугаев, К. Г. К вопросу об определении понятия «окна возможностей» / К. Г. Дзугаев // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. – Владикавказ, 2015. – № 2. – С. 27–31.

186. Дзугаев, К. Г. Понятие «окно возможностей» применительно к интеграционно-воссоединительному процессу Осетии (1936 г.) / К. Г. Дзугаев. – Цхинвал; Владикавказ: Юго-Осетинский научно-исследовательский институт им. З. В. Ванеева, 2018. – 214 с.

187. Дзугаев, К. Г. Южная Осетия и большой террор в советской Грузии / К. Г. Дзугаев // Вестник Владикавказского научного центра. – 2017. – Т. 17, № 4. – С. 10–18.

188. Дик, А. А. Обзоры политических настроений как источники по изучению социально-политической истории 1920-х годов / А. А. Дик, А. А. Слезин // Вестник Тамбовского государственного технического университета. – 2005. – Т. 11. – № 4. – С. 1044–1046.

189. Догузов, П. В. Революционное движение в Юго-Осетии в конце XIX – начале XX вв. / П. В. Догузов. – Сталинир: Госиздат, 1960. – 332 с.

190. Дюркгейм, Э. Самоубийство. Социологический этюд / Э. Дюркгейм. – Москва: Мысль, 1994. – 399 с.

191. Екати, Б. П. Большевики Терека во главе борьбы против интервентов и внутренней контрреволюции / Б. П. Екати. – Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1964. – 54 с.

192. Жупикова, Е. Ф. Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 годах (документальные публикации и новейшая отечественная историография) / Е. Ф. Жупикова // Отечественная история. – 2004. – № 3. – С. 159–169.

193. Забытые герои 1920 года. Мате Санакоев – один из организаторов сопротивления. – URL: <https://south-ossetia.info/zabytye-geroi-1920-goda-mate-sanakoev-odin-iz-organizatorov-soprotivleniya-protiv-gruzinskix-vojsk-predlagavshij-sygrat-na-operezhenie-i-vzyat-gori/> (дата обращения: 15.05.2022).

194. Засухин, Р. В. Историко-антропологический подход к изучению гражданской войны на Юге России / Р. В. Засухин // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – Ростов-на-Дону, 2008. – № 2. – С. 59–63.

195. Зеленин, И. Е. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации / И. Е. Зеленин // История СССР. – 1989. – № 2. – С. 3–19.

196. Ивницкий, Н. А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929–1932 гг.) / Н. А. Ивницкий. – Москва: Наука, 1972. – 360 с.

197. Ибрагимова, Д. Х. Рыночные свободы и сельский менталитет: чего жаждал крестьянин при НЭПе / Д. Х. Ибрагимова // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). – Москва: Институт российской истории РАН, 1996. – С. 260–275.

198. Измозик, В. С. Политический контроль с Советской России, 1918–1928 гг. / В. С. Измозик // Вопросы истории. – 1997. – № 5. – С. 42–52.

199. Кабанов, В. В. Влияние войн и революций на крестьянство / В. В. Кабанов // Революция и человек: социально-психологический аспект. – Москва: Институт российской истории РАН, 1997. – С. 142–143.

200. Караман, В. Н. «...Доказательств нет, а посадить надо». Методы репрессивной политики ВКП(б) в 1930-е годы / В. Н. Караман // Россия и АТР. – 2004. – № 4 (46). – С. 107–111.

201. Какурин, Н. Е. Гражданская война. 1918–1921 / Н. Е. Какурин. – Санкт-Петербург: ООО Издательство «Полигон», 2002. – 260 с.

202. Кара-Мурза, С. Г. Гражданская война 1918–1921 гг. – урок для XXI века / С. Г. Кара-Мурза. – URL: http://www.kara-murza.ru/books/war/civil_war_content.htm (дата обращения: 15.03.2019).

203. Касьянов, В. В. Национальная политика в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР, 1920-е гг.: институционный и коммуникационный аспект взаимодействия власти и общества / В. В. Касьянов, А. В. Баранов, А. В. Ишин, А. Ю. Рожков. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2022. – 450 с.

204. Кин, Д. Деникинщина / Д. Кин. – Ленинград: Прибой, 1927. – 275 с.

205. Кожевин, В. Л. Российская революция 1917 года и ментальность больших социальных групп: проблемы изучения / В. Л. Кожевин // Вестник Омского университета. – 1999. – Вып. 3. – С. 78–84.

206. Козаков, А. С. Общие причины возникновения бандитизма и крестьянских восстаний / А. С. Козаков // Красная Армия. – 1921. – № 9. – С. 21–39.

207. Козлов, А. И. Изучение истории борьбы за власть Советов на Дону и Северном Кавказе / А. И. Козлов, К. А. Хмелевский, Л. А. Этенко // Вопросы истории. – 1981. – № 10. – С. 32–46.

208. Козлов, В. А. Культурная революция и крестьянство. 1921–1927 гг. / В. А. Козлов. – Москва: Наука, 1983. – 215 с.

209. Козлова, Н. Н. Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора / Н. Н. Козлова. – Москва: Институт философии РАН, 1996. – 215 с.

210. Колоницкий, Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года / Б. И. Колоницкий. – Санкт-Петербург: Лики России, 2012. – 350 с.

211. Кондрашин, В. В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма / В. В. Кондрашин. – Москва: РОССПЭН, 2009. – 574 с.

212. Крицман, Л. Н. Пролетарская революция и деревня / Л. Н. Крицман. – Москва; Ленинград: Госиздат, 1929. – 576 с.

213. Кром, М. М. Отечественная история в антропологической перспективе / М. М. Кром // Исторические исследования в России-2: Семь лет спустя. М., 2003. – 231 с.

214. Кузнецов, И. С. Советский тоталитаризм: очерк психоистории / И. С. Кузнецов. – Новосибирск: Издательство Новосибирского государственного университета, 1995. – 156 с.

215. Кукушкин, Ю. С. Сельские советы и классовая борьба в деревне (1921–1932 гг.) / Ю. С. Кукушкин. – М.: Издательство Московского государственного университета, 1968. – 274 с.

216. Куликов, В. М. К вопросу о содержании идеологии советского крестьянства в доколхозный период / В. М. Куликов // Проблемы истории советского крестьянства. Сборник статей / редкол.: М. П. Ким (отв. ред.) и др. – Москва: Наука, 1981. – С. 114–121.

217. Кулов, С. Д. Керменисты в борьбе за Советскую власть / С. Д. Кулов. – Орджоникидзе: Ир, 1973. – 68 с.

218. Кулов, С. Д. Повстанцы Юго-Осетии в Терской Советской Республике / С. Д. Кулов // Известия Южно-Осетинского научно-исследовательского института. – Цхинвали, 1962. – Вып. 11. – С. 200–231.

219. Кучиев, В. Д. Октябрь и Советы на Тереке. 1917-1918 гг. / В. Д. Кучиев. – Орджоникидзе: Ир, 199. – 157 с.

220. Ларина, В. И. Их именами названы улицы / В. И. Ларина. – 2-е изд., доп. – Орджоникидзе: Ир, 1979. – 264 с.

221. Лебон, Г. Психология толп / Г. Лебон. – Москва: Институт психологии РАН; Издательство «КСП+», 1998. – 416 с.
222. Леонов, С. В. Рождение советской империи: Государство и идеология, 1917–1922 гг. / С. В. Леонов. – Москва: Диалог-МГУ, 1997. – 356 с.
223. Лившин, А. Я. Настроения и политические эмоции в Советской России 1917–1932 гг. / А. Я. Лившин. – Москва: РОССПЭН, 2010. – 344 с.
224. Литвин, А. П. Гражданская война. Ломка старых догм и стереотипов / А. П. Литвин, В. Д. Поликарпов, Л. М. Спирин // Истории спорят. 13 бесед. – М.: Политиздат, 1988. – С. 46–83.
225. Лобанов, В. Б. Терское антибольшевистское восстание (июнь – ноябрь 1918 года): современный взгляд / В. Б. Лобанов // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2012. – № 4. – С. 47–51.
226. Лыкошина, Л. С. Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память / Л. С. Лыкошина. – Москва; Санкт-Петербург, 2014. – 314 с.
227. Мазур, Л. Н. Формирование социальной структуры советского общества: от идеи равенства к новому неравенству / Л. Н. Мазур // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программа социальных преобразований: сборник научных трудов / гл. ред. Л. Н. Мазур. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2017. – С. 470–496.
228. Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы) / С. А. Красильников, Л. И. Пыстина, М. С. Саламатова и др.; ответственный редактор С. А. Красильников. – 2-е изд. – Москва: РОССПЭН, 2017. – 598 с.
229. Марзоев, М. Е. Борьба Коммунистической партии за укрепление союза рабочего класса и крестьянства в первые годы восстановительного периода (1921-1922) / М. Е. Марзоев // Ученые записки Северо-Осетинского государственного педагогического института. – Владикавказ, 1958. – Т. 23. – Вып. 3. – С. 3–25.

230. Марков, В. Б. История и повседневность / В. Б. Марков, В. М. Литвинский // *Философия, политология, социология, психология, право*. – Санкт-Петербург, 993. – Вып. 4. – С. 3–11.

231. Марченя, П. П. Массовое правосознание как фактор русской революции 1917 г. / П. П. Марченя // *История государства и права*. – 2010. – № 19. – С. 20–22.

232. Марченя, П. П. Массы и партии в 1917 г.: массовые создания как доминанта русской революции / П. П. Марченя // *Новый исторический вестник*. – 2008. – № 2(18). – С. 64–78.

233. Метёлкина, Л. Н. Бывшие красные партизаны как ресурс региональной элиты (на примере Восточной Сибири первой половины 1930-х годов) / Л. Н. Метёлкина // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. – Тамбов, 2011. – № 5–3(11). – С. 118–126.

234. Миронова, Т. П. Политическое сознание советского доколхозного крестьянства в обществоведческой литературе 70–80-х гг. / Т. П. Миронова // *Проблема историографии и истории культуры народов СССР*. – Москва, 1988. – С. 115–127.

235. Моисеев, Г. М. К истории решения аграрного вопроса на Тереке (1918–1920 гг.) / Г. М. Моисеев. – Орджоникидзе: Северо-Осетинский научно-исследовательский институт, 1970. – 102 с.

236. Морозова, О. М. Антропология Гражданской войны / О. М. Морозова. – Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2012. – 559 с.

237. Морозова, О. М. Два акта драмы: боевое прошлое и послевоенная жизнь ветеранов Гражданской войны / О. М. Морозова. – Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2010. – 360 с.

238. Морозова, О. М. Цари, казаки, красные командиры... Семь очерков в жанре историко-психологического портрета / О. М. Морозова. – Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2010. – 276 с.

239. Мулукаев, Р. С. К истории Горской АССР / Р. С. Мулукаев // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. – Орджоникидзе, 1955. – Т. 20. – С. 221–244.

240. Народ и власть в российской смуте: Сборник научных статей участников Международного круглого стола «Народ и власть в российской смуте» (Москва, 23 октября 2009 г.) / под ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разина. – Москва: Изд. Военно-воздушной академии имени проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина, 2010. – 348 с.

241. Нарский, И. В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. / И. В. Нарский. – Москва: РОССПЭН, 2001. – 613 с.

242. Невский, В. И. Что сделано по истории революционного движения за 10 лет / В. И. Невский // Печать и революция. – 1927. – № 8. – С. 10–18.

243. Нехамкин, В. А. Донос как социально-психологический феномен (из отечественного опыта 1930-х годов) / В. А. Нехамкин // Историческая психология и социология истории. – 2014. – Т. 7. – № 2. – С. 63–79.

244. Никонов, И. Д. Крестьянские восстания в Юго-Осетии в 1917–1920 гг. / И. Д. Никонов. – Сталинир: [б. и.], 1956. – 101 с. // Архив Южно-Осетинского научно-исследовательского института. Ф. 1. Оп. 3. Д. 65. Л. 3–104.

245. Никулин, В. В. Власть и общество в 20-е годы. Политический режим в период нэпа. Становление и функционирование (1921–1929 гг.) / В. В. Никулин. – Санкт-Петербург: Нестор, 1997. – 194 с.

246. Новая локальная история макрорегиона: практикум / авт.-сост.: Т. А. Булыгина, К. Р. Амбарцумян. – Ставрополь: Издательство Северо-Кавказского федерального университета, 2016. – 205 с.

247. Новиков, В. В. Проблема осетинского единства в XX – XXI вв. Исторический и политический аспект. Ранние советские годы / В. В. Новиков // Кавказские научные записки. – 2012. – № 4. – URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2013/08/07/problema-osetinskogo-edinstva-v-xx-nachale-xxi-vekov-i.html> (дата обращения: 10.12.2022).

248. Осколков, Е. Н. Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 года в Северо-Кавказском крае / Е. Н. Осколков. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1991. – 91 с.

249. Очерки истории Юго-Осетии / Б. В. Техов, Ю. С. Гаглойти, З. Д. Гаглоева и др. – Цхинвали: Ирыстон, 1969. – Т. 1. – 273 с.

250. Пантюхина, Т. Л. Мифотворчество как состояние сознания / Т. Л. Пантюхина // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации: сборник научных трудов. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2018. – С. 147–151.

251. Петрова, М. П. Партизанское движение на Ставрополье в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны / М. П. Петрова // Ученые записки Пятигорского государственного педагогического института. – Пятигорск, 1958. – Вып. 5. – С. 109–142.

252. Плиев, Б. З. Борьба трудящихся Южной Осетии за Советскую власть (1917–1921 гг.) / Б. З. Плиев. – Цхинвали: Ирыстон, 1977. – 294 с.

253. Плиев, Б. З. О культурном строительстве в Юго-Осетии в восстановительный период (1921–1925 гг.) / Б. З. Плиев // Известия Южно-Осетинского научно-исследовательского института. – Сталинири, 1960. – Вып. X. – С. 113–135.

254. Плиев, Б. З. Промышленность Юго-Осетии в довоенный период / Б. З. Плиев // Известия Южно-Осетинского научно-исследовательского института. – Цхинвал, 1964. – Вып. XIII. – С. 117–161.

255. Плиев, Б. З. Образование Юго-Осетинской автономной области / Б. З. Плиев, И. Н. Цховребов. – Цхинвали: Ирыстон, 1972. – 82 с.

256. Поляков, Ю. А. О политических настроениях крестьянства к концу гражданской войны / Ю. А. Поляков // Октябрь и гражданская война в СССР. – Москва: Наука, 1966. – С. 364–380.

257. Поляков, Ю. А. Переход к нэпу и советское крестьянство / Ю. А. Поляков. – М.: Наука, 1967. – 511 с.

258. Поляков, Ю. А. Человек в повседневности: прошлое и настоящее / Ю. А. Поляков, В. Б. Жиромская // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2003. – № 2. – С. 7–10.

259. Поршнева, О. С. «Новый человек» как феномен советского проекта индустриального развития (1920 – начало 30-х гг.) / О. С. Поршнева // Индустриальное развитие региона и мира: история и современность: сборник материалов Всероссийской научной конференции, 19–20 октября 2018 г., Екатеринбург. – Екатеринбург: Издательство УМЦ Уральского политехнического института, 2019. – С. 231–240.

260. Поршнева, О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период мировой войны (1914 – март 1918 г.) / О. С. Поршнева. – Екатеринбург: Уральское отделение РАН, 2000. – 415 с.

261. Поршнева, О. С. Стратегия борьбы с военной угрозой как механизм мобилизации советского общества на рубеже 1920-1930-х гг. / О. С. Поршнева // Документ. Архив. История Современность: сборник научных трудов. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2017. – Вып. 17. – С. 245–254.

262. Поршнева, О. С. «Новый человек» как феномен советского проекта модернизации 1920–1930-х гг.: замыслы и реальность / О. С. Поршнева // Исторические вызовы и экономическое развитие России. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. – Екатеринбург: ООО Универсальная типография «Альфа-Принт», 2019. – С. 439–443.

263. Поршнева, О. С. Осознание и поведение человека раннесоветского общества: предпосылки, этапы, характер трансформации / О. С. Поршнева // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации: сборник научных трудов. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2018. – С. 372–382.

264. Посадский, А. В. Феномен красных партизан. 1920–1930-е годы / А. В. Посадский // Вопросы истории. – 2010. – № 1. – С. 79–91.

265. Пушкарев, Л. Н. Источники по изучению менталитета участников войны (на примере Великой Отечественной) / Л. Н. Пушкарев // Военно-историческая антропология. – Москва: РОССПЭН, 2002. – С. 319–333.

266. Раждаев, П. Н. Основные черты организации крестьянского хозяйства на Северном Кавказе / П. Н. Раждаев. – Ростов-на-Дону: Издание Северо-Кавказского краевого земельного управления, 1925. – 48 с.

267. Разгон, И. С. Из истории борьбы горцев Северного Кавказа за власть Совета в 1917–1920 годах / И. С. Разгон // Историк-марксист. – 1941. – № 2. – С. 49–59.

268. Разгон, И. С. Орджоникидзе и Киров, и борьба за власть Советов на Северном Кавказе / И. С. Разгон. – Москва: Госполитиздат, 1941. – 332 с.

269. Разиньков, М. Е. Деструкция здоровья участников военных действий под влиянием «долгой войны» 1914–1922 гг. / М. Е. Разиньков, О. М. Морозова, А. В. Посадский // Манускрипт. – Тамбов, 2020. – Т. 3, № 1. – С. 42–49.

270. Ратгаузер, Я. А. К истории гражданской войны на Тереке / Я. А. Ратгаузер. – Баку: Азербайджанский государственный университет, 1928. – 47 с.

271. Революция 1917 года в судьбах народов Кавказа. Материалы Международной научной конференции, посвященная 100-летию революции 1917 года в России (17 октября 2017 г., Владикавказ). – Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, 2017. – 301 с.

272. Рклицкий, М. В. Главнейшие моменты в истории хозяйственного быта Северной Осетии и современная экономика области / М. В. Рклицкий // Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения. – Владикавказ. – 1926. – Вып. II. – С. 157–227.

273. Рожков, А. Ю. Письма «во власть» как исторический источник изучения социальных проблем студенчества в советской России 1920-х гг. /

А. Ю. Рожков, О. А. Мамонтова // Общество: философия, история, культура. – 2019. – № 1 (57). – С. 85–93.

274. Румянцева, М. Ф. Новая локальная история и современное гуманитарное знание / М. Ф. Румянцева // Новая локальная история. Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета, 2006. – Вып. 3. – С. 271–275.

275. Савин, А. А. «Ордена и отличия нам нужны»: роль наград в формировании советской идентичности / А. А. Савин // Россия XXI. – 2015. – № 5. – С. 28–37.

276. Савин, А. И. «Считаю совершенно недопустимым наименование именами врагов народа СССР». К вопросу о «чистке» библиотек и географических карт в СССР во второй половине 1930-х гг. / А. И. Савин // Исторический курьер. – 2019. – № 1 (3). – URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER> (дата обращения: 18.01.2022).

277. Санакоев, М. П. Из истории крестьянского вопроса в Юго-Осетии (1907–1914 гг.) / М. П. Санакоев. – Цхинвали: Книжный сектор Юго-Осетинского издательства, 1968. – 122 с.

278. Семёнов, А. А. Власть и население Северного Кавказа в период гражданской войны НЭПа, 1917–1925 / А. А. Семёнов. – Славянск-на-Кубани: Изд. Центр Славянского-на-Кубани государственного педагогического института, 2008. – 150 с.

279. Семёнов, А. А. Общественно-политический кризис и разрушение традиционного сознания населения Северного Кавказа в годы Гражданской войны / А. А. Семёнов // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – Краснодар, 2013. – № 90. – С. 656–676.

280. Семёнов, А. А. Специфика восприятия экономической жизни властью и населением России в годы гражданской войны (1917–1920 гг.) / А. А. Семёнов, А. А. Долголевич // Евразийский союз учёных. – 2014. – № 8–4. – С. 146–147.

281. Семёнов, А. А. Пространственные представления населения России в годы Гражданской войны (1917–1920 гг.) / А. А. Семёнов, В. С. Русанов // Евразийский союз ученых. – 2014. – № 8–4. – С. 151–152.

282. Сенявская, Е. С. Военная антропология: опыт становления и развития новой научной отрасли / Е. С. Сенявская // Вестник Мининского университета. – 2016. – № 1–2. – С. 88–110.

283. Сенявская, Е. С. Психология войны в XX веке / Е. С. Сенявская. – Москва: РОССПЭН, 1999. – 383 с.

284. Сенявская, Е. С. Человек на войне: опыт историко-психологической характеристики российского комбатанта / Е. С. Сенявская. // Отечественная история. – 1995. – № 3. – С. 7–16.

285. Сенявский, А. С. Трансформации российского общества в XIX – XX вв. и личностные модели поведения / А. С. Сенявский // Человек и личность в истории России: конец XIX – XX в.: Материалы международного colloquium. – Санкт-Петербург: ООО «Нестор-История», 2013. – С. 68–82.

286. Скорик, А. П. Иное понимание советской власти: история социальной борьбы «красных партизан» в 1920–1930-х гг. (на материалах Юга России) / А. П. Скорик, Р. Г. Тикиджьян // Преподаватель XXI век. Исторические науки. – 2009. – № 3. – С. 230–238.

287. Скорик, А. П. Красные партизаны в советской деятельности 1920-х-1930-х годов (на материалах Юга России) / А. П. Скорик, Р. Г. Тикиджьян // Российская история. – 2009. – № 4. – С. 104–114.

288. Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации: сборник научных трудов / под ред. О. В. Горбачёва и Л. Н. Мазур. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2018. – 558 с.

289. Сорокин, А. Н. Население Терской области в условиях революционных трансформаций / А. Н. Сорокин, С. А. Хубулова // История и культура народов Юга России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых, посвященной 100-летию образова-

ния Чеченской Республики. – Грозный: Чеченский государственный университет, 2022. – С. 107–112.

290. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин. – Москва: Политиздат, 1992. – 362 с.

291. Социальная история. Ежегодник, 2000 / отв. ред. К. М. Андерсон, Л. И. Бородкин. – Москва: РОССПЭН, 2000. – 351 с.

292. Социальная история. Ежегодник, 2003 / отв. ред. Н. Л. Пушкарёва. – Москва: РОССПЭН, 2003. – 525 с.

293. Социальная история. Ежегодник, 2007 / отв. ред. К. М. Андерсон. – Москва: РОССПЭН, 2007. – 365 с.

294. Стройло, И. С. Повстанческое движение на территории Северо-Кавказского военного округа / И. С. Стройло // Красная Армия. – 1921. – № 9. – С. 55–65.

295. Судакова, Т. Г. Формирование Владикавказского отделения Верховного трибунала ВЦИК и его место в системе органов чрезвычайной судебной власти Горской республики (июнь 1921 г. – апрель 1923 г.) / Т. Г. Судакова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2013. – № 7 (33). – С. 195–199.

296. Суровцева, Е. В. Письмо-донос как разновидность жанра «письма вождю» (сталинская эпоха) / Е. В. Суровцева // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2009. – № 10. – С. 243–245.

297. Тадтаев, Т. В. Национально-освободительное движение в Южной Осетии в 1905–1907 гг. / Т. В. Тадтаев // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. – Владикавказ, 2014. – № 1. – С. 67–72.

298. Тадтаев, Т. В. Южная Осетия в 1920 году (часть I) / Т. В. Тадтаев // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. – Владикавказ, 2015. – № 2. – С. 75–80.

299. Телицын, В. Л. Бессмысленный и беспощадный? Феномен крестьянского бунтарства 1917–1921 годов / В. Л. Телицын. – Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2003. – 335 с.

300. Токарева, Н. А. Деформация социально-экономических отношений в станицах и селах Северо-Кавказского края в 1928–1929 гг.: причины и последствия / Н. А. Токарева. – Ростов-на-Дону: АРТ, 1994. – 189 с.

301. Тотоев, М. С. Очерки истории революционного движения в Северной Осетии (1917–1920 гг.) / М. С. Тотоев. – Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1957. – 180 с.

302. Трифонов И. Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921–1923 гг.) / И. Я. Трифонов. – Ленинград: Издательство Ленинградского государственного университета, 1964. – Ч. 1. – 311 с.

303. Трифонов И. Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР / И. Я. Трифонов. – Москва: Политиздат, 1975. – 406 с.

304. Туаева, М. П. Политическое мышление и политическая культура крестьянства в первой половине 1920-х гг. / М. П. Туаева // Северная Осетия: история и современность. Сборник статей. – Владикавказ: Северо-Осетинский НИИ истории, филологии и экономики, 1990. – Вып. 8. – С. 39–45.

305. Туфанов, Е. В. К вопросу становления системы льгот и привилегий партийно-государственной номенклатуры в 1920–1930-е гг. (на материалах Северного Кавказа) / Е. В. Туфанов // Современная научная мысль. – Пятигорск, 2018. – № 2. – С. 80–86.

306. Туфанов, Е. В. Партийно-государственная номенклатура и промышленная модернизация народного хозяйства во второй половине 1920-х гг. (на материалах Северного Кавказа) / Е. В. Туфанов // Гуманитарные и юридические исследования. – Ставрополь, 2021. – № 4. – С. 131–137.

307. Туфанов, Е. В. Партийно-государственная номенклатура и процесс индустриализации в Северо-Кавказском регионе / Е. В. Туфанов, И. Н. Кра-

вченко // Вестник Калмыцкого университета. – Элиста, 2021. – № 1 (49). – С. 31–38.

308. Туфанов, Е. В. Кадры региональных управленцев в 1920–1930-е годы: становление и функционирование (на материалах Северного Кавказа) / Е. В. Туфанов. – Ставрополь: ООО ИД ТЭСЭРА, 2018. – 206 с.

309. Тяжелникова, В. С. «Военный синдром» в поведении коммунистов 1920-х годов / В. С. Тяжелникова // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Москва: РОССПЭН, 2002. – URL: <https://rabkrin.org/> (дата обращения: 10.10.2022).

310. Тяжелникова, В. С. Самоубийства среди коммунистов в 1920-е гг. / В. С. Тяжелникова // Отечественная история. – 1998. – № 6. – С. 158–174.

311. Узнародов, М. Т. Борьба коммунистов Северного Кавказа за укрепление Советской власти и разрешение аграрного вопроса (1920–1921 гг.) / М. Т. Узнародов // Ученые записки Ростовского государственного педагогического института. – Ростов-на-Дону, 1954. – Вып. 2. – С. 95–126.

312. Фидельский, С. В. Трансформация правовой культуры населения Юга России в годы Гражданской войны (1917–1920 гг.) / С. В. Фидельский. // Вестник Чувашского университета. – Чебоксары, 2011. – С. 122–125.

313. Фицпатрик, Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века / Ш. Фицпатрик. – Москва: фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина»; РОССПЭН, 2011. – 375 с.

314. Фицпатрик, Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы / Ш. Фицпатрик. – Москва: РОССПЭН, 2001. – 422 с.

315. Френкин, М. С. Трагедия крестьянских восстаний в России, 1918–1921 гг. – Иерусалим: Лексикон, 1987. – 251 с.

316. Хасиев, А. И. Хозяйственное и социокультурное строительство Северной Осетии / А. И. Хасиев. – Владикавказ: Типо-фото-цинкография изд-ва «Растдзинад», 1928. – 60 с.

317. Хлевнюк, О. В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество / О. В. Хлевнюк. – Москва: Республика, 1992. – 268 с.

318. Хлынина, Т. П. «Кто более матери истории ценен?»: красноармейцы и инвалиды в системе социального обеспечения (1920-е гг. – начало 1930-х гг.) / Т. П. Хлынина // Проблемы российской истории. – Москва: Магнитогорск: Институт российской истории РАН; Магнитогорский государственный университет, 2010. – Вып. 10. – С. 117–125.

319. Хрящева, А. И. Группы и классы в крестьянстве / А. И. Хрящева. – Москва: Центральное Статистическое Управление Союза ССР, 1926. – 172 с.

320. Хубулова, С. А. «Неудобный класс»: некоторые проблемы социально-экономического и этногеографического развития доколхозного северокавказского крестьянства / С. А. Хубулова. – Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет, 2003. – 144 с.

321. Хубулова, С. А. «Я – бывший красный партизан»: комбатанты гражданской войны в эго-документах / С. А. Хубулова // Кавказоведение: опыт, проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 100-летию известного учёного-кавказоведа, профессора Валентины Павловны Невской. – Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева, 2019. – С. 251–258.

322. Хубулова, С. А. Анкеты как часть источниковой базы исследования социально-правового статуса бывших красных партизан Осетии (1920–1930-е гг.) / С. А. Хубулова // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. – Владикавказ, 2016. – № 21 (60). – С. 61–69.

323. Хубулова, С. А. Деятельность Северо-Осетинской комиссии по делам бывших красногвардейцев и красных партизан (1924–1935 гг.) / С. А. Хубулова // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. – Владикавказ, 2017. – № 23 (62). – С. 136–164.

324. Хубулова, С. А. Заявления бывших красных партизан Юга России в 1920–1930-х гг. / С. А. Хубулова // Вопросы истории. – 2018. – № 9. – С. 54–66.

325. Хубулова, С. А. Терское казачество в политических коллизиях 1917–1930-х гг. / С. А. Хубулова // Социальное противостояние и его проявления на Юге России в XX – начале XXI в. (к столетию начала Гражданской войны и образования Донской республики). Материалы Всероссийской научной конференции. – Ростов-на-Дону: Южный научный центр Российской академии наук, 2018. – С. 11–17.

326. Хубулова, С. А. «Про нас, как красных партизан, забыли и думать, что мы есть на свете»: комбатанты Осетии в эго-документах / С. А. Хубулова, Б. Б. Гаглыева // Электронный журнал «Кавказология». – Нальчик, 2018. – № 3. – С. 54–68.

327. Хубулова, С. А. Жизненные стратегии ветеранов гражданской войны (на материалах Северной и Южной Осетии) / С. А. Хубулова, Б. Б. Гаглыева // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. – Владикавказ, 2016. – № 25 (64). – С. 88–99.

328. Хубулова, С. А. Мутное зеркало истории: жизнь и судьба комбатантов гражданской войны в условиях перехода к миру / С. А. Хубулова, Б. Б. Гаглыева // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. – Владикавказ, 2016. – № 3. – С. 95–100.

329. Хубулова, С. А. Послереволюционная жизнь бывших красных партизан (по материалам Северной Осетии) / С. А. Хубулова, Б. Б. Гаглыева, З. В. Сосранова // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – Грозный, 2018. – № 6 (43). – С. 79–89.

330. Хубулова, С. А. Жалобы бывших красных партизан о лишении статуса как исторический источник повседневной жизни 1920–1930-х гг. / С. А. Хубулова, Э. В. Хубулова // Кавказский мир: проблемы образования, языка, литературы, истории и религии: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет». – Грозный: Чеченский государственный университет 2018. – С. 383–388.

331. Хубулова, Э. В. Жалобы бывших красных партизан Осетии на лишение их этого статуса (1933–1935 гг.) / Э. В. Хубулова, Л. Ч. Хаблиева, Б. Б. Гаглоева // Локус: люди, общество, культура, смыслы. – 2021. – Т. 12, № 1. – С. 20–29.

332. Цаликов, А. Избранное / А. Цаликов. – Владикавказ: Ир, 2002. – URL: <http://iriston.com/nogbon/news.php?newsid=1135> (дата обращения: 22.11.2022).

333. Царикаев, А. Т. Кто руководил Северной Осетией. 1924–1938 гг.: биографический справочник / А. Т. Царикаев. – Владикавказ: Издательство Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований, 2011. – 217 с.

334. Царикаев, А. Т. Практика лишения избирательных прав граждан в 1920-е годы / А. Т. Царикаев // Актуальные проблемы гуманитарных наук: Сборник научных трудов. – Владикавказ: Издательство Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований, 2009. – С. 62–69.

335. Цховребов, В. Д. Южная Осетия в период трех революций (1900–1921) / В. Д. Цховребов, М. П. Санакоев. – Тбилиси: Мецниереба, 1981. – 223 с.

336. Цховребов, И. Н. Юго-Осетинский Национальный Совет / И. Н. Цховребов. – Цхинвал: Южная Алания, 2005. – 60 с.

337. Цховребов, И. Н. Борьба трудящихся Юго-Осетии за установление Советской власти (1917–1921 гг.) / И. Н. Цховребов // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института. – Цхинвали, 1957. – Вып. 8. – С. 37–86.

338. Цховребов, Н. З. Очерки истории Юго-Осетинской организации компартии Грузии. Ч. 1. 1905–1921 гг. Н. З. Цховребов. – Сталинири: Госиздат Юго-Осетии, 1961. – 149 с.

339. Цховребов, Ю. В. Южная Осетия и трагический 1937 год / Ю. В. Цховребов // Ванеев, В. Д. Люди, помните о нас. Книга-справочник о

репрессированных граждан Республики Южная Осетия / В. Д. Ванеев. – Цхинвал: Южная Алания, 2005. – С. 7–184.

340. Цховребова, З. Д. Южные осетины в Юго-Осетии и Грузии в XIX–XX вв./ З. Д. Цховребова. – Цхинвал: Ирыстон, 2007. – 223 с.

341. Человек и война. Война как явление культуры / под ред. И. В. Нарского, О. Ю. Никоновой. – Москва: АИРО-XX, 2001. – 478 с.

342. Человек и общество в условиях войн и революций: сборник материалов Всероссийской научной конференции (11 декабря 2014 г., Самара, СамГТУ) / отв. ред. Е. Ю. Семенова. – Самара: Самарский государственный технический университет, 2014. – Вып. 1. – 214 с.

343. Червочкин П. Колхозы Северокавказского края / П. Червочкин. – Ростов-на-Дону, 1954. – 121 с.

344. Чернопицкий, П. Г. Деревня Северокавказского края в 1920–1929 гг. / П. Г. Чернопицкий. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского государственного университета, 1987. – 230 с.

345. Чистиков, А. Н. «Надо арестовывать осторожно»: судебная ответственность советской бюрократии 1917–1920-х гг. / А. Н. Чистиков // Россия в XX веке: проблемы политической, экономической и социальной истории. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2008. – С. 126–135.

346. Чшиева, М. Ч. Промышленность Северной Осетии накануне революции 1917 г. / М. Ч. Чшиева // Труды молодых учёных Владикавказского научного центра РАН. – 2014. – Т. 1, № 4. – С. 119–129.

347. Шанин, Т. Крестьянство как политический фактор / Т. Шанин // Крестьяне и фермеры в современном мире: Хрестоматия. – Москва: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. С. 3–17.

348. Шишкин, В. И. Красный бандитизм в советской Сибири / В. И. Шишкин // Советская история: проблемы и уроки / В. И. Шишкин. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 3–79.

349. Шишкин, В. И. Социальная мобильность в России в эпоху войн, революций и радикальных трансформаций первой половины XX в.: основные направления и результаты изучения / В. И. Шишкин, А. И. Савин // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 2014. – № 4. – С. 74–80.

350. Щербинин, С. А. Власть и население Северного Кавказа в период революции и Гражданской войны (1917–1920 гг.) / С. А. Щербинин // Вестник Адыгейского государственного университета. – Майкоп, 2005. – № 2. – С. 43–46.

351. Янчевский, Н. Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе В 2-х т. / Н. Л. Янчевский. – Ростов-на-Дону: Севкавказ, 1927. – Т. 1. – 372 с.; Т.2. – 165 с.

352. Яров, С. В. Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х гг. / С. В. Яров. – Санкт-Петербург: Европейский дом, 2006. – 244 с.

353. Ярославский, Е. М. Краткая энциклопедия большевизма. К выходу «Краткого курса» истории ВКП(б) под редакцией Комиссии ЦК ВКП(б), одобренного ЦК ВКП(б) / Е. М. Ярославский // Историк-марксист. – 1938. – № 5. – С. 17–27.

354. Яхутль, Ю. А. Выборы Советов на Дону и Кубани (1925–1926 гг.): проблема выбора курса реформ // Власть. – 2017. – № 12. – С. 123–129.

355. Яхутль, Ю. А. Бело-зелёное движение на Кубани и Черноморье в начале 20-х годов прошлого столетия // Культурная жизнь Юга России. – Краснодар, 2010. – № 3 (37). – С. 49–53.

356. Brovkin, V. N. Behind the Front Lines of the Civil War. Political Parties and Social Movements in Russia, 1918–1922 / V. N. Brovkin. – Princeton: Princeton University Press, 1994. – 455 p.

357. Fitzpatrick, Sh. Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1932 / Sh. Fitzpatrick. – Cambridge: University Press, 1979. – 335 p.

358. Frame, M. The Russian Revolution, 1905–1921. A Bibliographic Guide to Works in English / M. Frame. – Westport (Connecticut); London: Greenwood Press, 1995. – XVI, 308 p.

359. Holquist, P. A Russian Vendee: the Practice of Revolutionary Politics in the Don Countryside, 1917–1921: PhD diss. / P. Holquist. – New York: Columbia University Press, 1995. – 862 p.

360. Khubulova, S. A. Social reflections of former civil war red partisans in the post-war period / S. A. Khubulova, Z. V. Sosranova, Z. E. Dzotsoeva, A. T. Tsarikaev, B. B. Gagloeva // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. Conference: SCTCGM 2018 – Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism. Conference Chair(s): Bataev Dena Karim-Sultanovich – Doctor of Engineering Sciences, professor, director of the Complex Scientific Research Institute n. a. H.I. Ibragimov of the Russian Academy of Sciences. – Grozny, 2019. – P. 2510–2515.

361. Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800–1921 / ed. by E. Kingstone-Mann, T. Mixer. – Princeton: Princeton University Press, 1991. – 387 p.

362. Pipes, R. The Russian Revolution / R. Pipes. – New York: Knopf, 1990. – 208 p.

363. Smele, J. D. The Russian Revolution and Civil War: 1917–1921 / J. D. Smele. – London; New York: Continuum, 2003. – 319 p.

364. Viola, L. Peasant Rebels under Stalin. Collectivization and the Culture of Peasant Resistance / L. Viola. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – 312 p.

Диссертации и авторефераты диссертаций

365. Атаев, Р. А. Власть и крестьянство Северной Осетии в 1921–1927-е гг.: формирование новых социальных реалий: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Атаев Рашид Алиевич; Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований Владикавказского научного центра РАН и Правительства РСО-Алания. – Владикавказ, 2008. – 211 с.

366. Бичегкуев, Т. Т. Социокультурный облик коммунистов Северной Осетии в 1920-е гг.: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Бичегкуев Тамерлан Таймуразович; Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова. – Владикавказ, 2009. – 28 с.

367. Воробьева, А. Л. Мироззрение и образ жизни крестьян в 1920-х гг. (на материалах Урала): специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Воробьева Анна Леонидовна; Уральский государственный университет имени А. М. Горького. – Екатеринбург, 2007. – 24 с.

368. Джиниккаева, Д. О. Деятельность государственных органов по борьбе с преступностью в Северной Осетии в условиях нэпа: исторический аспект: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Джиниккаева Диана Олеговна; Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова. – Владикавказ, 2011. – 196 с.

369. Камболова, И. Т. Добровольные общества Северной Осетии в советской общественно-политической системе 1920–1930-х гг.: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Камболова Индира Таймуразовна; Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова. – Владикавказ, 2011. – 22 с.

370. Морозова, О. М. Человек в условиях гражданской войны: антропология российского вооруженного конфликта 1917–1920 гг.: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Морозова Ольга Михайловна; Институт по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук Южного федерального университета. – Ростов-на-Дону, 2012. – 66 с.

371. Сосранова, З. В. Социокультурные преобразования в осетинском селе в 1920 г.: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Сосранова Залина Владимировна; Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова. – Владикавказ, 2010. – 24 с.

372. Судакова, Т. Г. Создание и деятельность Отделения Верховного трибунала ВЦИК в Горской АССР (1921–1923 гг.): исторический аспект специальности 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Судакова Татьяна Григорьевна; Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-А. – Владикавказ, 2009. – 26 с.

373. Тадтаев, Т. В. Социально-экономические и демографические процессы в Южной Осетии (1861–1991 гг.): специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Тадтаев Таймураз Валерьевич; Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-А. – Владикавказ, 2009. – 26 с.

374. Тамаев, А. Т. Крестьянство Северной Осетии в период 1-й мировой войны, Февральской буржуазно-демократической революции и подготовки Великого Октября: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Тамаев Аслан Тамбиевич; Северо-Осетинский государственный университет. – Нальчик, 1979. – 19 с.

375. Токарева, Н. А. Деформация социально-экономических отношений в станицах и селах Северо-Кавказского края в 1920-х гг.: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Токарева Наталья Александровна; Ростовский государственный университет. – Ростов-на-Дону, 1994. – 19 с.

376. Фидарова, И. Б. Крестьянство Северной Осетии в условиях социально-экономических преобразований: конец 1920-х гг.: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Фидарова Ирина Борисовна; Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова. – Владикавказ, 2009. – 25 с.

377. Хубулова, С. А. Борьба крестьянства национальных районов Северного Кавказа за землю накануне и в ходе Октябрьской революции: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Хубулова Светлана Алексеевна; Ростовский государственный университет. – Владикавказ, 1984. – 224 с.

378. Чехоева И. А. Социальная политика советской власти на Северном Кавказе в 1917–1924 гг. (на материалах Терской республики и Горской АССР) специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Чехоева Ирма Александровна; Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова. – Владикавказ, 2001. – 25 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Количество промышленных предприятий во Владикавказском округе к 1912 г.

Известковые	кирпично-черепичник	винокуренные	пивоваренные	лесопилыни	водяные мельницы	другие заводы	итого	в них рабочих
12	58	2	1	17	856	2	948	1368

Источник: Терский календарь на 1913 год. Владикавказ, 1912. С. 82–83.

Приложение 2

Количество десятин земли на одно крестьянское хозяйство

Сельское общество	пашни	посевов
Авлевское	2,23	1,9
Ахалгоре кое	1,52	1,35
Белотское	1,26	1,11
Джавское	1,24	0,98
Кемультское	2,97	1,47
Корнисское	4,11	2,15
Лехурское	1,96	1,61
Неджврисхевское	1,09	1,34
Монастерское	1,01	0,91
Ортевское	1,06	0,9
Рокское	0,91	0,81
Тамарашенское	1,87	1,22
Цунарское	2,86	2,08

Источник: Никонов И. Крестьянские восстания в Юго-Осетии в 1917–1920 гг. Сталинир, 1956 // Архив ЮО НИИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 65. С. 3–11.

**Сведения об ущербе, причиненном трудящимся Северной Осетии
интервентами и белогвардейцами в годы Гражданской войны**

Название округа, селения	Число заявок	Сумма в довоенных рублях
г. Владикавказ	211	105790
с. Магометановское	183	4791
с. Христиановское	23	34965
с. Хумалаг	15	1355
с. Гизель	96	5109
с. Тулатово	3	250
с. Зилги	3	465
с. Заманкул	24	10825
с. Салугардан	68	44515
с. Ардон	127	8920
ст. Ардонская	6	1050
ст. Николаевская	8	1540
с. Кадгарон	15	4735
с. Дарг-Кох	9	2815
с. Батакоюрт	630	1116110
Дигорско-Алексеевское	-	39760
с. Майрамадаг	4	440
с. Разбун	-	-

Источник: Восстановительный период в Северной Осетии. 1921–1925 гг. Сборник документов и материалов /сост. А.К. Джанаев, Е.П. Кричина, Т.Г. Купча, Е.А. Кияницкая. – Орджоникидзе, 1965. С. 218–219.

Анкета с указанием службы в Осовиахиме

АНКЕТА

ПОВИННЫХ КРАСНЫХ ГВАРДИЙЦЕВ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
(Неправильное дача сведения карается законом)

1837

Имя *Гуро Гудович Малкин*

1893

Владимирская Гизельдом-стройотдел

Кандидат В.К.П. (об)

на работе

Член ли профсоюза *Союз строителей Бил. № 44/464821*

7. Семейное положение, сколько душ на иждивении, указать лета иждивенцев *Жена 30 л.*

Сын 5 лет.

8. Профессия *машинист*

9. Когда, где и в каких партизанских частях находился и какую работу исполнял *участовал в партизанских войсках 1918 г. Командовал ротой и полкостом в партизанских войсках 1920 г. Мох разведочный Ком.*

10. Был ли в эмиграции, где и когда эмигрировал *был*

11. Чем занимался, находясь в эмиграции (указать подробно) *1920 году попал в руки меньшевиков в Цхинвал в Катлеки расстрелян*

12. Если не эмигрировал, служил ли в белой армии и какую должность занимал *нет*

13. Когда вернулся с эмиграции _____

14. На какие средства живете теперь *своими трудом*

15. Нуждаетесь ли теперь в помощи и в какой *нуждаюсь как на Луцко маленки мало-воиние*

16. Кто может удостоверить, действительно, что вы находились в партизанских отрядах, если есть документы приложите _____

17. Отношение к воинской повинности *служил*

18. Состоите ли членом ОСО-авиахима *да член. бил. № 4099951*

Подпись поручителей: *Иванов*
Васильев

1930 г.

Источник: Государственный архив Республики Южная Осетия. Ф. 27. Оп. 1. Д. 183. Л. 1. Подлинник.

**Количество красных партизан по округам
Северо-Осетинской АО**

Наименование округа	Живых партизан	Умерших, погибших
Правобережный	102	24
Дигорский	221	109
Алагиро-Ардонский	92	34
Притеречный	32	19
Дзауджикауский	70	35
Итого	517	221

Источник: Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 827. Л. 18.

Примеры горизонтальной социальной мобильности красных партизан

Социальное происхождение до 1917 г.	Занятия в 1920-е гг.	Должность в отряде	Заслуги, награды
рабочий	рабочий	рядовой	нет
бедняк	колхозник	рядовой	нет
бедняк	чернорабочий	Помощник командира	нет

Источник: Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 1075–1084. Л. 16–29, 45–51.

Национальные кадры управленцев Осетии

Социальное происхождение до 1917 г.	Занятия в 1920-е гг.	Должность в отряде		Награды
Крестьянин, в прошлом унтер-сержант	На службе в НКВД	Красный командир		Был представлен и не получил
Крестьянин	Служащий	Командир отряда		Был представлен и не получил
Из крестьян	Студент	Рядовой		-
Из крестьян	Служащий	Младший политсостав		

Источник: Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания. Ф. Р-60. Оп.1. Д. 830. Л. 52

Проект окладов содержания ответственных политических работников Северо-Осетинской АО

Наименование должности	Разряд	Основная ставка	Нагрузка	Всего
Председатели окрисполкомов	3	100 руб.	75 руб.	175 руб.
Члены окрисполкомов, заведующие отделами	2	90	45	135
Зав. отделами облисполкома	4	110	90	200
Ответственные редакторы областной газеты	4	110	90	200
Председатель облисполкома	5	115	110	225

Источник: Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания. Ф. Р-51. Оп.1. Д. 63. Л. 123. Подлинник. Машинопись. Заверенная копия.

**ЗАЯВЛЕНИЕ БЫВШЕГО КРАСНОГО ПАРТИЗАНА Г.Д. БРАГИ
О НЕПРАВОМЕРНОМ ИСКЛЮЧЕНИИ ЕГО ИЗ СПИСКОВ КРАСНЫХ
ПАРТИЗАН**

1 февраля 1928 г., г. Владикавказ

Я, бывший красногвардеец гражданской войны, с 1917 г. воевал против белобандитов.

Участвовал в отряде железнодорожного батальона бойцом по разоружению офицерской сотни. Осенью 1918 г. участвовал в августовских боях, в 1919 г. защищал город от банд Шкуро, которым были вытеснены и отступали в г. Тифлис. В это время я был бойцом бронепоезда и в отсутствии командира взял на себя командование. В общем все время активно защищал республику от врагов.

В настоящее время Комиссия исключила меня из рядов красногвардейцев в связи с тем, что я служил кузнецом в грузинской армии. Но мы же работали по поручению краевого подпольного комитета РКП(б), дабы подготовить восстание и разложить армию. Работали не по своему желанию. А потому считаю незаслуженным мое исключение и прошу восстановить в рядах красногвардейцев.

Брага Г.Д.

Источник: Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 786. Л. 91. Рукопись. Подлинник. Автограф.

**Жалоба В.С. Антипанова в Северо-Кавказскую краевую комиссию
о несоблюдении законности в ходе «чистки» бывших красных партизан**

7 февраля 1932 г.

г. Орджоникидзе

В начале 1918 г., когда лишь загоралась заря пролетарской революционного движения, я не щадя своей молодой жизни, пошел добровольцем в ряды организуемых тогда партизанских отрядов, где сознательно и упорно боролся за интересы трудовых масс, перенося на этом пути все невзгоды и лишения.

В этот период времени, а именно 1918–1922 гг., мои родители как имеющие сына в партизанских отрядах, подверглись гонению и притеснению со стороны белых, небольшое их имущество было конфисковано, и они остались с семейством в 5 душ без крова. После чего они не вынесли гонений и умерли и только лишь потому, что их сын находился в рядах партизанских отрядов.

Со смертью родителей остались братья малолетнего возраста в количестве 5 человек, из которых трое умерли, а двое пошли на воспитание в детский дом, а также и в настоящее время еще самостоятельно прожить не могут без постороннего покровительства. Взять же их к себе я не в состоянии был, т.к. с 1918 г. по 1922 г. находился в рядах армии, впоследствии демобилизовался из Особого отдела Северо-Кавказского Краевого ВЧК.

В Особом отделе работал по борьбе с бандитами, участвовал в схватке против банды Синельникова, при налете на ст. Старощербиновскую. И вот я подал в Окружную комиссию по чистке красных партизан Алагиро-Ардонского округа заявление, анкету и документы о прохождении чистки. Это было в 1931 году.

В феврале 1931 г. я был вызван Окружной комиссией, где перед аудиторией в 500 человек я сделал доклад о своих партизанских движениях и ряд копий документов подшил также к материалам.

И вопреки всей моей действительности ко мне настолько отнеслись скептически, что не приняли даже моих доказательств документальных, несмотря на то, что ряд выступающих говорили «за».

И в своем решении комиссия постановила не признать ни партизаном, ни красногвардейцем. Между тем характерно то обстоятельство, что о решении комиссии я узнал в декабре 1931 г., и то уже в областной комиссии.

Поэтому я вынужден реагировать на явно несправедливое решение окружной и областной комиссий о непризнании моих заслуг перед советской страной. А потому прошу комиссию по чистке затребовать всю мою переписку из Алагиро-Ардонской комиссии и пересмотреть ее решение.

Антипанов

(подпись)

Находясь в болезненном состоянии и чувствуя себя с каждым часом, минутой и днем хуже, ибо болезнь моя мешает мне продолжать жить, в дальнейшем мой путь жизни закончится.

Цит. по: Хубулова С.А. Заявления бывших красных партизан Юга России в 1920-х – 1930-х гг. // Вопросы истории. – 2018. – № 9. – С. 61.

Единовременные пособия некоторым красным партизанам

Заявление красного партизана тов. Жукова с просьбой о предоставлении пособия	Выдать тов. Жукову пособие в сумме 5 рублей
То же Дудникову	Выдать тов. Дудникову пособие в сумме 10 руб. как неимеющему постоянной работы
То же Гацоеву	Выдать тов. Гацоеву пособие в сумме 3 руб.
То же Легкоеву	Выдать тов. Легкову пособие в сумме 3 руб. как остро нуждающемуся
То же тов. Манальскому	Выдать тов. Манальскому пособие в сумме 3 руб. как безработному

Источник: Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 795. Л. 23. Подлинник. Машинопись. Заверенная копия.

АНКЕТА ГАГЛОЕВА РУТЕНА НЕСТОРОВИЧА

3 ноября 1932 г.

1. Фамилия имя отчество – *Гаглов Рутен Несторович*
2. Возраст (год, мес. рожд. и какой местности уроженец) – *1888 год 12 февраля Юго-Осетия*
3. Место жительство (улица, дом, телефон) – *г. Сталинир*
4. Социальное положение в настоящее время и социальное происхождение - *сейчас служащий (Технорук Комбината), раньше крестьянин*
5. Партийность (с какого года и в какой партии) – *беспартийный*
6. Национальность – *осетин*
7. Член какого профсоюза и с какого года – *С 1931 года – Союз строителей*
8. Не лишен ли права выборов в советы – *нет*
9. Семейное положение, холост, женат, число иждивенцев – *холост*
10. Общее образование (где кончил учебное заведение) – *высшее*
11. Был ли под судом или следствием: арестован, наказан административно или иным порядком
(Когда, где, за что) до революции и после – *нет*
12. Полученное военное образование
В царской армии –
В красной армии – *нет*
13. Прохождение службы в Красной армии (по мобилизации или добровольно) в каких частях служил и когда и на каких должностях (приложить выписку из воинских документов) – *добровольно*
14. Когда и где, в какой именно дружине или отряде красной гвардии или партизанский отряд вступил, на какую должность –
15. Кто был начальником отряда и где он в данное время – *Козаев Иван*
16. Подробно перечислить в каких местностях, каких годах и в каких именно боях принимал участие – *Кехвии разных боях (принимал активное участие в партизанских боях против меньшевистского правительства 1918 и 1920 годах в Цхинвале и разных местностях Юго-Осетии)*
17. Имеет ли ранения и когда, где ранен – *нет*
18. Имеет ли знаки отличия и награды за боевые действия и какие – был представлен и не получил – *нет*
19. Какие имеются документы о службе в отрядах (приложить заверенные копии) – *нет*
20. Если нет документов, то подтвердит о службе в отрядах (приложить официальное подтверждение не менее двух руководителей) – *Бидзина Кочиев и Тате Кочиев*
21. Отношение к военной службе в настоящее время, где состоит на учете и по какой должности если снят с учета, по какой причине – *освобожден*
22. Был ли в плену (когда, у кого, где и сколько времени) –
23. Служил ли в учреждениях, где и на каких территориях, сколько времени последняя должность и чин:
А) в царской армии – *инженер 7 железнодорожного батальона*
Б) белой армии – *нет*
В) в меньшевистской армии – *нет*
Г) в дашнакской армии – *нет*
Д) в зеленой армии – *нет*

24. Что делал, или где и на каких должностях служил – *В разных по специальности инженера*

С 1905 до март 1917 – *учился, потом работал инженером*

С март по октябрь 1917 – *строил дороги в Осетии*

С 1917 до февраля 1921 – *то же самое*

С 1921 по сие время – *службы в СНХ, Коммунхозе, Перевальной дороге, Комбинате Грузлестреста.*

25. где в настоящее время служит и какую выполняет работу размер заработка – *Технорук Юго-Осетинского лесокомбината Грузлестреста, 400 рублей.*

26. Состоит ли членом ОСОВИАХИМа и какую несет работу – *нет*

27. Какую полезную работу может нести в организации красногвардейцев и партизан (общественную или же по производственной линии) – *по производственной линии*

Источник: Центральный государственный архив Республики Южная Осетия. Ф. 27. Оп. 1. Д. 612. Л. 1–4. Подлинник. Рукопись. Автограф.

Образец анкеты-рекомендации бывшему красному партизану

Социальное положение (рабочий, служащий, крестьянин)	
Место работы, должность до 1917 г.	Помощник командира полка
Парт. принадлежность в 1918г., в настоящее время, № парт. билета	№ 2087688
Кем и когда был в Красной Гвардии, кр. партизанах в 1917–1920 гг.	До конца военным
Принимал ли участие в боях, где и когда, в каких отрядах и против кого.	Во всех восстаниях против меньшевиков
Оставался ли у белых/меньшевиков после отступления красных сил, когда, по своему усмотрению, по заданию, по разорению	нет
Стоял ли в родстве и в каком с тем гражданином, кому выдает это поручительство	нет
Кому, конкретно какие были выделены поручительства, где и когда на получение права льгот и звания кр. партизан и красногвардеец	Галаванову Симону Николаевичу
Где и когда и при каких обстоятельствах по отряду знает бойца, кому выдает рекомендацию	Как участнику выделено в 1930г. поручительства в Областном Бюро красных партизан
Настоящим рекомендую как участника красногвардейского партизанского отряда в боях	Во всех юго-осетинских восстаниях
Личная подпись рекомендующего	Санакоев М.К.

Источник: Центральный государственный архив Республики Южная Осетия. Ф. 27. Оп. 1. Д. 187. Л. 3–4.

АНКЕТА-РЕКОМЕНДАЦИЯ

Для заполнения поручителями, подтверждающих участие рекомендуемого гражданина в отрядах красной гвардии или красных партизан

7 декабря 1932 г.

№	Вопросы	Ответы
1	Фамилия имя отчество поручителя	Чочиев Тате Григорьевич
2	Год и место рождения	Род.1890 с. Ортев
3	Вид на жительство № удостоверения	Парт. билет №0876685
4	Номер билета или удостоверения партизанского билета где и когда получил кто был поручителем	№83 Юго-Осетия 24 июля 1931
5	Социальное положение (рабочий, служащий крестьянин)	Служащий Выдвиженец
6	Место работы должность теперь и до 1917 г	Поликлиника Юго-Осетии Завхоз. до 1917 г работал Алаверд
7	Местожительство город улица №дома	г. Сталинир. ул. Сталина №48
8	Парт. принадлежность в 1918 и настоящее время № парт билета	С 1918 член ВКП(б) №0876685
9	Кем и когда был и где был в Красной Гвардии и красных партизанах в 1917	По Юго-Осетии с 1918
10	Принимал ли участие в боях где и когда в каких отрядах и против кого	Принимал участие против меньшевистской Грузии
11	Оставался ли у белых после отступления красных где и когда по своему усмотрению, по заданию, по разорению	Нет. по заданиям Компартии работал подпольно против меньшевиков
12	После расформирования Красной гвардии принимал ли участие в Красной Армии когда	Партизан
13	Стоял ли в родстве и в каком с тем гражданином, кому выдает это поручительство	Нет
14	Кому конкретно какие были выделены поручительства, где и когда на получение права льгот и звания красный партизан и красногвардеец	По Осетии
15	Где и когда и при каких обстоятельствах по отряду знает бойца, кому выдает рекомендацию	По Юго-Осетии в 1920 при восстании против меньшевиков
16.	Настоящим рекомендую	<i>Газзаева Владимира Александровича как участника красногвардейского партизанского отряда – при наступлении из Роки на Цхинвал в 1920 г.</i>

Источник: Центральный государственный архив Республики Южная Осетия. Ф. 27. Оп. 1. Д. 227. Л. 5. Рукопись. Подлинник. Автограф.

Приложение 13. Партизанское удостоверение

**Письмо бывшего красного партизана Ждана Председателю Северо-Кавказской
краевой комиссии помощи бывшим красногвардейцам и красным партизанам
о материальной помощи**

10 января 1927 г. г. Ростов-на-Дону

Дорогой Дмитрий Петрович!!!

Надеясь на Ваше великодушие, обращаюсь к Вам как к отцу родному и своему старому командиру. Конечно, я причиню Вам этим беспокойство, но положение, в котором я в настоящее время нахожусь, заставляет меня это сделать, так что прошу извинить меня и прочесть это письмо до конца, я буду краток.

Скажу просто без всяких прикрас – я сейчас голодаю и это, Дмитрий Петрович, тот старый партизан, которого Вы победоносно вели в бой на защиту прав трудящихся. Дорогой Дмитрий Петрович, Вы только один человек, который делал для меня добро. Вас я прошу помочь своему красному партизану ничего не имеющему, кроме 11 ран на теле.

Надеюсь, что советская власть, за которую я боролся, даст мне заработать хотя бы на кусок хлеба. И это сделает мой уважаемый командир тов. Жлоба.

Уважающий Вас Ждан

(подпись)

Цит. по: Хубулова С.А. Заявления бывших красных партизан Юга России в 1920-х – 1930-х гг. // Вопросы истории. 2018. № 9. С. 58.

Краткий список членов подпольной организации и членов революционного совета Алагирского ущелья и Горной Осетии, активно участвовавших в партизанских и повстанческих отрядах, подвергшихся репрессиям в 1930-е гг.

Тахохов Ислам Дударикович	Член ВКП (б) с 1918 г.	Член революционного совета Алагирского ущелья и Горной Осетии, член подпольного комитета РКП (б), умер в 1940 г.
Кутаров Сабан Ахматович	Член ВКП (б) с 1917 г.	Член революционного совета Алагирского ущелья и Горной Осетии, член подпольного комитета РКП (б), умер в 1939 г.
Джатиев Александр	Член ВКП (б) с 1917 г.	Член революционного совета Алагирского ущелья и Горной Осетии, один из руководителей юго-осетинского революционного движения, умер в ссылке
Абаев Александр	Член ВКП (б) с 1917 г.	Член революционного совета Алагирского ущелья и Горной Осетии, один из руководителей юго-осетинского революционного движения, умер в ссылке
Санакоев Мате Иванович	Член ВКП (б) с 1918 г.	Член революционного совета Алагирского ущелья, командующий северными и юго-осетинскими партизанскими и повстанческими отрядами, умер в заключении
Цаллагов Коста	Член ВКП (б) с 1919 г.	Член революционного совета Алагирского ущелья, член подпольного комитета РКП (б), умер в заключении
Цомаев Сахмурза Куцикоевич	Член ВКП (б) с 1919 г.	Член революционного совета Алагирского ущелья, член Архонской подпольной ячейки, находился в лагерях с 1938 по 1948 гг.
Дзукоев Кабан	Член ВКП (б) с 1919 г.	Член революционного совета Алагирского ущелья, руководитель Ходской ячейки РКП (б), умер в заключении
Кучиев Сергей	Член ВКП (б) с 1917 г.	Член подпольной организации РКП (б) в Мамисонском районе, умер в заключении
Кесаев Федор Александрович	Член ВКП (б) с 1919 г.	Председатель ячейки РКП

		(б) с. Цамад, умер в заключении
Батаев Бобо	Член ВКП (б) с 1919 г.	Член ячейки с. Цамад, выполнял специальные задания революционного совета Алагирского ущелья, умер в 1939 г.

Источник: Государственный архив новейшей истории Республики Северная Осетия – Алания. Ф. 1849. Оп. 2. Д. 38. Л. 63. Подлинник. Машинопись. Автограф.